

*Кровь. Порох. Лавры.
Войны России в эпоху барокко
(1700–1762)*

Выпуск первый

Военно-исторический музей артиллерии,
инженерных войск и войск связи

Государственный музей-заповедник «Ораниенбаум»

---

*Кровь. Порох. Лавры.
Войны России в эпоху барокко
(1700—1762)*

*Сборник материалов
Всероссийской научной конференции*

Выпуск первый

На обложке: Петр I. Гравюра начала XVIII в.

На титульном листе: медаль на освобождение Риги от осады саксонских войск Августа II Сильного. 1700 г.

Печатается по решению Редакционно-издательского совета
Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи

Организационный комитет: В.М. Крылов (председатель), В.И. Грибанов (сопредседатель),
С.В. Ефимов (зам. председателя), И.А. Таубин,
С.В. Успенская, С.А. Лазарев, Г.Г. Исаев (секретарь)

Редакционная коллегия: В.М. Крылов (председатель), С.А. Лазарев (отв. секретарь),
С.В. Ефимов (отв. редактор), Ю.В. Утянский,
И.А. Таубин, С.В. Успенская, А.П. Беленькая (редактор)

ОБРАЩЕНИЕ К УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ

От лица сотрудников Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи и Государственного музея-заповедника «Ораниенбаум» приветствуем участников Всероссийской научной конференции «Кровь. Порох. Лавры. Войны России в эпоху барокко (1700–1762)».

Конференция открывается в старейшем военном музее России – Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи, созданном в 1703 г. Петром I как Цейхгауз для хранения и «памяти на вечную славу» уникальных исторических образцов вооружения. Он расположен в историческом центре Санкт-Петербурга – Кронверке Петропавловской крепости и является одним из крупнейших военно-исторических музеев мира. Музей обладает ценнейшими коллекциями артиллерийского вооружения, стрелкового и холодного оружия, инженерной техники, средств связи, боевых знамен, военной формы, произведений батальной живописи и графики, скульптуры, наград и знаков.

Два дня работы конференции пройдут в уникальном дворцово-парковом ансамбле Ораниенбаум, расположенном на южном берегу Финского залива. Он был основан ближайшим сподвижником Петра Великого – А.Д. Меншиковым. Впоследствии – это блестящая загородная резиденция российских государей и членов императорской фамилии – Петра III, Екатерины II, Александра I, великокняжеской четы Михаила Павловича и Елены Павловны, великой княгини Екатерины Михайловны, герцогов Мекленбург-Стрелицких.

Ансамбль включает в себя Большой дворец, Дворец Петра III, Картинный дом, Каменное зало, «Собственную дачу» с Китайским дворцом и Каталальной горкой и другие архитектурные сооружения XVIII в.

В наших музеях сложилась добрая традиция наиболее значимые исторические даты отмечать проведением научных конференций и организацией выставок: «Петр Великий и его время» (1999), «Северная война в судьбах Европы» (2000), «От Нарвы к Ништадту: Петровская Россия в годы Северной войны (1700–1721)» (2001). Научная конференция, которую мы проводим сегодня, еще одно яркое тому подтверждение.

Конференция посвящена 240-летию со дня окончания Семилетней войны (1756–1762). Эта война, равно как и Северная, сыграла важнейшую роль в истории XVIII в. В ней участвовали крупнейшие европейские державы – Россия, Пруссия, Англия, Австрия, Франция, Швеция. Военные действия велись не только в Европе, но и на Североамериканском континенте. Фактически это была мировая война.

В результате блистательных побед русского оружия к концу 1761 г. Пруссия была разгромлена и оказалась в катастрофическом положении. По словам историка и участника войны капитана прусской армии И. Архенгольца, «следовало ожидать конца прусской монархии». Однако 25 декабря 1761 г. (5 января 1762 г. по новому стилю), когда в Петербурге было опубликовано сообщение о взятии русскими войсками крепости Кольберг, скончалась императрица

Елизавета Петровна – главный и непримиримый враг Фридриха II. Престол перешел к ее племяннику Петру III, ревностному поклоннику прусского короля. Новый император поспешил не только заключить с Пруссией мир и вернуть ей все земли, завоеванные русской армией, но и оказал Фридриху II военную поддержку. Таким образом, для России Семилетняя война закончилась в 1762 г.

Положение на театре военных действий резко изменилось в благоприятную для Пруссии сторону. Союзники были уже не в силах продолжать войну без России. Вскоре из войны вышла Швеция (в мае 1762 г.), а затем Франция и Австрия (1763 г.). Границы европейских государств остались *in statu quo ante bellum* (в довоенном состоянии). Но внутренние следствия войны были огромны. Они сказались на всем ходе развития не только международных отношений, но и военного искусства во второй половине XVIII в.

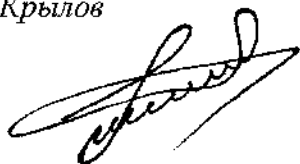
Во время работы конференции будут рассмотрены вопросы, связанные с историей крупнейших войн и военных кампаний России: Северной войны 1700–1721 гг., Прутского похода 1711 г., Персидского похода 1722–1723 гг., Войны за «польское наследство» 1733–1735 гг., Русско-турецкой войны 1735–1739 гг., Русско-шведской войны 1741–1743 гг., Семилетней войны 1756–1762 гг. Доклады участников конференции посвящены людям и событиям вышеперечисленных войн, военному искусству, «вещному» миру войны (оружию, военному костюму, военному быту), дипломатии и международным отношениям, вновь открытым историческим источникам.

Хочется отметить, что темы нашей конференции настолько актуальны, что принять в ней участие изъявили желание ученые не только Санкт-Петербурга и Москвы, но и Тулы, Новосибирска, Воронежа, Нижнего Новгорода, Ставрополя, Минска и других городов. В их числе сотрудники музеев, историки, искусствоведы и археологи, преподаватели вузов и офицеры Вооруженных сил Российской Федерации.

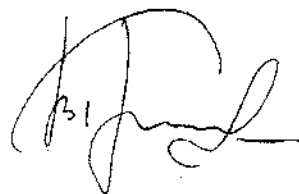
С темой научной конференции перекликается тема большой выставки «Забывтый император», посвященной жизни и судьбе Петра III, которая открылась в июле 2002 г. в Большом Меншиковском дворце в Ораниенбауме.

От имени коллективов наших музеев выражаем сердечную признательность всем участникам и гостям конференции, прибывшим на нее или приславшим свои доклады и сообщения. Надеемся, что наше сотрудничество будет долгосрочным.

Начальник Военно-исторического
музея артиллерии, инженерных войск
и войск связи,
кандидат исторических наук
В.М. Крылов

Директор Государственного
музея-заповедника
«Ораниенбаум»
В.И. Грибанов

НАЧАЛО РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1787–1791 гг. КИНБУРН-ОЧАКОВСКАЯ ОПЕРАЦИЯ 1787–1788 гг.: ОСНОВНЫЕ ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

На начальном этапе войны большое значение имела подготовка к ней враждующих сторон (в последующем успехи или неуспехи больше зависели от предшествующих военных достижений). Наиболее обоснованной представляется скептическая оценка состояния турецких войск во времена русско-турецких войн 1768–1774 и 1787–1791 гг.¹ В отличие от противоположного мнения В.С. Лопатина² она находит подтверждение в словах француза К. Вольнея – современника войны³. Точка зрения В.С. Лопатина не подкреплена фактами. Действительно, турки успешно обороняли некоторые крепости и иногда разбивали австрийцев, но лишь при большом численном превосходстве, например осажденные в Измаиле турки превосходили русских (35 000 против 31 000)⁴. Турки не обладали регулярной пехотой и кавалерией; экономически Турция была гораздо слабее России.

После русско-турецкой войны 1768–1774 гг. стало ясно, что Турция будет стремиться к реваншу. Подготовка России к надвигающейся войне была неразрывно связана с освоением областей Северного Причерноморья, которое проводилось под руководством Г.А. Потемкина. Своего рода венцом его деятельности стало путешествие Екатерины II в Тавриду. Большинство историков сообщает, что Суворов провел перед императрицей маневры в Кременчуге⁵. В.С. Лопатин высказал сомнение в том, что маневры вообще имели место: большинство источников, за исключением графа Сегюра, молчит об этих маневрах. Автор полагает, что за давностью лет впечатления Сегюра об увиденном в Кременчуге слились с воспоминаниями о полтавских маневрах⁶. Но Сегюр описывает происходившее в Кременчуге и Полтаве совершенно по-разному. Кроме того, известно, что в Кременчуге Екатерине показали 6 легкоконных и 1 кирасирский полк, то есть 42 эскадрона⁷. А Сегюр упоминает о 45, увиденных в Кременчуге⁸. Все это доказывает достоверность рассказа французского дипломата. Отсутствие упоминаний о показательных учениях в Кременчуге объясняется просто: в них приняло участие намного меньше войск (10 тысяч)⁹, чем в Полтавских маневрах (85 тысяч)¹⁰. Гораздо более яркими оказались впечатления от праздника, устроенного Потемкиным в Кременчуге¹¹. Но в версии биографов Суворова, думается, действительно есть ошибка: он не руководил маневрами. Об этом нет упоминаний в источниках, в том числе и в «Автобиографии» генерала¹².

Все факты, в том числе и сообщения иностранцев – спутников Екатерины II, противоречат изложенному в трудах некоторых историков¹³ и пущенному в обиход Г. Гельблигом мифу о «потемкинских деревнях», который объявляет все путешествие царицы фарсом, а все мероприятия Потемкина – несостоятельными. Подобную версию критикует и большинство исследователей. «Из месяца в месяц, из года в год шел закономерный и неуклонный процесс заселения и освоения края», – отмечает Е.И. Дружинина¹⁴. Тем не менее обычно не акцентируется тот факт, что процесс этот шел далеко не гладко, особенно в сфере подготовки к войне с Турцией. Немногочисленные русские суда строились из сырого леса, что сказалось на их качестве, а укрепления Херсонской крепости, обложенные дерном, готовы были осыпаться. На обустройство края было издержано очень много денег. Войска не находились в постоянной боевой готовности, и не было плана на случай начала войны. Это задержало открытие русской армией боевых действий на 8 месяцев. По меньшей мере странными выглядят попытки некоторых авторов представить Потемкина виновником начала войны 1787–1791 гг. Переписка фельдмаршала с Екатериной показывает, что еще в 1787 г. он желал «протянуть два года, а то война прервет построение флота»¹⁵.

К началу русско-турецкой войны 1787–1791 гг. русские войска, находившиеся на Украине, были разделены на две армии: Украинскую фельдмаршала Румянцева и Екатеринославскую фельдмаршала Потемкина. Боевые действия в 1787–1788 гг. Екатеринославской армии и Днепровской флотилии против турок в районе крепостей Кинбурн и Очаков получили название Кинбурн-Очаковской операции. В литературе встречаются различные датировки боя на Днепровском лимане – начала боевых действий: 19 августа¹⁶, 20 августа¹⁷, 21 августа¹⁸ (без ссылок на документы). А согласно донесению Суворова Потемкину от 25 числа бой произошел 20 августа¹⁹.

8 сентября русская Черноморская эскадра попала в жестокую бурю. Получив оказавшиеся позже неверными известия о том, что флот погиб, Потемкин попросил Екатерину II освободить его от командования и предложил вывести войска из Крыма. Эти письма вызывают различную реакцию у историков. Более аргументирована негативная оценка²⁰. О каком «чувстве ответственности» может идти речь, если в случае выполнения плана турки получили бы контроль над выходом из Азовского моря и плацдарм для наступления в Северную Таврику. Но при всем том в словах князя, на наш взгляд, следует видеть не трусость, а влияние болезни. Он сетовал в одном из писем: «Болезнь угнетает – ума нет»²¹.

1 октября А.В. Суворов разбил турецкий десант под Кинбурном. В литературе масштабы победы несколько преувеличиваются. Принято считать, что у турок, имевших 5000 человек²², был значительный перевес в силах, однако нет единого мнения по поводу численности отряда Суворова. Приводят цифры: 4405²³, 3000²⁴, 1000²⁵. Между тем согласно рапорту самого Суворова численность войск после сражения составила 4267, потери – 447 человек, значит, всего в бою было 4714²⁶. Итак, силы русских и турок были почти равны. Количество вернувшихся в Очаков оценивают тоже по-разному: 700²⁷, 500²⁸ либо 300²⁹ человек. Суворов сообщает о 700³⁰, но лишь со слов очевидца, который мог сильно ошибиться, в то время как посланные на косу следующим утром нашли на ней всего 1500 тел³¹. Последняя цифра точнее, так как убитых легко пересчитать. Таким образом, потери турок, вероятно, завышены почти в 3 раза. В литературе не акцентируется внимание на том, что Суворовым 1 октября была допущена досадная ошибка: он позволил врагам высадиться на косе и закрепиться там. Эту ошибку признал сам Суворов: на случай нового десанта он требовал «к наималейшей выгрузке неприятельского войска на мыс не допускать»³².

Что касается украинской армии, то она 18 сентября 1788 г. взяла важную турецкую крепость Хотин. Сражения турецкого флота с русским 7, 17 июня и 1 июля (на Днепровском лимане) и 3 июля (у о. Фидониси) окончились полным разгромом врага. 1 мая 1788 г. Екатеринославская армия снялась с зимних квартир и 1 июля окружила крепость Очаков. 27 июня при отражении вылазки турок А.В. Суворов потерпел поражение. Исследователями были сделаны следующие предположения: устав от бездеятельности Потемкина, генерал пытался воспользоваться вылазкой турок, чтобы побудить фельдмаршала штурмовать Очаков³³; Суворов начал бой по необходимости, и лишь в ходе сражения, когда большая часть гарнизона Очакова обратилась против его отряда, генерал предложил князю воспользоваться этим³⁴; Суворов был пьян³⁵. Первая и вторая версии не находят подтверждения в источниках. Третья версия является маловероятной: мы прекрасно знаем, какой спартанский образ жизни вел Суворов. Наиболее достоверно сообщение самого генерала: солдаты без приказа стали преследовать врага, что и привело к поражению. До сих пор не проводилось сравнения этой плохо управляемой стычки с отражением вылазки 18 августа, когда события развивались по той же схеме, что и 27 июля: один батальон вопреки приказам бросился на турок в штыки, чем спровоцировал начало кровопролитного боя.

Не случайно некоторые историки выдвинули версию, что Суворов предложил во время боя 27 июля начать общий штурм Очакова. Вероятность успешного завершения такой атаки была велика. Сомнения в этом В.С. Лопатина³⁶ представляются безосновательными. Большой урон в отряде Суворова показывает, какую значитель-

Неизвестный художник. Взятие турецкой крепости Очаков 6 декабря 1788 г. Конец XVIII в.

ную часть гарнизона враг бросил против него и, соответственно, насколько была ослаблена защита стен. Двое французов – очевидец осады Роже де Дама и инженер Лафит, строивший укрепления Очакова, – свидетельствуют о слабости оборонительных сооружений³⁷.

После неудачного боя, предпринятого 27 июля, отношения между Потемкиным и Суворовым резко ухудшились. В литературе не существует единого мнения по поводу длительности конфликта. Одни авторы уверены в том, что ссора затянулась, по крайней мере, на полгода. Следствием нерасположения фельдмаршала считают и то, что генерал-аншеф не был внесен в начале 1789 г. в списки генералитета для новой кампании. Более близкой к истине представляется версия М.И. Семевского³⁸ и В.С. Лопатина³⁹: размолвка была недолгой. Это подтверждает переписка Суворова и Потемкина⁴⁰. Главный аргумент против рассказов о кознях Потемкина в начале 1789 г., не использованный Лопатиным, нам удалось найти в документах. Существует всего 2 расписания русской армии, датированных 1789 г. В первом из них (21 января)⁴¹ вообще не упоминаются военачальники званием выше генерал-поручика (а Суворов был генерал-аншефом). Во втором (май)⁴² Суворов уже числится командующим 3-й дивизией.

Лишь 6 декабря Очаков был взят штурмом. Историки по-разному оценивают деятельность Потемкина во время осады. Следует принять точку зрения тех исследователей, которые порицают фельдмаршала за крайнюю медлительность⁴³. На овладение крепостью фельдмаршал потратил более 5 месяцев, поздней осенью наступили холода, что привело к большой смертности среди солдат, засвидетельствованной очевидцами⁴⁴. До сих пор не были использованы бумаги Г.А. Потемкина, в которых также можно найти весомое доказательство этому. Согласно Ведомости на 18 марта 1788 г., в Екатеринославской армии было 49 000 пехотинцев⁴⁵. А после взятия Очакова, по признанию самого Потемкина, армия «не составляла и 14 тысяч пехоты». Потери в боях составили примерно 3000. Значит, от болезней пехота потеряла примерно 32 000, то есть почти две трети.

Некоторые историки пытаются защитить Потемкина от обвинений. Однако согласиться с тем, что иностранные волонтеры – подчиненные Потемкина – и представители союзников, не имевшие никаких прав, могли как-то помешать князю проводить осаду по его усмотрению (это довод апологета Потемкина М.И. Семевского⁴⁶) – значит признать полное его безволие и нежелание пользоваться властью. Напротив, всем известны честолюбие и властолюбие князя. В тот момент, когда стало известно о твердости почвы в районе Очакова, очевидной стала и неэффективность правильной осады, и Потемкин должен был решиться на штурм. Позже поводом для промедления могли служить сведения о заговорах с целью сдачи крепости (таков аргумент В.С. Лопатина⁴⁷), но оба они были раскрыты к 17 октября, Потемкин же прождал еще больше полутора месяцев.

Мы можем сделать вывод, что военным гением князь явно не обладал, проявляя в боевых действиях излишнюю методичность. В то же время не следует считать Светлейшего ни к чему не способным сибаритом, обязанным своим положением лишь прихотям Екатерины II. Потемкин был талантливым администратором и неутомимым тружеником (это он показал при освоении Северного Причерноморья), способным дипломатом, настоящим государственным человеком.

Итак, в ходе Кинбурн-Очаковской операции была отражена попытка врага закрепиться в Кинбурне, удалось захватить Очаков, контролировавший выход из устьев Днепра и Буга. Но из-за плохой подготовленности России к войне было затянута открытие боевых действий русской армией. Медлительность Потемкина привела к тому, что на осаду Очакова у русских войск ушла вся вторая половина года и они понесли большие потери от недостатка продовольствия и холодов.

¹ Богданович М.И. Походы Румянцева, Потемкина и Суворова в Турцию. СПб., 1852. С. 6; Осипов К. А.В. Суворов. М., 1954. С. 66-67; Петров А.Н. Вторая турецкая война в царствование Екатерины II. СПб., 1880. С. 59; Петрушевский А.Ф. Генералиссимус Суворов. Т.1. СПб., 1884. С.144-145.

² Лопатин В.С. Потемкин и Суворов. М., 1992. С. 46.

³ Volney C.. Considerations sur la guerre actuelle de Turcs. Paris, 1888. P. 37-39.

⁴ Петрушевский А.Ф. Указ соч. С. 383.

⁵ Заичкин И.А., Почкаев И.Н. Русская история: От Екатерины II до Александра II. М., 1994. С. 171-174; Осипов К. Указ соч. С. 224-256; Петров А.Н. Указ соч. С. 84; Петрушевский А.Ф. Указ соч. С. 249-251; Полевой Н.А. История князя Италийского, графа Суворова-Рымникого. СПб., 1858. С. 111.

⁶ Лопатин В.С. Указ соч. С. 108-111.

⁷ Путешествие Екатерины II в южную Россию в 1787 году // Киевская старина. 1891. Июль. С. 26-28.

⁸ Scgur F.. Memoires ou souvenirs et anecdotes. V. 3. Paris, 1827. P. 133.

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ligne, prince, de. Oeuvres de prince de Ligne. V. 2. Paris, 1860. P. 15.

¹² Суворов А.В. Сборник документов. Т. 2. М., 1949-1953. С. 46.

¹³ Петрушевский А.Ф. Указ соч. С.248.

¹⁴ Дружинина Е.И. Северное Причерноморье в 1775-1800 гг. М., 1959. С. 185.

¹⁵ Екатерина II и Г.А.Потемкин. Личная переписка / Подгот. Лопатин В.С. М., 1997. № 747. С. 225.

¹⁶ Петрушевский А.Ф. Указ соч. С. 300; Полевой Н.А. Указ соч. С. 117.

¹⁷ Лопатин В.С. Указ соч. С. 186; Ростунов И.И. Генералиссимус А.В. Суворов. М., 1989. С. 228.

- ¹⁸ Дружинина Е.И. Указ. соч. С. 223; Петров А.Н. Указ. соч. С.93.
- ¹⁹ Суворов А.В. Сборник документов. Т. 2. № 285. С. 316; Письма и бумаги Суворова, Потемкина, Румянцева. 1787-1788 / Под ред. Д.Ф. Масловского // Сборник военно-исторических материалов. Вып. IV СПб., 1893. № 18. С. 12.
- ²⁰ Брикнер А.Г. Потемкин. СПб., 1891. С. 117; Петров А.Н. Указ. соч. С. 106; Петрушевский А.Ф. Указ. соч. С. 305-306.
- ²¹ Бумаги князя Г.А.Потемкина-Таврического, 1774-1791 / Под ред. Н.Ф. Дубровина // Сборник военно-исторических материалов. Вып. VI-VIII. СПб., 1893-1895. № 140. С. 150.
- ²² Суворов А.В. Сборник документов. Т. 2. № 317. С. 342.
- ²³ Ростунов И.И. Указ. соч. С. 269.
- ²⁴ Осипов К. Указ. соч. С. 128-130; Петров А.Н. Указ. соч. С. 101; Петрушевский А.Ф. Указ. соч. С. 312; Полевой Н.А. Указ. соч. С. 118.
- ²⁵ Семевский М.И. Потемкин // Русская старина. 1875. Кн. 13. С. 21.
- ²⁶ Суворов А.В. Сборник документов. Т. 2. № 316, 323. С. 347.
- ²⁷ Михайлов О.Н. Суворов. М., 1973. С. 233; Осипов К. Указ. соч. С. 91; Петрушевский А.Ф. Указ. соч. С. 312; Полевой Н.А. Указ. соч. С. 21.
- ²⁸ Богданович М.И. Указ. соч. С. 120; Заичкин И.А., Почкаев И.Н. Указ. соч. С. 180; Ростунов И.И. Указ. соч. С. 213.
- ²⁹ Петров А.Н. Указ. соч. С. 101.
- ³⁰ Суворов А.В. Сборник документов. Т. 2. № 318. С. 343.
- ³¹ Письма и бумаги Суворова, Потемкина, Румянцева. 1787-1788 //Сборник военно-исторических материалов. Вып. IV. № 71. С. 47.
- ³² Суворов А.В. Сборник документов. Т. 2. № 328. С. 350.
- ³³ Богданович М.И. Указ. соч. С. 150; Брикнер А.Г. Указ. соч. С. 150; Осипов К. Указ. соч. С. 94-95; Заичкин И.А., Почкаев И.Н. Указ. соч. С. 180.
- ³⁴ Петрушевский А.Ф. Указ. соч. С. 326-329; Полевой Н.А. Указ. соч. С. 130-131.
- ³⁵ Михайлов О.Н. Указ. соч. С. 247.
- ³⁶ Лопатин В.С. Указ. соч. С. 142.
- ³⁷ Дама Роже, дс. Записки // Старина и новизна. 1914. Кн. 18; Segur. Op. cit. P. 340.
- ³⁸ Семевский М.И. Указ. соч. С. 39.
- ³⁹ Лопатин В.С. Указ. соч. С. 154.
- ⁴⁰ Суворов А.В. Письма. М., 1986. № 265-268, 271, 273, 275.
- ⁴¹ Бумаги князя Г.А.Потемкина-Таврического, 1774-1791 //Сборник военно-исторических материалов. Вып. VI-VIII, Т. 7. № 149.
- ⁴² Там же. Т. 1. № 191.
- ⁴³ Богданович М.И. Указ. соч. С. 148-149; Брикнер А.Г. Указ. соч. С. 152; Заичкин И.А., Почкаев И.Н. Указ. соч. С. 188; Осипов К. Указ. соч. С. 96-97; Михайлов О.Н. Указ. соч. С. 250; Петров А.Н. Указ. соч. С. 184, 187-189; Петрушевский А.Ф. Указ. соч. С. 331-332; Полевой Н.А. Указ. соч. С. 135; Прочко И.С. История развития артиллерии. СПб., 1994. С. 156; Ростунов И.И. Указ. соч. С. 282.
- ⁴⁴ Дама Роже, дс. Записки. С. 52, 58; Цебриков Р.М. Вокруг Очакова // Русская старина. 1895. Сентябрь. С. 199; Энгельгард Л.Н. Записки Энгельгарта. М., 1860. С. 72; Ligne, prince, de. Op. cit. P. 82-83.
- ⁴⁵ Бумаги князя Г.А.Потемкина-Таврического, 1774-1791 //Сборник военно-исторических материалов. Вып. VI-VIII. Т. 6. № 261. С.241.
- ⁴⁶ Семевский М.И. Указ. соч. С.36-37.
- ⁴⁷ Лопатин В.С. Указ. соч. С.142.

ГИГИЕНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА АРМЕЙСКОГО БЫТА ЭПОХИ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1735–1739 гг. В ПРИКАЗАХ ГРАФА Б.-Х. МИНИХА

Порицание колоссальных, до половины всей армии, потерь – атрибут оценки русско-турецкой войны 1735–1739 гг. в историографической традиции. Эти потери еще в XVIII в. давали неудачливым союзникам России австрийцам и не более удачливым противникам пруссакам основания для суждений о непрочности ее военной силы, а в самой России использовались как «материал» для «дела» потерпевшего поражение в придворной борьбе графа Б.-Х. Миниха. С царствования Елизаветы Петровны (не простившей фельдмаршалу службы ее конкурентам на пути к трону) эти обвинения стали частью сентенции о «немецком засилье», губившем все живое, которая вошла в заключения историков XIX–XX вв. И в новейшее время сохраняется представление о легкомыслии или неспособности командования уберечь армию, в силу чего она гибла в степи не столько от ударов турок и татар, сколько от лишений и болезней¹. Этот вывод покоится отчасти на инерции, но еще более – на многоукладности отечественного исторического знания, где между историей права и армии, торговли и медицины – «дистанции огромного размера».

Простое сопоставление общедоступных данных медицинской статистики и нормативных документов, регулирующих повседневную жизнь армии Б.-Х. Миниха, показывает, что действительно громадные людские потери отнюдь не были исключительным явлением, а самый факт сохранения армии как целого в значительной степени обуславливался неизменно поддерживавшимся в ней «мунстрованием» порядком.

Пресс исторического штампа часто базируется на придании исключительности явлению массовому. Между тем, открыв энциклопедию Брокгауза и Ефрона на статье «Военная медицина», всякий может прочитать: «Относительно почти всех войн констатирован факт, что число погибших от оружия, равно как число раненых, представляет незначительную часть общего числа умерших и заболевших». В основе заключения почтенного справочника (1892 г. издания) – данные статистики крупнейших европейских стран конца XVIII–XIX вв. Согласно этим сведениям с 1793 по 1865 г. человечество потеряло в войнах около 8 млн человек, из которых 1,5 млн погибло от неприятельского оружия, а 6,5 млн умерло от болезней.

Обращают на себя внимание два обстоятельства, следующие из подсчетов военных медиков. Во-первых, не было жесткой зависимости между числом заболевших и боеспособностью армии (армия Наполеона, двигаясь на Москву, потеряла около трети своего состава от эпидемий, среди которых главенствовал сыпной тиф, затем был период, когда армия М.И. Кутузова также потеряла больными около трех пятых)². Во-вторых, успехи медицины последней трети XIX в. в отношении гигиены далеко не сразу дали заметный эффект. Например, в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. число умерших от тифа все еще превышало число умерших от ран³. Наконец, для адекватного восприятия прошлого человеком рубежа XX–XXI вв., которому «выпадает карта от рака до инфаркта», приходится постоянно помнить, что причинные и возрастные составляющие смертности являются величиной переменной⁴.

Общую характеристику структуры и порядка действия военно-медицинской службы в России в 1730-е гг. дал С.А. Семека⁵, основывавшийся в своей работе, главным образом, на документах Медицинской канцелярии. Вопросы общей, в том числе гигиенической культуры армейского быта им не затрагивались. Интересный материал в этом отношении дает такой хорошо известный источник, как приказы гр. Б.-Х. Миниха за 1736–1738 гг.⁶ В приказах, свободных, по справедливому указанию опубликовавшего их А. Байова, «от самовосхваления при удачах и оправдания себя при неудачах», предназначенных для внутреннего пользования и немедленно реагирующих на все вновь возникающие проблемы, армия предстает не бронзой монументов и не набором условных значков на карте, но живым и дышащим человеческим муравейником. В сочетании с донесениями главнокомандующего⁷ приказы дают возможность судить о нормах, которыми руководствовались, и средствах, которые использовали для сохранения жизни и здоровья «живой силы», как говорили в XX в., или «солдатства», как говорил гр. Б.-Х. Миних.

Первостепенный предмет забот составляло питание: его достаточность, доброкачественность и, в известном смысле, разнообразие. Показателем такого разнообразия считали погребление круп и, прежде всего, мяса. Так, 22 июля 1736 г. приказано «мясо раздать... неотменно, дабы некоторая была приуслорность хлебу». Б.-Х. Миних старался следить, чтобы не питались «одной мукой» или «одним мясом»⁸. Высочайшим распоряжением запрещено было питание больных рыбой. Миних, пытаясь доказать, что рыба не могла быть источником болезней уже потому, что на все войско ее никогда не доставало, однако, рапортовал о ее исключении из рациона больных⁹.

Мясо же безусловно признавалось самым ценным элементом питания. Если бы поговорка шведских солдат Карла XII о докторе-водке, докторе-чесноке и докторе-смерти сложилась в русской армии, ее непременно пришлось бы дополнить упоминанием доктора-мяса. Б.-Х. Миних ходатайствовал перед императрицей о раздаче быков «сверх жалованья» ради «трудных беспрестанных маршей». Великий пост рассматривался как значимый фактор увеличения числа больных. Мясо при всякой возможности полагалось больным и в первую очередь – раненым¹⁰.

Запретительные мероприятия в отношении питания касались пресечения попыток спекуляции – при покупке у запорожцев припасов с последующей перепродажей их среди своих товарищей – «что весьма при войске чистить не надлежит», а также приобретения у «маркитентеров» заведомо «нездоровых» продуктов¹¹.

Генерал-фельдмаршал Б.-Х. Миних

Для профилактики желудочных расстройств использовались чеснок, хрен, уксус, в отдельных случаях – вино и сбитень. Рекомендации вина и сбитня часто сопровождалась оговорками о «докторском рассмотрении». По особому указанию генерал-штаб-доктора П.З. Кондоиди (известного в качестве одного из организаторов военно-медицинской службы в России) «для поправления худых вод» проповали применять сожженные в уголь сухари¹².

Упоминания о совещаниях с врачами и следовании их рекомендациям нередко встречаются в донесениях на высочайшее имя, где они служат доказательством умножения болезней не в силу недосмотра или невыполнения требований медицинской науки, но из-за объективных причин. Однако и в повседневной войсковой жизни медики играли определенную роль. Для рассмотрения подаваемых ими письменных представлений о причинах распространения болезней собирали генералитет, сопоставлялись мнения разных докторов (присутствовать при этом должны были и полковые лекари), принимались в расчет их требования о размещении аптеки¹³.

Особое внимание уделялось контролю за действиями лекарей со стороны докторов, обязательным в уходе за больными и особенно ранеными считалось применение «медикаментов» (хотя каков был их состав, остается неясным)¹⁴.

Искреннее недоумение командующего вызвала ситуация, когда армия «по Днепру обреталась», имея «презрядный воздух и сухие лагеря», довольно сухарей, круп и мяса, и не имела «никакого труда», мар-

шируя не более 14-15 верст в сутки, а уровень заболшевности оставался высоким¹⁵. Это сегование дает представление о тех условиях, которые рассматривались, в противоположность обрисованным, как факторы риска. Ведущее место среди них занимал дефицит проточной воды. При этом задача командования не сводилась к сознанию вредности стоячей воды, но к обеспечению эффективного контроля за ее запретом. Так, 30 июня 1738 г. объявлялось: «Почеже армия лагерь имеет при реке Буге, где весьма воды довольно имеется, того ради во всех полках и командах накрепко подтвердить, дабы никто кроме той реки воды из луж, имеющихися иногда перед фрунтом и за фрунтом, под штрафом брать не дерзали»¹⁶. Отдельными распоряжениями предписывалось в лишенных рек местах рыть колодцы, а в случае стоянки на месте прежде бывшего лагеря брать воду выше по течению¹⁷. Особая забота была уделена «новоприверстанным» солдатам. Б.-Х. Миних приказал «разделять» их по артелям, «смешая со старыми, ...дабы они лучше содержание иметь могли и сколько возможно за тем смотреть, чтоб не из всякой лужи или в озерах стоящей воды в пищу употребляли»¹⁸.

К числу военно-бытовых проблем, которые решались исключительно на «приказном» уровне, минуя официальные реляции, в полном соответствии с русской пословицей о соре и избе, относился вопрос о поддержании чистоты. При внимательном чтении соответствующих распоряжений обнаруживается, что здесь проходит своего рода водораздел мировосприятия человека пост- и допастеровской эпохи. Соблюдение чистоты диктовалось как норма, но само понимание ее существа отличалось от современного. Еще в Морском регламенте (который впоследствии рассматривался как правовая основа многих медицинских мероприятий) выдвигались требования частой смены белья «поносных» больных и уборки помещений до белизны. Вместе с тем одна чашка полагалась для еды семерых человек.

В армии Б.-Х. Миниха также знали о связи «нечистоты» и приумножения болезней. Главнокомандующий налагал штрафы и иные взыскания на офицеров, повинных в несмотрении за опрятным содержанием лагеря, своевременной уборкой палой либо битой и неупотребленной скотины, размещением нужников вне установленного расстояния за фрунтом, сосредоточением нечистот «позади лагеря»¹⁹. Предмет личного огорчения Б.-Х. Миниха составил тот факт, что «ныне время летнее стоит, и путь паш по сухим, а не болотным местам проходил; токмо драгуны и солдаты все перемарались»²⁰. Всякий период хорошей погоды он предписывал использовать для чистки и починки мундиров. Не гнушаясь напоминать о «мытье белья», он и в обязанности генералитета включил ежеутренний пересмотр обмундирования полков²¹.

Вместе с тем для замены изношенной формы практически постоянно служила раздача вещей – включая камзолы и штаны – с умерших, без какой бы то ни было обработки²². Бани, насколько позволяет судить сохранившийся корпус приказов, стали стремиться приумножать лишь в кампании 1738 г. и рассматривали их, главным образом, не в качестве гигиенического мероприятия, но средства лечения больных и, по возможности, «ободрения» здоровых²³. Что касается борьбы с паразитами человека – первопричиной резкого роста заболеваемости в условиях скученности, – то упоминаний о них вообще нет в приказах, как и в других документах XVIII в., трагующих вопросы гигиены. Этому времени, согласно периодизации отношения к паразитам, разработанной выдающимся отечественным медиком Е.Н. Павловским, соответствовали терпимость, отсутствие безразличности, несение своего рода «новинности по прокорму кровососов», разделяемой и привилегированными слоями населения, и его массой²⁴.

Чистота, которой уделялось очень большое внимание в армии, выступала как категория своего рода эстетическая (и, прежде всего, уставная). В приказах Б.-Х. Миниха зачастую соседствуют понятия чистоты и соответствия строевому порядку. «Усмотрено мною, – пишет он, – что при полках офицеров не токмо мало в строю, но которые и есть, те в немалом непорядке и не в надлежащем мундире и чистоте, а при Московском драгунском полку знаменный караул... не в прямой линии с полком поставлен был»; «драгунам и солдатам» предписывалось «быть во всякой чистоте и, как выше писано, в строю людей сколько можно больше иметь»; к молебну после победы под Перекопом надлежало «выступить... во всякой чистоте, в строю иметь при себе по три холостых патрона»²⁵.

Отклонения от чистоты понимались как отклонения от нормы, нормой же и высшей ценностью для армии почитался строй. Говоря о жестких, едва ли не жестоких требованиях к солдату, надо принять во внимание, что они основывались именно на убежденности в высоком предназначении армейского порядка. Требовалось «смотреть накрепку: чтобы рядовые, стоя в ружье, шляп от солнца не отпускали», а начальников, недосмотревших за солдатами, складывавшими пики и ружья в возы, ждали наказания²⁶.

Но при этом не тяжесть ради тяжести была самоцелью. Так, убедившись в неэффективности сравнительно со штыком в солдатском бою шпаг, составляющих при том вместе с епанчей, ранцем и патронной сумой отягощение на марше, Б.-Х. Миних сделал соответствующее представление императрице и распорядился оставить солдатские шпаги наряду с эспантонами и протазанами на зимних квартирах; те же епанчи, в отличие от оружия, позволял для облегчения «пехоты» складывать на возы; осенью стремился сократить число пикетов, от которых «солдатству» по «нынешнему холодному времени» могли прикочиться болезни; еще ранее добивался максимального использования палаток как для здоровых, так и в особенности для больных²⁷.

Неизвестный художник.
Фузилеры артиллерийского полка. 1731 г.

Убежденность в высоком предназначении ратного труда проявлялась в освобождении строевых солдат от «грязных» работ – в закапывании падали, уборке нечистот профосам должны были помогать «нерегулярные» – казаки, маркитанты, возчики²⁸. Зато и от солдат требовалось, чтобы они «хотя б при дальнем марше, однако ж при нынешних красных днях и доброй погоде не так были опущены, как ныне находятся, ...ибо многие без галстуков и в прочей нечистоте имеются»²⁹. Образцовое состояние внешнего вида как бы отождествлялось с образцовым состоянием духа.

«Ободрение» как самостоятельная задача полагалось нужным лишь в отношении выбывших из строя и возлагалось на офицеров, которые наравне с докторами несли ответственность за «пользование больных и излечение раненых», дабы они могли выздороветь и возвращаться в общие ряды. Среди многообразных обязанностей офицеров в армии Б.-Х. Миниха был двухразовый ежедневный пересмотр больных своего подразделения с удостоверением в наличии у них всего необходимого, заботой об их оружии, контролем за применением всех «удобовозможных» способов лечения. Обязанность эта, судя по нареканиям главнокомандующего, не всегда выполнялась в полном объеме, но как норма в кампаниях 1736–1738 гг. существовала неизменно. Вообще набор требований, предъявлявшихся к подчиненным, формировался и дополнялся по мере накопления опыта, но с очевидной регулярностью включал указания о печении хлебов, заготовлении при наличии малейшей возможности дров для такого печения впредь, о запасе воды, о своевременном водоопое лошадей и скота, недопущении потери какого бы то ни было имущества и оставлении его в виду неприятеля «к его будто увеселению»³⁰. Указания сугубо частные

были редки и заключали в себе либо печать общего технического решения – вроде застилки досок при переправах камышом для их сбережения и дальнейшего использования или ссучивания трех выдернутых из полотна нитей в одну для шитья новых палаток при невозможности покупки необходимых материалов у маркитантов³¹ – либо демонстрацию того, что от «ока» командующего ничто не скроется (Н.И. Костомаров упоминает о том, что среди солдат Миниха называли «соколом»³²). Такие указания начинались с оборота «усмотрено мною...». Одно из «усмотрений» сохранило для истории имя рядового Герасима Иванова³³, приметного совершенно изодравшимся мундиром, почему над его начальством было наряжено следствие. В целом же приказы создают представление об армии как о большом, но в буквальном смысле обозримом хозяйственном организме, нуждающемся в рачительной опеке и получающем ее.

Рассмотрение армейского обихода русско-турецкой войны 1735–1739 гг. в контексте других кампаний того времени, прежде всего Семилетней войны, в определенной степени унаследовавшей часть офицерского корпуса эпохи Б.-Х. Миниха, остается задачей дальнейших исследований. Но самый беглый обзор соответствующих материалов, включая динамику численности небоевых потерь на протяжении хода военных действий, свидетельствует о значительной степени воспроизводства сходных проблем. Быть может, это отсутствие преемственности опыта обуславливалось сосредоточением всех нитей в одних руках, так что со сменой «рук» разлаживался и затем вновь воссоздавался весь механизм. Как бы то ни было, руки, ведавшие тем «солдатством», которое впервые в русской истории овладело Крымом и разбило турецкую армию в поле, были не всемогущи и едва ли благодетельны, но сильны, заботливы и чисты.

¹ Петрухинцев Н. Война с пространством // Родина. 1998. № 5/6. С. 64, 66.

² Павловский Е.Н. Руководство по паразитологии человека: В 2 т. Л., 1948. Т. 2. С. 649.

³ Там же.

⁴ Так, например, М.В. Ломоносов в отзыве на проект преобразования Академии наук в 1758–1759 гг. писал: «Сочинитель не имел никакого понятия о человеческом роде, не знал... что молодых больше умирает, нежели старых, так что едва сороковой человек до тридцати лет доживает, для чего школьников много больше надобно, чем студентов». См.: Ломоносов М.В. О необходимости преобразования Академии // Биллерский П.С. Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865. С. 448.

⁵ Семска С.А. Военно-медицинская организация вооруженных сил Российской дворянской империи XVIII в. во время русско-турецкой войны 1735–1739 гг. М., 1955 (Очерки истории военной медицины в России. Вып. 5).

⁶ Приказы графа Миниха за 1736–1738 гг. / Под ред. А.Байова. СПб., 1904 (Сб. Военно-исторических материалов. Вып. 14; далее: Сб. Вып. 14).

⁷ Всеподданнейшие донесения гр. Миниха / Под ред. А.З. Мышлаевского. СПб., 1897. Ч. 1. Донесения 1736 и 1737 годов (Сб. военно-исторических материалов. Вып. 10; далее: Сб. Вып. 10).

⁸ Сб. Вып. 14. С. 44, 46.

⁹ Сб. Вып. 10. С. 166.

¹⁰ Там же. С. 101, 282; Вып. 14. С. 201, 213, 217, 242.

¹¹ Сб. Вып. 14. С. 154, 182.

¹² Семска С.А. Указ. соч. С. 26.

¹³ Сб. Вып. 14. С. 217, 256; Вып. 10. С. 12.

¹⁴ Сб. Вып. 14. С. 106, 140, 187, 220, 242.

¹⁵ Сб. Вып. 10. С. 150.

¹⁶ Сб. Вып. 14. С. 237.

¹⁷ Там же. С. 99, 272.

¹⁸ Там же. С. 182.

¹⁹ Там же. С. 36, 42, 58, 85, 127, 157, 294.

²⁰ Там же. С. 33.

²¹ Там же. С. 36.

²² Там же. С. 136, 147.

²³ Там же. С. 225, 229, 231.

²⁴ Павловский Е.Н. Паразитологические мотивы в художественной литературе и народной мудрости. Л., 1940. С. 6.

²⁵ Сб. Вып. 14. С. 94, 257.

²⁶ Там же. С. 33, 62, 74.

²⁷ Сб. Вып. 10. С. 307; Вып. 14. С. 29, 92, 169.

²⁸ Сб. Вып. 14. С. 42, 278.

²⁹ Там же. С. 34.

³⁰ Там же. С. 274.

³¹ Там же. С. 93, 123, 161.

³² Костомаров Н.И. Фельдмаршал Миних и его значение в русской истории // Вестник Европы. 1884. № 9. С. 25.

³³ Сб. Вып. 14. С. 173.

«МИР» НА РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ГРАНИЦЕ В ПРЕДДВЕРИИ ВОЙНЫ 1735–1739 гг.

Определяющее значение в отношениях России и Турции в XVIII в., сколько бы многообразны они ни были, разумеется, имела череда войн. Воцарявшийся между ними мир, хотя в определявших его условиях договоров иногда именовался вечным, не был добрым и рассматривался, во всяком случае во «внутренних» документах русской верховной власти и ее учреждений, как явление временное. Но время это, растягиваясь на годы и даже десятилетия, вмещало в себя и попытки паллиативного решения тех проблем глобального конфликта соседних держав, которые находили выражение в типичной для эпохи формулировке «обоюдных между российскими и турецкими подданными обид и ссор».

Эти «обиды» за вычетом чисто бытовых стычек жителей приграничных территорий заключались в набегах подвластных султанам кочевых народов на русские губернии, их разграблениях и уводе населения в рабство, что являлось, как справедливо заметил Н.Н.Петрухинцев в статье о войне 1735–1739 гг.¹, постоянным фактором государственной жизни первых десятилетий XVIII в. Организация же их «сатисфакции» получила свое становление в форме Комиссии, которая в 1720–1730-е гг. имела своим опорным пунктом укрепление на Дону, до 1730 г. именовавшееся просто Транжementом, а затем преобразованное в крепость Св. Анны. Материалы, освещающие ее деятельность², отражают оказывающее на последнюю решающее влияние соотношение сил сторон лишь опосредованно и фрагментарно. Но зато они позволяют достаточно полно воссоздать хронику пограничных контактов, до сих пор практически не известную, в том числе и в аспектах стоящих за ней дипломатической борьбы и военных планов.

Совершенно не изучена и сама ординарная для XVIII в. практика образования под эгидой Коллегии иностранных дел типологически однородных Комиссии в Транжemente³ пограничных комиссий. Отсюда – необходимость выделить (насколько позволяет их собственное делопроизводство) прежде всего те их черты, которые определялись не современными им административными установками, а «посольскими» традициями прошлого.

Таков, в первую очередь, сам обычай посылки на границы полномочных «комиссаров» для определенных переговоров с равным образом уполномоченными представителями другой державы, которые предваряются объявлениями о прибытии через начальствующих в данной области лиц (командующих войсками, комендантов крепостей или губернаторов). Далее, сам «съезд» как кульминационный момент и плавная цель всей миссии, который происходит в сопровождении конвоя, не уступающего внушительностью конвою зарубежных партнеров, и должен завершаться разменом документов, фиксирующих итоги переговоров. И, наконец, представление в дипломатическое ведомство «статейных списков» с изложением хода и результатов предпринятых акций⁴.

Вместе с тем невозможно утверждать определенно, знаменовало ли завершение подобной комиссии осуществление (или неосуществление) «съезда» или новое назначение «комиссарами» иных либо тех же лиц. Однако ясно, что сменяющие друг друга «комиссары» вместе с приданным им канцелярским штатом, несмотря на действия по инструкциям Коллегии иностранных дел и исполнение время от времени «ордеров» командующих пограничными войсками, являлись самостоятельными административными структурами. И эти структуры на русско-турецкой границе 1720–1730-х гг. трактовались разными правительствами как единственное учреждение – в качестве какого-то Комиссии в Транжemente и будет рассматриваться.

Первый этап ее функционирования, связанный с «комиссарством» бригадира П.В.Измайлова и полковника И.И.Тевяшова, имел предысторию, изложенную в Наказе Коллегии от 19 ноября 1718 г., который обер-комендант Павловска П.В.Измайлов получил в декабре вместе с именным указом о своем назначении⁵. Там сообщалось, что требование об удовлетворении за увод в полон и грабежи под Астраханью кубанцев и ногайцев вместе с ушедшими за рубеж с И.Ф.Некрасовым участниками Булавинского восстания еще в 1715 г. представлял султану от имени

Граф П.П. Ласси

Петра I полковник И. Наталии. Но «резон» России в Царьграде «увидели» лишь после признания хана Кубанской орды Бахты-Гирея, совершившего с азовскими бешлеями еще три набега на Волгу и Дон, бунтовщиком, которого поручили «карать смертью» крымскому хану и новому азовскому паше (с предложением совершить ее, в случае поимки, и самому Петру). Тогда И. Наталии и было 25 октября 1718 г. объявлено о «наказании» бешлеев, аресте бывшего паши Азова и посылке туда «комиссара» «для розыску и возвращения пленных и взятого».

На «съезде» русским «комиссарам» предписывалось указать Капыджи-баши Дервиш-Мухаммед-аге на «обиды» согласно ведомости «о подданных е. п. в., побитых с турецкой стороны»⁶, добиваться их возмещения, казни в своем присутствии («главных предводителей» виновных и выдачи (или самостоятельной казни и ссылки) «некрасовцев», требуя в случае встречных претензий «обстоятельного» о них «известия». Однако «иметь предостережение чести и славы е. п. в.» П.В.Измайлову и И.И.Тевяшову, 15 марта 1719 г. прибывшим в Транжемент с батальоном солдат и 100 драгунами, не пришлось. Турецкий «комиссар», явившись в Азов в июне, уклонился от «съезда» с ними, ссылаясь на ограничение своих полномочий только препровождением «ясырей» (за которых и получил «расписки» по установленной форме).

Таковых было переправлено в Транжемент в августе–сентябре 897 человек, которые в допросах «о себе сказали» как о дворовых, крестьянах, духовных, казаках, «служилого чина» и посадских людях Арзамасского, Верхнеломовского, Инсарского, Муромского, Нижнеломовского, Пензенского и Симбирского уездов, Казани, Карпова, Нижнего Новгорода, Пензы и Саратова. Переписав пленников поименно (и учтя «малолетних, не знающих русского языка и своих имен 98»), Комиссия попыталась снестись с властями Воронежской и Казанской губерний относительно присылки за ними и разделения «пополам» друг с другом детей, за которыми «не явятся их отцы». Не получив ответа и убедившись в отъезде Мухаммед-аги из Азова, «комиссары» к 24 ноября 1719 г. отправили пленных «собой» (оставив 133 малолетних, чья дальнейшая судьба по источникам не прослеживается, на попечение коменданта Транжемента А.К.Гулица) и самовольно выступили к своим «командам» в донских городках⁷.

Из Петербурга им выговаривали за этот отъезд, который якобы мог быть «причтен» за выражение «удовольства» России, и требовали «быть в готовности» к «окончанию Комиссии» с наступлением весны. Но весна и лето 1720 г. ознаменовались не «окончанием Комиссии», а новым набегом на земли Изюмского и Харьковского полков со стороны Крыма – «запорожцев или других каких народов». Согласия Порты на разбирательство, по которому подлежало тем же «особливым комиссаром» быть, что и прежде, посол кн. А.И. Дашков добился лишь к 10 декабря 1720 г. 22 июля 1721 г. продолжение «комиссиональных дел» было поручено (за определением П.В.Измайлова воронежским губернатором) уже одному И.И.Тевяшову. Его вновь наставляли «склонять» турецкого «комиссара» к продолжению переговоров, хотя бы «в другом месте в следующее лето» и только в «новых обидных делах» с той разницей, что выяснение их содержания вменялось ему непосредственно (вместе с выбором «нескольких людей» в качестве «доказателей» их перед турецким правительством) при признании его права распустить конвой и возвратиться в Рыбное при отъезде Мухаммед-аги⁸.

Однако все «дела» 1721 г. свелись к письменным уведомлениям от него и крымского хана Саядет-Гирея о допросах запорожцев в Бахчисарае и возврате призванным туда сотникам из Слободских полков 380 коней и 330 «рогатых скотин»⁹. «Съезд» в урочище «меж Транжементом и Азовом» и в устье р. Темерник состоялись лишь 4–10 декабря 1722 и 22–29 августа 1724 гг. по турецкой инициативе ввиду набега бывших «в протекции е. п. в.» калмыков при участии бахмутских, донских, изюмских и харьковских казаков на запорожские курени и «похода» донца И. Хромого на Кефесские и Карасуцкие провинции, по-видимому, имевших место в 1721 г.

Назначенным в «конференции» И.И.Тевяшову и ассессору Коллегии иностранных дел М.Р.Ларионову, пожалуй, удалось «обойти» турецких «комиссаров» на 100–200 человек числом конвоя из до 800 конных и пеших казаков, драгун, солдат и калмыков, да еще военной музыкой (сопровождая 28 августа 1724 г. маршами «на волторнах» переправу через Дон «на свою сторону» плота Осман-эфенди)¹⁰. Но попытки добиться «склонности к розыскам» по тщательно подготовленным «реестрам», которые должны были удостоверить превосходство российских претензий над турецкими (к лету 1724 г., «кроме Бахты-Гиреева разорения» в 1086 «невольниках» и 93 267 р., – 32 074 р. 92 к.), явно оказывались тщетными. Напротив, Коллегия санкционировала выплату в 1723–1724 гг. через «посылки» в Азов (ненадолго прерванные лишь летом 1723 г. в опасении новой войны) и прямые передачи «комиссарам» около 4 тысяч рублей.

Новым моментом в деятельности Комиссии в первой половине 1720-х гг. становятся регулярные «допросы» возивших в Азов письма и деньги переводчиков и казаков, нет ли в Крыму и на Кубани военных приготовлений, и секретные внушения через нее крымскому хану о его персональном «удовольствовании», если не будет поддерживать султана в его антироссийских планах¹¹. Однако этих сведений вряд ли достаточно для заключения, что именно мотивы использования самого пребывания на границе «комиссаров» указанным образом вызывали усойчивое стремление правительства «вдаль то дело протягивать». Вместе с тем несомненно приобретение их деятельностью постоянного характера с развертыванием «розыска» над И.Хромым и его товарищами с «правом» на них денег за награбленное, держанием в Транжементе и поблизости до 200 свидетелей российских «обид» (на случай представления их турецкой стороне), приемом объявлений о единичных претензиях казаков к «крымцам» и «азовцам» и взаимным возвращением время от времени захватываемых с обеих сторон людей.

Несмотря на вспышку осенью 1724 г. «язвы» (по причине которой Комиссия выезжала из Транжемента в Быстрианск), смерть в течение 1725 г. И.И.Тевяшова и Осман-эфенди, отпуск по домам «доказателей» и на поруки арестантов, отзыв М.Р.Ларионова на рубеже 1725–1726 гг. в Москву со служителями и казной в ответ на турецкую «склонность» передать полномочия по «обидным делам» пограничным «управителям», история Комиссии не заканчивается, а вступает в следующую стадию. Летом 1726 г. по «ордеру» отвечающего теперь за нее воронежско-

Неизвестный художник. Бомбардиры артиллерийского полка. 1731 г.

го губернатора генерал-лейтенанта Г.П. Чернышева в Транжемент вновь прибывает П.В. Измайлов и к январю 1727 г. добивается разрешения покинуть его за «неприличием» праздности в отсутствие турецких «комиссаров», а также болезнями «от ран и тамошнего воздуха»¹².

Его сменяют в качестве полномочных «комиссаров» коменданты Транжемента полковники П.В. Григоров (1727–1729) и Роговский (1729), бригадир В.И. Заезерский (1731–1732, 1736–1740) и генерал-майор И.М. Шувалов (1732–1736), особо определенные генерал-майор А.И.Тараканов (1729) и бригадир (затем генерал-майор) И.В. Стрекалов (1729–1730), которые опять получают из столиц деньги, канцеляристов и переводчиков (хотя всегда немногочисленных и не всегда «способных») и отправляют туда «статейные списки» или «взамен» их «обстоятельные журналы». Из коллежских инструкций исчезает рефрен неперменного требования «съездов», вместо которого звучат далеко не столь убедительные напоминания «от е. и. в. стороны прежние прстензии безпласно не оставлять». Само же делопроизводство Комиссии сближается по своей организации с другими не слишком крупными государственными учреждениями и, при явном сокращении масштаба взаимных «обид», постоянно «умножается».

Содержание его в это время составляют, кроме оживляющейся с 1729 г. «корреспонденции» с Азовом и Бахчисараем, переписка с донскими атаманами и правительственными представителями при калмыцких владетелях относительно возвращения имущества турецких подданных, допросы вернувшихся из плена и других («выходцев» в Россию (включая калмыков, желающих креститься), а также захваченных кубанцев и «изменников». Продолжают составляться (и сливаться с имеющимися с 1718 г.) и ведомости «объявленным убыткам».

Ограничение их в 1726–1729 гг. данными по Бахмуту с прилежащими слободами, Черкасску и Харькову, малороссийскими Гетманским regimentом, Миргородским, Полтавским и великороссийским Ахтырским полками, конным казачьим полком и командой Транжемента¹³ показывает определенное снижение остроты проблемы «разорений» юга империи. Но они не исчерпываются увезенными седлами, капканами, лисицами, казанами и неясно как учтенными денежными суммами, – убитые, взятые в плен, пороги плетью при отбое улова рыбы, вышедшие из турецких пределов «на откуп» продолжают исчисляться десятками.

По материалам Комиссии не видно, как оценивались эти данные в правительственных кругах и были ли они вообще предметом анализа. Известно только, что «комиссарам» по-прежнему не позволяли покидать Транжемент (даже по случаю бывшего там в апреле 1729 г. наводнения¹⁴) и определенно не желали слить их канцелярию с гарнизонной.

Ничего не изменило в распорядке ее жизни и начало русско-турецкой войны 1735–1739 гг. Допросы «вышедших» в Черкасск о ремонте азовских укреплений, переписка с Донским войском об отогнанных оттуда лошадях и с азовским пашой о скоте, изъятом у калмыков, шли еще в феврале 1736 г. (то есть накануне первых русских атак под Азовом)¹⁵.

И даже после взятия Азова на содержание Комиссии еще несколько лет исправно выделяются средства¹⁶, хотя к чему тогда могли сводиться ее занятия, пока установить не удалось. Только в январе 1743 г. «дела» ее, наконец, отсылаются из крепости Св. Анны¹⁷, завершая тем самым историю учреждения, оставившего достоверные свидетельства о «мирной» жизни русско-турецкой границы в середине 1710-х – середине 1730-х гг.

¹ Петрухинцев Н. Война с пространством // *Родина*. 1998. № 3/6. С. 63.

² АВПРИ. Ф. 22. Оп. 1. Ел.хр. 1-91.

³ Ее другие фигурирующие в документах названия – Канцелярия комиссиональных дел, Комиссия об обидных с турецкой областью делами, Комиссия ради розыска и освидетельствования в обидях с турецкой стороны подданным е. и. в., Пограничная с Турцией комиссия и т. п.

- ⁴ Сам «статейные списки» пограничных комиссий XVIII в. отличались от одноименных источников XVI-XVII вв. и представляли собой по сути переписанные на бланко копии всех расположенных по хронологии их делопроизводственных документов, выступая таким образом в качестве архива данной комиссии.
- ⁵ АВПРИ. Ф. 22. 1719. № 2. Л. 1-10.
- ⁶ Эта ведомость содержала роспись по Воронежской, Казанской и Нижегородской губерниям и по годам об уроне в 2499 убитых и 28760 плененных, а также пожегшем и пограбленном в дворах, деньгах, хлебе, пчелах, лошадях, коровах, верблюдах и разном скарбе на около 1067500 р. (Там же. Л. 92-99 об.).
- ⁷ Там же. Л. 100-210.
- ⁸ Ф. 22. 1722. № 6. Л. 68-78 об.
- ⁹ В то время, как по ведомости из Харькова за 1718-1720 гг. было объявлено 8 человек «побитыми» и убытков в отогнанном свыше 1500 голов скота и «пожитках» почти на 11 тыс. р. (Там же. Л. 86-120 об.).
- ¹⁰ Там же. Л. 327 об., 828, 978 об.-980.
- ¹¹ Там же. Л. 444-462, 637 об., 747, 762, 831-831 об.
- ¹² РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Ед. хр. 18. Л. 175-183 об.
- ¹³ АВПРИ. Ф. 22. 1730. № 6. Л. 160 об.-201 об.
- ¹⁴ 1729. № 4. Л. 16.
- ¹⁵ 1736. № 1. Л. 28-53 об.
- ¹⁶ 1737. № 1.; 1740. № 1.
- ¹⁷ 1743. № 1.

ВОЕННЫЕ НА СЛУЖБЕ В ЮСТИЦ-КОЛЛЕГИИ (1718–1719)

Несмотря на отсутствие по настоящее время в историографии согласованного мнения насчет признаков, характеризующих бюрократическое административное устройство, наиболее бесспорными все же являются следующие: зависимость чиновников от монарха; существование строгой иерархии учреждений и должностных лиц, руководствующихся в своей деятельности уставами и регламентами; унификация структуры, штатов учреждений и обязанностей должностных лиц; углубление разделения труда в управленческом аппарате, хотя бы в таком первичном виде, как разграничение гражданской и военной службы, и т.д.¹ Последняя из названных черт и станет предметом нашего внимания.

Как считает Н. И. Павленко, оба вида службы в России совмещались в одном лице только в XVII в., что является прямым доказательством отсутствия в то время какой бы то ни было бюрократии. Другое дело – петровская эпоха. Созданная самодержцем регулярная армия была рассчитана на обслуживание ее иерархией военной бюрократии – офицерским корпусом, владевшим соответствующими профессиональными навыками. Военная служба, если и совмещалась с иной, то только с дипломатической, но такое совмещение определялось близостью к театру военных действий, ибо иногда битвы сменялись переговорами².

Рискнем высказать предположение, что на самом деле все выглядело несколько иначе. Функциональное разделение административных обязанностей в первой четверти XVIII в. находилось на самой начальной стадии, причем развитие шло отнюдь не прямолинейно, с возвратом к предыдущим фазам. Попробуем проиллюстрировать данный тезис на примере формирования Юстиц-коллегии, используя уже имеющиеся исследования, а также результаты собственных изысканий. Источниками послужили законодательные акты, включенные в «Полное собрание законов Российской империи»; материалы, опубликованные в «Письмах и бумагах Петра I»; хранящиеся в РГАДА делопроизводственные материалы Селата (ф. 248), Кабинета Петра I (ф. 9), самой Юстиц-коллегии (ф. 282) и Канцелярии при ней (ф. 285).

А. Н. Медушевский в своей монографии об утверждении российского абсолютизма утверждает, что в первой четверти XVIII в. усиливается милитаризация государственного аппарата: военные и армия активно используются в сфере управления. И если ранее это имело место лишь периодически, то в петровскую эпоху воинские команды, в частности, применяются для исполнения решений административных органов, создаются офицерские розыскные канцелярии и т.д. Биографии отдельных чиновников демонстрируют, сколь частыми были их перемещения с военной на гражданскую службу. Психологическая же характеристика подьячего начала XVIII в. показывает, что это был человек, который мог нести «всякие полковые службы», а не сутубо штатский работник административного учреждения XIX в.³ Так, когда в ходе Северной войны армия стала ощущать нехватку грамотных людей, Петр повелел Сенату «пересмотреть подьячих... и, пересмотря, оставить нужное число и тех, кои старее. А молодых взять на службу: прямых подьячих – в писари, а прочих – в солдаты, дабы могли быть в унтер-офицерах»⁴. В результате произведенного в 1712 г. по царскому распоряжению набора в армию, а также в связи с упразднением ряда центральных учреждений в ходе 1-й губернской реформы, численность канцелярских служителей значительно сократилась. А. Н. Медушевский называет такие цифры: если в 1675 г. только подьячих, занятых в центральном аппарате управления, насчитывалось 1428 человек, а в 1711 г. – 1906, то, согласно таблице 1715 г., они вместе с дьяками и судьями составили всего 1396 человек⁵.

Неслучайно поэтому, что в период создания новых центральных органов управления наблюдается некое обратное движение: подьячие, ранее исполнявшие свои функции в разного рода армейских структурах, начали заполнять канцелярии сутубо гражданских учреждений. Так, в Юстиц-коллегии из 21 подьячего, принятого президентом графом А. А. Матвеевым на службу в порядке вольного найма в 1719 г., П. Кудрявцев ранее «работал в

А.А. Матвеев. Гравюра Н. Колпакова
с оригинала Г. Риго. 1766 г.

канцелярии Московского гарнизона», И. Трифонов – в канцелярии лейб-гвардии майора Салтыкова, Д. Погожев служил в Артиллерийской канцелярии⁶.

В начале XVIII в. розыскные и прочие дела было совершенно невозможно отправлять без военных (их использовали как охранников, как конвоиров, как надзирателей и посольных), поэтому еще 25 декабря 1718 г. граф Матвеев писал в высшую инстанцию, требуя «по надлежащему порядку... из драгун, которые содержатся в Сенате», 15 человек вместе с вахмистром. Тогда никакой резолюции не последовало⁷, и президент центрального судебного ведомства 17 января 1719 г. вынужден был обратиться в нарушение установленного порядка напрямую к президенту Камер-коллегии Д. Голицыну: «Понеже... присланные до Вашей светлости от лейб-гвардии отставные солдаты... отсылаются в разные коллегии для всяких дел в разсылщики, того ради усильно прошу приказать из них, ...выбрав 12 человек людей нарочитых и грамоте умеющих, ...прислать... в коллегию Юстиции...»⁸. Д. Голицын откликнулся быстро и уже 23 января 1719 г. прислал А. А. Матвееву «оное число солдат да капрала, дабы при них определить»⁹.

Что касается самих членов Юстиц-коллегии образца 1718–1719 гг., то часть из них пришла в судебное ведомство либо непосредственно с военной службы, либо имела к ней отношение в прошлом. Граф Матвеев, блестящий дипломат, прямо перед своим назначением в декабре 1717 г. на должность президента Юстиц-коллегии руководил созданной в северной столице Морской академией¹⁰. Советник Я. И. Кольцов-Масальский в 1687 г. был пожалован в стольники, в 1689 г. ходил в Крымские походы, а в 1703 г. значился 586-м стольником и воеводой в Белгороде, товарищем своему отцу¹¹. В 1715–1717 гг. Кольцов-Масальский служил уже в Твери: «на дачю лантрату и камисару и прочим собирал денег по гривне и хлеба по четверти с двора»¹². Из «доношения» асессора Ф. А. Кушелева коллежскому присутствию можно узнать, что он ранее служил где-то на границе, т.к. для передачи преемнику пограничных дел просил отпустить его до декабря 1719 г. из Петербурга¹³. Полтора года спустя, 7 февраля 1721 г. Е. А. Кушелев обратился к присутствию Юстиц-коллегии с личной просьбой и попутно сообщил о себе еще кое-что: служил он «в розных полках и в Выборском шквдроне, и при отправлении дел. А в 1717 году... послан... на полковую комиссию ради пограничных разных дел камисаром, при которых делах по 719 год был»¹⁴.

Согласно царским указам каждое коллежское присутствие должно было иметь в своем составе и иностранцев. Последние не слишком спешили на русскую службу¹⁵, поэтому президент Юстиц-коллегии в полной мере испытал трудности при подборе кандидатов. Советник Сигизмунд Адам Вольф происходил «из ассессоров Дерптского ландгерихта»¹⁶, но граф Матвеев изыал его из ведомства генерала Я. Брюса, где Вольф переводил шведский Устав на русский язык¹⁷. Тилля А. А. Матвеев отыскал в Военной коллегии. Источники умалчивают об обстоятельствах их знакомства, но чиновник, очевидно, произвел на тайного советника самое благоприятное впечатление. Желая непременно получить приглашенного ему работника, Матвеев 12 января 1719 г. написал лично генералу А. Вейде: «...Прошу я... секретаря вашего Тилса отпустить к нам во оную... коллегию чином асессора»¹⁸. А. Вейде проявил добрую волю и понимание ситуации: «Хотя о секретаре Тиле в Военной коллегии имеетца не без нужды быть, однако ж, дабы при Юстиц-коллегии в интересах царского величества не было за тем остановки, упомянутого Тилса... сим письмом отправил»¹⁹. Письмо генерала было прислано 15 января 1719 г., а сенатское утверждение состоялось только 5 февраля 1719 г.: «Иностранцам быть при делах той Юстиц-коллегии: Вульфю – в советниках, Тиллю – в асессорах»²⁰. Ассессор Тилль прослужил в Юстиц-коллегии совсем мало: вероятно, с февраля по апрель 1719 г. В исследованных нами источниках имеется всего один коллежский приговор – от 11 марта 1719 г. – подписанный, в том числе, и его рукой²¹. Скорее всего, Тилль умер, т.к. уже с мая 1719 г. его фамилия в делопроизводственных бумагах Юстиц-коллегии не фигурировала, а каких-либо распоряжений начальства о его назначении на другое место не было.

Для побуждения должностных лиц в провинциях и губерниях к ускоренному решению каких-либо вопросов центральные учреждения в петровскую эпоху часто командировали армейских офицеров с особыми полномочиями. Юстиц-коллегия в этом смысле не составила исключения. Когда, несмотря на все усилия получить нужных к делам людей из приказа Большой казны, «подьячие И. Иванов да Ф. Кирилов за приговором судейским не отпущены ж и прихотливо удержаны...», граф Матвеев потребовал отправить очередной сенатский указ в Москву²². Но для верности 6 января 1719 г. настойчивый руководитель центрального судебного ведомства послал в Москву с капитаном Бибиковым уже собственный указ князю Прозоровскому: «...И чтоб тебе, боярину с товарищи, не ожидая впредь на себя его великого государя гнева, всех тех подьячих, дав им прогоны и подводы, выслать тотчас в коллегию Юстиции. И таких великих дел новоначатых... за своими притворными отговорками не оставить»²³. Чтобы московские власти, ссылавшиеся на полное отсутствие в казне денег²⁴, наконец, заплатили выславшимся в Петербург «юстицким» подьячим «подъемное жалование и прогоны», А. А. Матвееву пришлось направить в старую столицу лейб-гвардии поручика П. Борятинского с «некоторыми комиссиями»²⁵. 3 августа 1719 г. он докладывал руководству Юстиц-коллегии о высылке подьячих Д. Невежина и Б. Наумова в северную столицу и о допросе губернатора и вице-губернатора «в презрении многих юстицких указов»²⁶. 22 июня 1719 г. князь информировал начальство о том, что назначенный на службу в коллегия «дьяк Леонтей Кутазников сыскан и в Земской канцелярии держится под караулом»²⁷.

В 1718–1719 гг. членам Юстиц-коллегии пришлось заниматься созданием новых органов «суда и расправы» параллельно с руководством старыми. Возникшие в этой связи перед чиновниками проблемы были в принципе

уже известны: необходимо было укомплектовать штаты подведомственных учреждений, проинструктировать назначавшихся «к делам» людей, поддерживать с ними тесные контакты. Однако для надворных и нижних судов требовалась поистине целая армия чиновников, а в стране наблюдался кадровый дефицит. Насколько позволяют заключить источники, даже списочный состав чиновников, отданных Сенатом к «остацким делам по губерниям» в 1718 г., не превышал 63 человек, по проекту же самого А. А. Матвеева, «земских чинов судей... по городам» требовалось 124.

Необходимо было ликвидировать разрыв, а для этого срочно просить пополнение. 4 марта 1719 г. А. А. Матвеев подал в Сенат «доношение», в котором просил «в пополнку к прежним, довольному числу... определить...» 28 человек²⁸. Сенат промолчал, т.к., согласно именному указу от 17 апреля 1719 г., губернским ландратам и комиссарам надо было «для определения к делам быть в ведении Камер-коллегии, а ландрихтерам – в Юстиц-коллегии»²⁹. В списке же Андрея Артамоновича, как выяснилось из справки Приказного стола сенатской Канцелярии, почти все чиновники относились к названным царем первым двум категориям. Последующие обращения в «Высокоправительствующий Сенат»³⁰ пополнили судебное ведомство 25 чиновниками³¹, но все равно этого не хватало.

Осенью 1719 г. тайный советник Матвеев наверняка знал, что кадровые резервы Сената были практически исчерпаны, всех годных к гражданской службе давно распределили между ведомствами. Поэтому предстояло либо брать тех, кто остался, либо изыскивать дополнительные возможности. Президент Юстиц-коллегии пошел обоими путями. В своем послании в Сенат от 4 сентября 1719 г. граф просил, «дабы по нижелысанному реэстру... городовыя дворяне в тое коллегию определены были» в количестве 11 человек³², что и было исполнено³³. «Дополнительными возможностями» оставались личные контакты А. А. Матвеева с партнерами по аппарату управления. Видимо, у графа сложились неплохие отношения с президентом Камер-коллегии. Д. М. Голицын уже помогал Юстиц-коллегии отставными солдатами, которые предназначались для охраны и исполнения различных поручений. Записная книга приговоров Юстиц-коллегии за 1719 г. содержит несколько десятков просьб руководства этого учреждения к присутствию Камер-коллегии «о присылке к делам ландратов». Все они мотивированы одинаково: Сенат дает значительно меньше царедворцев, чем требуется судей в города³⁴.

Другим источником пополнения кадров городских судей была Военная коллегия, что совершенно не удивительно, ведь в петровскую эпоху основная масса русского дворянства служила в армии. Указов за подписью А. Вейде «с товарищи» Юстиц-коллегия получила, конечно, меньше, чем за подписью Д. Голицына, но они тоже, преимущественно, содержали положительный ответ, вроде следующего: по требованию Юстиц-коллегии прислан к ее делам капитан И. Чевкин³⁵. Если офицер еще мог пригодиться на военном поприще, то формулировка указа несколько изменялась: премьер-майор С. Сомов отдан «по требованию из коллегии Юстиции до указу, а как в Военную коллегию ево будут требовать, то паки прислать ево по-прежнему»³⁶. Сенат в таких случаях, вероятно, лишь уведомляли о произведенной «передаче имен». Но последнее в 1719 г. кадровое назначение сенаторы сделали по собственной инициативе: 6 ноября 1719 г. они отправили трех капитанов, которых «за старостью» вернула Военная коллегия, в Юстиц-коллегию, чтобы последняя определила их к делам, «сх каким они будут способны»³⁷.

К сожалению, мы не знаем сегодня, как в 1719 г. происходил подбор кадров для надворных и нижних судов. Архивные фонды, за очень редким исключением, не содержат материалов такого рода. Тем не менее рисковно предположить, что эта работа по сложности даже превосходила поиск кандидатов в городские судьи, ведь чиновникам названных учреждений в ходе своей деятельности предстояло воплотить в жизнь, кроме прочих, еще и одну из любимейших идей монарха – идею коллегиального руководства.

Первыми внимания присутствия Юстиц-коллегии удостоились, конечно, суды обеих столиц, т.к. из-за большой численности населения на них ложилось основное бремя по расследованию всевозможных преступлений. 8 апреля 1719 г. Петр I указал «на Москве ж учинить надворной суд для судных дел, а в том суде для управления оных дел быть судьями: полковникам Юрлову, Аленину, Ергольскому, подполковнику Плещееву, из царедворцов

Офицер лейб-гвардии Семеновского полка с 1700 по 1720 г. Литография середины XIX в.

Афанасию Савелову, Михайлу Желябужскому, которым и во управлении губернских дел с... вице-губернатором Воейковым быть обще...»³⁸. 28 апреля 1719 г. Сенат повелел в Петербургском надворном суде быть комнатному стольнику И. Стрешневу, стольнику В. Зиновьеву, князю С. Солнцеву-Засекину, П. Коробину, В. Ржевскому, И. Ляпунову. «А первенство меж ими учинить в коллегии Юстиции по старейшеству»³⁹. Служебное происхождение членов надворных судов в губерниях выяснить не удалось. Источники скупо сообщают, что набирали таковых в основном из местных дворян⁴⁰. Кадровые составы нижних провинциальных судов подтверждают давний вывод М. Богословского о том, что большинство обер-ландрихтеров было взято из выслужившихся приказных, а ассесоров – из местных дворян, либо приказных⁴¹.

Таким образом, для первой четверти XVIII в. тоже можно говорить лишь о самом раннем этапе становления рационально организованной бюрократии. Это выразилось, в том числе, в пока еще слабом функциональном разделении служебных обязанностей, широком использовании как военных в сфере гражданского управления, так и при необходимости штатских лиц военными ведомствами.

¹ Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1994. С. 434.

² Там же. С. 437.

³ Медушевский А. Н. Утверждение абсолютизма в России. М., 1994. С. 283.

⁴ Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1972. Т. 12. Вып. I. С. 23.

⁵ Медушевский А. Н. Указ. соч. С. 270.

⁶ РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. VI. Д. 21570. Л. 1-32; Там же. Д. 21564. Л. 14; Там же. Ф. 285. Оп. 1. Ч. II. Д. 1471. Л. 2а-3а об.

⁷ Там же. Ф. 248. Оп. 2. Д. 42. Л. 314-314 об.

⁸ Там же. Ф. 282. Оп. 1. Ч. VI. Д. 21565. Л. 29 об.

⁹ Там же. Д. 21564. Л. 7-7 об.

¹⁰ Долгоруков П. Российская родословная книга. СПб., 1854. Ч. I. С. 318; РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Оп. 3. Д. 28, 30, 31.

¹¹ Спиридов М. Г. Сокращенное описание служб благородных российских дворян. М., 1810. Ч. II. С. 209.

¹² РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Д. 189. Л. 929 об.

¹³ Там же. Ф. 282. Оп. 1. Ч. VI. Д. 21564. Л. 190 об.

¹⁴ Там же. Ф. 285. Оп. 1. Ч. II. Д. 1289. Л. 1-1 об.

¹⁵ Peterson C. Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms. Swedish Antecedents and the Process of Reception. Stockholm, 1979. P. 124.

¹⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 109. Д. 192. Л. 69, 77.

¹⁷ Там же. Оп. 2. Д. 42. Л. 224-226.

¹⁸ Там же. Ф. 282. Оп. 1. Ч. VI. Д. 21565. Л. 18 об.

¹⁹ Там же. Д. 21564. Л. 6.

²⁰ Там же. Ф. 248. Оп. 30. Д. 1882. Л. 43.

²¹ Там же. Ф. 282. Оп. 1. Ч. VI. Д. 21563. Л. 2 об.-4 об.

²² Там же. Д. 21564. Л. 218-218 об.

²³ Там же. Д. 21565. Л. 5.

²⁴ Там же. Д. 21564. Л. 2-2 об., 35-35 об.

²⁵ Там же. Л. 4. Там же. Д. 21565. Л. 6-6 об.

²⁶ Там же. Д. 21564. Л. 160.

²⁷ Там же. Л. 121.

²⁸ Там же. Ф. 248. Оп. 12. Д. 648. Л. 302-303 об.

²⁹ ПСЗ. Т. V. № 3354.

³⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 12. Д. 648. Л. 425, Л. 421-421 об.

³¹ Там же. Л. 422.

³² Там же. Л. 446.

³³ Там же. Л. 448.

³⁴ Там же. Ф. 282. Оп. 1. Ч. VI. Д. 21562. Л. 198-198 об., 205 об.-206, 210, 231 об.-232.

³⁵ Там же. Д. 21564. Л. 212-212 об., Л. 163.

³⁶ Там же. Л. 175 об.

³⁷ Там же. Ф. 248. Оп. 12. Д. 648. Л. 496, 500.

³⁸ ПСЗ. Т. V. № 3344.

³⁹ РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. VI. Д. 21562. Л. 91 об.

⁴⁰ Там же. Л. 170-170 об., 174 об.-175, 219 об., 135-135 об., 222.

⁴¹ Богословский М. М. Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719-1727 гг. М., 1902. С. 204.

РОЛЬ МЕДИЦИНСКОЙ СЛУЖБЫ ФЛОТА В МЕДИЦИНСКОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ 1756–1763 гг.

Семилетняя война 1756–1763 гг. явилась следствием обострившихся противоречий между крупнейшими европейскими державами. Два главных конфликта были ее причиной – борьба Англии и Франции за колониальное господство и столкновение агрессивной политики Пруссии с интересами Австрии, России и Франции в Европе.

Агрессивные замыслы Пруссии ставили под угрозу завоевания России в Прибалтике, и активное участие России в войне явилось продолжением ее борьбы за утверждение на Балтийском море. Для данной войны характерным было возрастание роли флота, решающего задачи по содействию сухопутной армии на приморском направлении.

Управление русской армией и флотом осуществлялось из Петербурга «Конференцией высочайшего двора», которая занималась вопросами взаимодействия с союзниками, разработкой планов кампаний и отдельных сражений.

Подготовкой медицинской службы к обеспечению боевых действий русской армии руководил Павел Захарович Кондоиди, который 8 марта 1754 г. был назначен «главным директором Медицинской Канцелярии и всего медицинского факультета»¹. Организация медицинского обеспечения флота была возложена на доктора флота Демьяна Петровича Синопеуса. Он был принят на русскую службу еще в 1730 г., а в 1744-м назначен доктором корабельного флота. Синопеусом был написан первый научный труд, посвященный морской медицине, – «Описание болезней моряков»². Одной из задач, которая стояла перед медицинской службой флота, было укомплектование кораблей медицинским составом. Распоряжением Адмиралтейств-коллегии от 18 февраля 1757 г. указывалось «*медицинских чинов надлежащее число распределить (по кораблям. – О.Б.) доктору Синопеусу*»³. Кроме того, необходимо было подготовить к плаванию госпитальный корабль «Св. Николай 2-й». При подготовке его к кампании 28 апреля Д.П. Синопеус предложил для больных «*кутить в Кронштадте две дойные коровы и 20 баранов, также для корма их сколько подлежит сена*»⁴.

Основная задача русского Балтийского флота в 1757 г. заключалась в поддержке фланга наступавшей в Восточной Пруссии армии, на гребной флот была возложена обязанность по перевозке войска, артиллерии и провианта для наступавшей армии.

Войска, предназначенные для действий против Мемеля, к 9 июня сосредоточились в Либаве: часть войск была перевезена отрядом гребных судов под командованием контр-адмирала Кашкина, часть совершила переход сушей. 17 июня для совместных действий с войсками к Мемелю прибыл отряд кораблей капитана 3 ранга Валронда (2 фрегата, 2 бомбардировочных корабля, 3 вспомогательных корабля)⁵. 18 июня войска под командой генерал-аншефа В.В. Фермора подошли к Мемелю. Уже 19 июня начался обстрел крепости с моря, а 20 июня – с суши. 24 июня Мемель был взят русскими, располагающими превосходством в силах, что позволило обеспечивать снабжение русской армии морским путем. Это было очень важно для развития дальнейшего наступления.

Кроме того, на флот, в частности на Ревельскую и Кронштадтскую эскадры, возлагалась еще одна задача: нарушить перевозки морем войск противника и снабжение гарнизонов приморских крепостей.

Ревельская эскадра (вице-адмирала Люиса) в составе 6 кораблей и 3 фрегатов 29 апреля 1757 г. вышла в море и в начале мая подошла к Либаве. В дальнейшем она крейсировала между Брустерортом и Мемелем. Госпитального корабля в ее составе не было, поэтому в качестве такового использовали фрегат «Ревель». Основная масса заболевших, независимо от характера заболевания, оставалась на своих кораблях, на попечении корабельных лекарей.

Между тем вследствие продолжительного плавания, недостатка «свежей провизии», пресной воды заболеваемость на кораблях быстро возрастала и вскоре достигла угрожающих размеров. Уже 6 июня 1757 г. вице-адмирал Люис рапортом доносил, что «...по отбытии от Ревеля апреля 28 числа на разных кораблях и фрегатах умерло пятьдесят четыре человека, да по репорту майя 31 дня от корабля Ревеля показано на оном служителей одержимых болезнью сто находятца, весьма в слабости, ...на прочих же кораблях больных сто двадцать три, в том числе трудных двадцать один». Ссылаясь на недостаток медикаментов и свежей провизии, а также на то, что «...на одном корабле делается большое умножение больных и чтобы вдаль не могла на оном от безлюдства последовать остановка...», Люис направил корабль в Ревельский порт, «...на него определены все одержимые трудными болезнями служители и притом от всех команд рецепты сколько потребно в эскадру медикаментов...». Командиру порта было предложено «...больных принимать в госпиталь, а на место их укомплектовать оставшимися при порте выпиравшимися из госпиталя здоровыми; то же медикаменты обратно ко флоту»⁶.

19 июня Ревельская эскадра соединилась в виду Пиллау с подошедшей Кронштадтской эскадрой адмирала З. Мишукова: 13 линейных кораблей, 3 фрегата, 2 прама, 2 бомбардирских судна, один брандер и один галиот. Для

Ванлоо К. Портрет императрицы
Елизаветы Петровны. 1760 г.

медицинского обеспечения Кронштадтской эскадры в ее состав был включен госпитальный корабль – 59-пушечный «Св. Николай 2-й» (командир Иван Гулидов)⁷.

Из рапорта адмирала Мишукова от 28 июня 1757 г. видно, что и Кронштадтская эскадра осуществляла эвакуацию больных в Ревель, пользуясь для этого названным кораблем: в этом рапорте сказано, что госпитальный корабль «...посылается в Ревель с больными служителями...»⁸.

Общее количество эвакуированных в Ревель «трудно больных» к 4 июля было: из Ревельской эскадры на корабле «Ревель» 123 человека, из обеих эскадр на госпитальном корабле – 216, всего – 339 человек.

Однако значительное количество больных оставалось на кораблях. В рапорте адмирала Мишукова в Адмиралтейств-коллегию от 4 июля 1757 г.⁹ указывалось, что по данным ведомостей на кораблях было 600 больных, при этом их количество увеличивалось. На совещании было принято решение флоту следовать на данцигский рейд, оставив для крейсерства у Пиллау 4 корабля и 1 фрегат. Предлагалось по прибытии на данцигский рейд, по предложению «находящегося при флоте штаб-лекаря, всех больных по его же свидетельству переехать туда, определя для пользования оных пристойное число медицинских служителей, чего ради и находящуюся при флоте аптеку, а для команды и караула определить обер-офицера с пристойным числом, как для онаго, так и для надзирания болящих, служителей;

на покупку болящим свежего мяса и прочаго велено отпустить, из имеющейся при флоте казны 1000 руб.». Флот после пополнения пресной водой должен был возвратиться обратно к Пиллау¹⁰.

Данциг, как место для высадки больных, был избран как вольный порт, нейтральная территория которого могла бы предоставить убежище больным. Однако главнокомандующий Апраксин отнюдь не был уверен в безопасности размещения больных на территории Данцига: пруссофильские тенденции данцигского магистрата были ему хорошо известны, да и захват порта пруссаками представлялся весьма возможным. Поэтому в ордере Мишукову от 10 июля Апраксин писал: «... мне кажется (это мероприятие. – О.Б.) несколько опасности подвержено, а можно было, для избежания всего того и для беспечности, больных при Либаве на берег высадить, а когда оные ко Гданьску отвезены и такое с ними распоряжение учинено, то я Вашему превосходительству советую достаточное прикрытие, по вашему усмотрению, в одном или двух кораблях линейных состоящее, тамо оставить и командирам над оными такое наставление дать, чтоб при случае какого от неприятеля покушения люди тотчас на корабль взяты и опасности подвержены не были».

Адмиралтейств-коллегией 17 июля 1757 г.¹¹ было принято решение определить всех больных в Ревеле «с подтверждением, дабы тамо прилежно пользуемы были, о чем адмиралтейств коллегия от себя подтвердить не оставит».

Во время плавания к Данцигу на кораблях умерло 218 человек, число больных возросло до 1500. Ведущее место в заболеваемости занимала цинга, которую лечили пивом, настоящим на хрене¹².

В августе 1757 г. три 84-пушечных корабля – «Св. Павел», «Св. Иоанн Златоуст», «Св. Николай», сильно пострадавшие в штормах, «для приближающегося ныне осеннего времени» было решено «отпустить в Кронштадт». На этих кораблях и на присоединенном к ним брандере «Митау» было отправлено и около 1200 заболевших «морских служителей». К этому времени Кронштадтский морской госпиталь был уже переполнен, вследствие чего всех выздоравливающих пришлось перевести в полковые лазареты, а освободившиеся места занять вновь прибывшими больными, которых Адмиралтейство предписало «пользовать с прилежанием и пищею довольствоваться доброю, дабы от болезней могли оправляться»¹³.

8 августа адмирал Мишуков с эскадрой (9 линейных кораблей, 3 фрегата), выделенной из состава крейсировавшего флота, направился в Карлсхамн для ведения переговоров со шведским командованием о совместных действиях флотов. Больные с эскадры были направлены в Ревель, о чем 25 августа¹⁴ адмирал Мишуков рапортом докладывал в Адмиралтейств-коллегию. На госпитальном корабле «Св. Николай 2-й» 13 августа в Ревель было отправлено 103 больных, корабль «к Ревелю прибыл 16 числа августа, и будучи в пути из больных померло 16 человек, а достольные отосланы для излечения в ревельский госпиталь». В Кронштадт эскадра Мишукова ушла 27 августа.

Осенью 1757 г. командовавший Ревельской эскадрой Люнс был заменен вице-адмиралом А.И. Полянским. Эпидемическая обстановка на эскадре оставалась сложной. 27 октября¹⁵ Полянский докладывал в Адмиралтейств-коллегию, что «больных в оной эскадре состоит 211, в том числе в трудных болезнях – 57».

В кампании 1757 г., за исключением действий отряда Валронда при осаде и взятии Мемеля, флот активных боевых действий не вел. В конце 1757 г. главнокомандующим русской армией был назначен генерал-аншеф Фер-

мор. Он получил предписание от “Конференции” по первому зимнему пути начать наступление против Восточной Пруссии, занять Кенигсберг, Пиллау и вступить в Бранденбург.

На флот в кампании 1758 г. возлагалась перевозка вооружения и провiantа для войск, которая осуществлялась через порты Восточной Пруссии гребными и мелкими парусными судами, строившимися в Либаве и Мемеле. Регулярное снабжение армии позволило русским закрепить за собой территорию Восточной Пруссии и продолжить наступление в Померании и в Бранденбурге.

В начале 1758 г. в строй вступили несколько кораблей, построенных по новым моделям. Медицинская служба должна была укомплектовать корабли медицинскими чинами и имуществом. Судя по рапорту доктора Синопеуса в Кронштадте было в это время 18 лекарей, 11 подлекарей и 23 лекарьских ученика. Адмиралтейств-коллегия наметила расширение этого штата, который для выходящих в море кораблей был установлен в 17 лекарей, 24 подлекаря и 32 ученика. Главный врач Кронштадтского порта получил предписание срочно набрать недостающих врачей. Много внимания уделялось заготовке медикаментов. Эту работу осуществляли три собственных аптеки Адмиралтейства¹⁶.

Успехи русской армии зимой 1758 г. поставили Пруссию в тяжелое положение. В связи с этим возникло опасение, что Англия по настоянию Пруссии направит свой флот в Балтийское море. Поэтому активная оборона проливов Эресунн (Зунд), Большой Бельт и Малый Бельт явилась важной задачей русского флота в 1758 г.

15 апреля между Россией и Швецией было заключено соглашение о совместных действиях на море.

12 июня 1758 г. в море вышла Ревельская эскадра вице-адмирала Полянского (5 линейных кораблей, 2 фрегата). Около месяца она находилась в крейсеровании у северных берегов острова Готланд, ожидая прибытия Кронштадтской эскадры (11 линейных кораблей, 2 фрегата, 3 бомбардирских корабля, 2 вспомогательных судна). 7 июля обе эскадры под командованием адмирала Мишурова направились к берегам Дании. 9 июля севернее острова Борнхольм к русскому флоту присоединилась шведская эскадра (6 линейных кораблей, 3 фрегата). 9 июля объединенный союзный флот стал на якорь в проливе Эресунн¹⁷.

К этому времени русско-английские отношения стали менее напряженными. Англия, ведя активную торговлю с прибалтийскими странами, избегала вооруженного конфликта с Россией. Опасность появления английского флота в Балтийском море миновала. 28 августа союзный флот ушел к озеру Рюген, а 13 сентября флоты возвратились в свои базы.

В 1759 г. “Конференция” посчитала целесообразным развивать наступление в Померании, путем совместных действий армии и флота овладеть Кольбергом и Штеттином и затем двинуться на Берлин. Однако по настоянию Австрии и Франции России пришлось принять новый план, выгодный ее союзникам. Согласно с этим планом австрийская и русская армии должны были соединиться в Каролате или Кросене, занять города на Одере, развить наступление на Берлин, а затем, если позволит обстановка, развернуть совместные действия в Силезии.

В кампанию 1759 г. значительная часть русского флота не была использована. В море находилась одна Ревельская эскадра. Кронштадтская присоединилась к ней 6 августа, но в конце месяца была отозвана в Кронштадт.

Флот осуществлял крейсерование вдоль берегов Померании и в районе Кольберг – Карлсруна с целью защиты морских сообщений от нападений прусских каперов, а также на случай прорыва в Балтийское море английских кораблей.

Одновременно флот осуществлял перевозку войск и снабжение армии боеприпасами и продовольствием, а также изучал прусское побережье в навигационном отношении.

В годы Семилетней войны были заложены основы взаимодействия флота и сухопутных войск по доставке морским путем медицинского имущества для армии, действующей на приморском направлении. Доставка медицинского имущества в 1759 г. была осуществлена судами русского флота. Для этого “Конференция” 16 июля распорядилась *“...заготавливаемые для армии нашей, состоящей в походе, ... аптечные материалы, лекарства, припасы и прочие потребности и при оных служителей отправить нынешним же водным ходом на пакетботе в Кенигсберг или Пиллау; содержать оные там до настоящего отпуску к армии в сохранном месте и в добром призраении...”*. Распоряжение о предоставлении пакетбота давалось одновременно и Адмиралтейств-коллегии¹⁸. Давая это указание, “Конференция” объявила *“... совершенное наше удовольствие за то рачительное попечение, кое наша Медицинская Канцелярия прилагает в снабдении заграничной армии и на будущий год всякими медикаментами”*¹⁹.

Уже 17 июля Адмиралтейств-коллегия просила Медицинскую канцелярию: *“... понеже отправленных во Гданск пакетботов обратного в Кронштадт прибытия ожидается вскоре, ... аптечные материалы и прочее... как возможно наискорья приготовить... и что есть в готовности оное заблаговременно и отправить в Кронштадт”*.

8 августа Медицинская Канцелярия затребовала у Адмиралтейств-коллегии два бота для перевозки имущества в Кронштадт, где оно должно было перегружаться на пакетбот. Одновременно она обратилась с требованием, чтобы

Шорер Л. Портрет генерала А.А. Спиридова. 1764 г.

“...отправляющимся при упомянутых материалах служителям: аптекарю Илье Екбому, гезелю Алексею Кардовскому, ученикам Павлу Виноградскому и Ягану Готтлибу Роде, для житья на том пакет боте отвести пристойное место и чтоб оным служителям во время вояжи от командиров такого пакет бота оказываема была благоприсстойность и в нужде всякое вспоможение”.

Боты были предоставлены. В премерии от 11 августа Адмиралтейств-коллегия предупредила, что “ежели означенные отправляемые аптечные потребности состоят в больших ящиках, то оные в пакет боты грузить не можно, ибо в люки пройти не могут...”. Поэтому она предлагала все имущество, упакованное в более мелких укладках, срочно отправить в Кронштадт, а для погрузки ящиков использовать галиот, который “...ождается ныне прибытием из Гданска...”. Уведомляя о том, что дано указание “...медицинским служителям отвести пристойные места и в прочем содержать порядочным образом...”, Адмиралтейств-коллегия торопила с отгрузкой.

Медицинская Канцелярия, опасаясь за сохранность имущества, решительно воспротивилась отправке имущества частями, настаивая в премерии от 12 августа на погрузке на одно судно ибо “...оных вещей имеет быть не в малое число номеров, ...которыми оное судно почти все может нагружено быть”.

14 августа Адмиралтейств-коллегия сообщила Медицинской Канцелярии, что “...из Гданска галиот в Кронштадт уже прибыл...”, и требовала “...помянутые медикаменты и прочие ради погрузки в тот галиот в Кронштадт отправить немедленно”²⁰.

Наконец 20 августа, в связи с тем, что имущество “...нарядом ныне уже к окончанию приходит, и из них большая часть для нагружения на... галиот в Кронштадт уже отправлена и осталось токмо несколько мест, которые также вскоре в Кронштадт отправлены быть имеют...”, “... определенному для провозжания и хранения... аптекарю Екбому...” был дан приказ “...с определенными с ним служителями отправиться в Кронштадт и в повеленный поход выступить с крайним поспешанием”. Его снабдили инструкцией, необходимыми книгами, ста рублями денег и копией предписания “Конференции” кенигсбергскому губернатору Корфу “...о даче для содержания объявленных материалов и прочего способного места, а аптекарю с подчиненными квартир, и о учинении вспоможения...”. Для размещения требовались “дам, также два или эс, по крайней мере, один да большой погреб, ...да квартиры для служителей... и для караула солдат...”. Всего на двух ботах было отправлено в Кронштадт 112 мест. Среди имущества, отправляемого в Кенигсберг, была и литература: “...переводу Лаврентия Генстера сокращенной анатомии на российском диалекте двадцать пять книг... да сочиненного надворным советником и профессором и доктором Шрейбером на немецком диалекте трактата о болезнях пятьдесят экземпляров...”. Эти книги предназначались для продажи “... состоящим на службе ея императорского величества, так и партикулярным людям кто пожелает...”, первая “по два рубля сороку копеек...”, вторая “по... тридцати семи копеек...”. Генерал-штаб-доктору Унгербауэру предписано было, чтобы “...состоящим при армии ея императорского величества докторам и лекарям дано было знать, дабы покупкою оных книг довольствоваться могли”.

К 23 августа галиот “Анна-Мария” был загружен, но все имущество на него не поместилось. Адмиралтейств-коллегия выделила дополнительно галиот “Штурман” и предложила Медицинской Коллегии посадить на “Анну-Марию” “...для присмотру и в надлежащем хранении содержания... медицинских чинов надлежащее число...”, а аптекарю расположиться на втором галиоте. Волей-неволей Медицинской Канцелярии пришлось с этим предложением согласиться. Нетрудно представить себе, с каким волнением ждали в ней вестей об отправленном грузе: гибель галиотов грозила полным срывом медицинского снабжения армии в кампании 1759 г.

12 сентября галиоты прибыли в Кенигсберг. 14 сентября аптекарь Экбом донес в Медицинскую Канцелярию: “... я в Кенигсберг с теми материалами и лекарствами, також и с командою, сего сентября 13 дня прибыл благополучно и с судов оные разгружены и в удобном месте сложены порядочно, а только еще за краткостью времени не разобраны...”²¹.

О благополучном прибытии галиотов в Кенигсберг в Медицинской Канцелярии узнали уже 20 сентября из письма кенигсбергского губернатора Корфа, который сообщал, кроме того, что “...для содержания оных материалов и медикаментов надлежащие квартиры и погреб отведены и ... от него генерала лейтенанта и кавалера вспоможение чинено будет”. Аптекарь походной аптеки Фицману 22 сентября был послан указ известить походную канцелярию Фермора “...с требованием, чтоб по представлениям... генерального доктора Унгербауэра из тех материалов и медикаментов и прочего, что для удовлетворения армии... потребуется, повелено было отправлять и для отвозу оных употребить надлежащие меры...”²².

Опыт, полученный при организации доставки морским путем медицинского имущества для сухопутной армии, использовался в дальнейшем. Так, 29 мая 1760 г. П.З. Кондоиди доносил императрице, что медицинское имущество на кораблях было отправлено своевременно в Кенигсберг “и из оного запаса вышеозначенной заграничной армии полки, полевые аптеки и прочие команды на 1760 год материалами, лекарствами и прочими потребностями снабжены, о чем и репорты от состоящего при той заграничной армии аптекаря Фицмана и от находящегося в Кенигсберге аптекаря Екбома в Медицинской Канцелярии имеются”²³.

Пруссия в кампании 1759 г. была значительно ослаблена. Фридрих Второй стремился заключить с Россией, своим самым сильным противником, сепаратный мир. Русское правительство ответило отказом. Заинтересованная в полном разгроме Пруссии, Россия согласилась на совместные действия с Австрией, намереваясь общими усилиями нанести поражение прусской армии и закончить войну в 1760 г.

Зимой 1760 г. значительно возросла заболеваемость среди личного состава дислоцированных в Санкт-Петербурге полков. Для оказания медицинской помощи личному составу сухопутных войск 22 марта 1760 г.²⁴ «Конференция» Высочайшим указом предписала Адмиралтейств-коллегии: *«Наша медицинская канцелярия нам представила, что при состоящих здесь трех полевых полках людей, а паче из приводимых сюда рекрут, больных ныне весьма умножилось, и хотя в тех полках лекарей и подлекарей состоит комплектное число, однакож ими исправиться никак невозможно; а из находящихся при генеральном госпитале, по умножению и в оном больных, определить к таму нельзя; а как ныне в Кронштадте находится флотских лекарей 18, подлекарей 8, в которых тамо теперь не столь много нужды настает, то Мы нашей медицинской канцелярии повелели на вспоможение при помянутых полках и госпиталях взять оттуда 8 человек лекарей и 6 подлекарей на нынешнее нужное время, и пока флоту выступит и им по кораблям распределено надобно будет, которые в сие время окладное жалование получать имеют от адмиралтейства, а в разсуждение того что они здесь на наем квартир и на содержание свое излишняя издержки нести принуждены будут, производимо быть имеет им, с командирования их из Кронштадта до отпуска обратно к флотской команде, лекарям по 10, а подлекарям по 5 рублей на месяц каждому от нашего сената».* Данный пример наглядно показывает, как можно использовать маневр силами медицинской службы для решения общей задачи – оказания медицинской помощи личному составу независимо от ведомства, к которому он принадлежит.

В кампании 1760 г. русскими была предпринята новая попытка овладеть крепостью Кольберг. Главная роль на этот раз отводилась флоту.

Ревельская эскадра в составе 7 линейных кораблей и 3 фрегатов вышла в море 10 июля, Кронштадтская в составе 14 линейных кораблей и 3 бомбардирских судов – 25 июля. 29 июля эскадры соединились у Наргена. 15 августа флот подошел к крепости Кольберг вместе с 7 транспортами, на которых был доставлен десант. 17 августа была открыта бомбардировка крепости и началась высадка десанта.

Д.Ф. Масловский²⁵ и Н.М. Коробков²⁶ определяют состав десанта, направленного под Кольберг, в 5000 человек. С.А. Семека на основании анализа архивных документов считает, что десант для Ревельской эскадры адмирала Полянского насчитывал всего 607 человек, в том числе 500 рядовых и 107 офицеров и унтер-офицеров, а в числе их 1 лекарь, 2 подлекаря и 5 цирюльников. Десант для Кронштадтской эскадры должен был насчитывать 1000 рядовых (из них 900 человек из *“рекрут, которые уже нарочито выэзерцированы”* и 100 человек старых солдат) и необходимое количество офицеров при 1 лекаре, 2 подлекарях и 5 цирюльниках; *“а лекаря для пользования больных... истребовать медикаментов со излишеством, дабы на весь нынешний год достаточно быть могло, а вместо того в полки от Медицинской Канцелярии после можно будет истребовать”*²⁷.

19 августа подошла шведская эскадра (7 кораблей, 1 палубный бот), бомбардировка крепости усилилась. Осадные работы шли с успехом, и 7 сентября готовилось решительное наступление, но в это время к Кольбергу подошел прусский отряд Вернера, легко сбивший слабое прикрытие, атаковавший десант и отбивший большую часть осадной артиллерии. 8 сентября при посадке на шлюпки русскому десанту пришлось выдержать сильный бой, в результате которого пруссаки, при поддержке огня кораблей, были отброшены с большими потерями, а десант смог погрузиться на корабли.

На этом боевые действия под Кольбергом прекратились. Сведения о потерях десанта разноречивы. По данным В. Берха²⁸ *“при возвращении десанта на корабли не явилось 164 человека. Во время атаки утонуло и убито – 88 чел. В полон взято пруссаков – 112 чел.”*. Семека считает, что оба десанта понесли безвозвратных потерь 96 человек оставленными на берегу (это большей частью убитые, раненые и утонувшие) и 6 убитыми на кораблях, т. е. 102 человека²⁹.

10 сентября русский флот отплыл на Ревель, где оставил эскадру Полянского. 28 сентября эскадра Мищукова прибыла в Кронштадт.

Одной из задач, решаемых флотом в 1760 г., были отправки рекрутских партий на пополнение армии, которые производились исключительно морем на основании рескрипта «Конференции при высочайшем дворе» от 11 мая 1760 г., с использованием для этой цели 30 наемных «купеческих судов». Погрузка людей на суда должна была производиться в Кронштадте, выгрузка – в Гданьске. Перевозке подлежало 9000 рекрутов (*“разделя оные на три части”*), подготовленных при полках дивизии А.И. Шувалова, находившихся в С.-Петербурге. Необходимо было решать и задачу их медицинского обеспечения. 12 мая А.И. Шувалов писал по этому поводу императрице *“... когда ныне из тех рекрут три тысячи человек отправлены будут хотя и на судах, но при них необходимо надлежит быть, для случающихся в проезде их до повеленного места больных, по крайней мере одному лекарю и двух подлекарям и с принадлежащими до пользования оных медикаментами...”*. При этом, ссылаясь на большое количество больных при полках и невозможность в связи с этим командировать полковых медицинских чинов, Шувалов просил повелеть Медицинской Канцелярии командировать их из С.-Петербургского генерального госпиталя *“... с принадлежащими медикаментами, которые в проезд их могут положены быть на одно судно, на котором те больные и содержаться будут”*³⁰.

Таким образом, одно из судов этой флотилии должно было осуществлять функции госпитального. 13 мая последовало повеление «Конференции» о выделении медицинских чинов и медицинского имущества из С.-Петербургского генерального госпиталя, а 15 мая – соответствующий именной указ.

С первой партией оказалось возможным отправить 3600 человек. "Купеческие корабли" должны были следовать под прикрытием фрегата под флагом капитана второго ранга А. Сенявина. В инструкции, данной сопровождавшему рекрутскую партию подполковнику Гандефельду, в числе различных указаний давались следующие: 1) чтобы офицеры "...с рекрутами поступали порядочно и не только без всякого им утеснения и отягощения, но и озлобления им чинено не было и старались бы прилежно, чтоб оные не могли претерпевать какого либо недостатка... под опасением... без суда лишения чинов и потом наистрожайшего истязания"; 2) "фершалы будут на каждом судне из числа тех же, следующих в заграничную армию рекрут"...; 3) "...на одном судне поместить лекаря, подлекарей с медикаментами..." и "больных приказать отправлять их к пользованию на то учрежденное судно..., где они могут пользоваться быть..."; 4) "...когда возможность допустит, то на оных судах для лучшего порядка имеете вы сами, а особливо больных осматривать и накрепко подтверждать, чтоб оные, как выше изъяснено, в хорошем состоянии содержаны были, чего ради то с больными судно, ежели будет можно, старайца всегда иметь поблизости того, на котором находитесь будете вы"³¹. Эта инструкция проникнута заботой о рекрутах, являвшейся прямым следствием печального опыта предыдущих лет.

Гравюра Д. Герасимова. Генерал-фельдмаршал П.С. Салтыков. 1760-е гг.

Медицинская Канцелярия выделила для сопровождения этой партии лекаря Матвея Крутина и подлекарей, снабдив их запасом медикаментов.

7 июля Гандефельд донес Шувалову: "...вчерашнего числа с находящимся при мне лекарем по всем галиотам ездил, команду мою переключив больных пятьдесят семь человек, одержимых горячкою и дисентериею, из которых находится... двадцать восемь человек весьма трудные, что им следовать никак невозможно и всемерно в пути умрут...". Гандефельд просил разрешения сдать больных в Кронштадтский госпиталь. Итак, в то время, когда заканчивались последние приготовления к отплытию и рекруты были уже погружены на суда, неожиданно выяснилось, что среди отправляемых есть больные тифом и дизентерией. Шувалов в тот же день приказал кронштадтскому коменданту обеспечить прием заболевших "...за такими их болезнями, коих везти будет невозможно...", в полковые лазареты кронштадтских гарнизонных полков.

9 июня "в 3 часу пополудни" корабли вышли в море. Из состава рекрутской партии было сдано в Кронштадтский полковой лазарет 33 больных (кроме того, один из больных умер); среди них: "одержимых горячкою"... 30, "горячкою с поносом"... 2, "глазами"... 1. Из общего количества 3600 рекрутов из Кронштадта убыло 3565 (кроме умершего и

оставленных больных, один бежал). 1 июля 1760 г., после трехнедельного пути, команда рекрутов прибыла к месту назначения в Гданьск, а 12 июля корабли начали возвращаться в Кронштадт. По пути умерло еще 12 рекрутов и сдано было приемщику от армии 3553 человека. Все потери этой партии составляли 13 человек умершими и 33 больными, санитарные потери составляли, таким образом, 0,36% умершими и 0,9% больными. Данные потери были гораздо меньше, чем при отправке рекрутов сухопутным путем. Таким образом, преимущество морской перевозки было очевидно.

Подготовка к отправке второй партии велась, в общем, тем же порядком, что и первой. Лекарь Крутин с двумя подлекарями вернулись в С.-Петербург, сдали остаток медикаментов в Медицинскую Канцелярию и возвратились в госпиталь. Медицинская Канцелярия назначила других, которые, однако, "за медлительною их присылкою... тех рекрут отправление уже не застали и так те рекруты до присылки лекаря и подлекарей из Кронштадта отправлены..."³².

Вторая партия рекрутов, численностью в 3900 человек, отправленная морем, убыла без медицинских чинов и без медикаментов. Данные о потерях этой партии в архивах не найдены.

Основываясь на опыте предыдущих лет, президент Медицинской Канцелярии П.З. Кондоиди считал, что для доставки имущества "способнейшего пути не находит как токмо морем...", почему и просил указа Адмиралтейской Коллегии "заблаговременно способная и надежная определить суда, три или четыре...".

Действия под крепостью Кольберг и перевозка морем 9000 рекрутов в Данциг не дали возможности предоставить Медицинской Канцелярии просимые суда. Дело затянулось, и только 8 августа 1760 г. последовало решение "Конференции": "Когда для отвозу отправляемой к армии аптеки казенных судов нет, то соизволяем нанять из купеческих здешних или иностранных", что и было исполнено. Но наиболее благоприятное для навигации время было уже упущено. Случилось то, чего опасался П.З. Кондоиди: нанятый купеческий корабль разбило, а вместе с ним и "...отправленные отсюда на нанятом купеческом судне для заграничной нашей армии на будущий 1761 год лекарства и прочия аптекарския материалы на пути разбило и все потонули"³³.

Несчастный случай с запасами медицинского имущества, отправленными в армию морем на 1761 г., отнюдь не разочаровал Медицинскую Канцелярию, и летом того же года она вновь хлопотала о предоставлении ей кораблей.

Требование на медицинское имущество для действующей армии на 1762 г.; «за руками генерального штаба доктора Аша и прочих находящихся при армии... докторов и аптекарей», было получено Медицинской Канцелярией уже 7 мая 1761 г.; заготовка имущества по этому «каталогу» должна была закончиться к концу июня. «По усмотрению ж Медицинской Канцелярии оной наряд хотя б надежнее сухим путем к Кенигсбергу отправлен быть мог, но, понеже между медикаментами имеются многие сочиненные с сахаром и медам, электуарии и сирупы, кои летних жаров претерпевать не могут, тако ж и мази от тех жаров таят и оттого из бочек потечь могут, при том же и для прочих материалов, ежели их отправлять летом, то оное способнее и скорее, да и дешевле отправляемо быть может водяным путем». Исходя из этих соображений, Медицинская Канцелярия просила «заблаговременно определить способные и надежные два или три судна...» или «нанять из иностранных купеческих судов один или два корабля...». Уже 11 июля голландский корабль «Де Ионге Робин» вышел в море из Кронштадта, следуя на Кенигсберг, куда и прибыл благополучно 22 июля³⁴.

Задачей русской армии в кампанию 1761 г. было взятие крепости Кольберг. Главная роль на этот раз отводилась армии, вспомогательная – флоту.

15 июня из района зимних квартир вышел осадный корпус генерал-поручика П.А. Румянцева. 13 июня в море вышла Кронштадтская эскадра. 18 июня в районе острова Нарген она соединилась с Ревельской эскадрой. Флот под командованием вице-адмирала Полянского (19 линейных кораблей, 2 фрегата, 3 бомбардировочных корабля и около 7 тысяч десантных войск) направился в район боевых действий. 21 июля русский флот подошел к Рюгенвальде, где был высажен десант и выгружена артиллерия³⁵.

Всего было погружено на суда 6854 человека десанта, потери в пути составили 64 человека (около 0,8%), выгружено было 6526 здоровых и 169 больных (всего 6695 человек) и, кроме того, 95 больных было оставлено на кораблях). При десанте было 3 лекаря, 7 подлекарей и 37 цирюльников³⁶.

Неблагоприятная погода и отсутствие необходимых плавсредств загнули высадку до 11 августа. Десант соединился в районе Кезлины с осадным корпусом Румянцева.

13 августа главные силы осадного корпуса подошли к Кольбергу. В тот же день к Кольбергу подошел флот. После рекогносцировки побережья корабли приступили к обстрелу береговых батарей и крепости. 16 августа к русскому флоту присоединилась шведская эскадра (6 линейных кораблей, 3 фрегата) под командованием контр-адмирала Псиландера-Шольта.

План Румянцева состоял в том, чтобы совместными усилиями армии и флота овладеть укрепленным лагерем, а затем приступить к осаде крепости.

Одновременно с армией начал боевые действия и флот, задачей которого было подавление береговых батарей противника и действия на морских сообщениях в районе Кольберга. Наиболее интенсивный обстрел прибрежных укреплений и крепости производился кораблями в период с 14 по 28 августа; в результате были выведены из строя все прибрежные батареи противника и причинен большой ущерб городу.

Из состава экипажа кораблей в помощь сухопутным войскам был сформирован десант численностью в 2 тысячи человек под командованием капитана 1 ранга Г.А. Спиридова, «который при оных» должен был «состоять за полковника. Капитан Лебядников определен за подполковника. Для пользования больных определен штаб-лекарь Буцковский. Священнику быть с корабля «Варханаила» с надлежащими святыми требами»³⁷. Высадка десанта была произведена (с помощью шведских баркасов) у дер. Хенкенхаген 22 августа. Десанту был придана артиллерия (51 мортира, 19 пушек). Высадившись, десант присоединился к отряду Невеломского и на протяжении всей осады Кольберга действовал как передовой отряд на наиболее ответственных направлениях.

В организации медицинского обеспечения часть вопросов решалась взаимодействием флота и армии. Так, 30 июля Полянский сообщал Румянцеву «...больных из сухопутного войска трудных принял я в свою опеку и смотрение, учредил им при Ругенвальдской реке на берегу из парусов зделанной госпиталь, определяя из морских одного офицера за комиссара; к ней же определен один главной лекарь и лекарской ученик из флотских, а господин полковник Кашкин намерен оставить одного в добавок из сухопутных подлекарей. Медикаменты же все с инструментами лекарскими отпущены з госпитального корабля...». В качестве прикрытия лазарета Полянский оставил команду в 50 человек и спрашивал, «не мало ли пятидесяти человек оставлено для охранения того госпитального лагеря». Сохранение лазарета при Рюгенвальде, очевидно, не входило в расчеты Румянцева. 1 августа Полянский доносил ему, что в лазарете состоит «170 чел., из которых почти все весьма в трудных болезнях»; они осмотрены флотским штаб-лекарем, который «репортовал», что «оные всем довольствуются». Полянский полагал, что «...ежели опасно-

Неизвестный художник. Портрет генерал-фельдмаршала П.А. Румянцева-Задунайского. Конец XVIII в.

сти оным от неприятеля нет, то в непродолжительном времени по удобности места могут быть использованы быть. Но, ежели их изволите приказать перевести в Цанов, в том буди воля вашего сиятельства...". 2 августа Румянцев приказал перевести больных в Цанов, и Полянский сообщил ему, что "как лошадей, так и фур здесь нету, а сами больные нишком штиить не могут". В конце концов больные все же были перевезены в Цанов³⁸.

Но это было не все. По-видимому, при частях оставалось еще не мало "трудно больных и раненых", которых не успели отправить в Цанов. 11 сентября Румянцев писал вице-адмиралу Полянскому: "Трудно больных и раненых вашего превосходительства прошу на флоте с полумесячным провиантом приказать принять и на галиотах в Пиллау отправить, надзиратели из легко раненых, а именно на 10 человек один, определены; ежели тех недоста точно будет – прошу вашего превосходительства из своих дать приказать, яко же и лекарей с медикаменты, кои по большой надобности я от себя отделить не могу; то ж и для транспорту к берегу боты сего ж числа прислать..."³⁹

7 сентября начались решительные действия по овладению укрепленным лагерем. Увеличилось количество раненых, вследствие чего недостаток медикаментов в корпусе Румянцева становился все ощутительнее. 14 сентября Румянцев писал Полянскому: "Число больных и раненых от дни в день прибавляется, аптешных припасов, а особливо холста недостаточно стало, да и здесь в земли достать трудно. Я вашего превосходительства прошу приказать из состоящей морской аптеки оного до тысячи аршин приказать отпустить"⁴⁰. В этом же письме Румянцев предлагал Полянскому принять на корабли "трудно раненых и безнадежных к скорому излечению офицеров и желающих ехать в Санкт-Петербург..."

Трудности осаждающих усиливались еще и тем, что из-за недостатка морской провизии и вследствие неблагоприятных ветров флот не мог дальше держаться в открытом море и выпущен был отплыть в Ревель, оставив под Кольбергом один русский корабль, один шведский фрегат и 500 человек матросов⁴¹.

Предварительно на галиоты были погружены раненые и больные для отправки в Пиллау, раненые офицеры "кои по осмотру обретающегося при корпусе штап лекаря к скорому излечению безнадежны", – для отправки в Санкт-Петербург, а также военнопленные. Погрузка раненых и больных была произведена при дер. Гинкенгаген с помощью "легких судов". Довершить ее не удалось из-за неблагоприятной погоды, когда "бывшим на море великим волнением два галиота с провиантом выбросило на мель и оные совсем повредило...". Поэтому бригадир Дурново "больных, кои еще на галиоты не перевезены, приказал отправить на обывательских подводах в местечко Цанов в госпиталь"⁴². Отправить на галиотах в Пиллау удалось 791 человека, остальные числом 265 человек остались для отправки подводами в Цанов.

В довершение затруднений наступила холодная и ненастная погода, о чем Румянцев доносил Бутуриину 23 сентября. 28 сентября Румянцеву было предписано "больных ставить по деревьям, а лагери стараться выбирати сколько возможно при печях, дабы по нынешней холодной погоде люди в обогревании себя в дровах нужды не имели..."⁴³

Военный совет принял решение отвести войска, но Румянцев решил продолжать осаду. В конце сентября он получил в подкрепление отряд легкой конницы. В результате набегов конницы на сообщения противника со Штеттином был полностью пресечен подвоз в крепость боеприпасов и продовольствия. В октябре силы осадного корпуса были увеличены до 40 тысяч человек, что позволило продолжать осаду.

В начале декабря осадные работы были закончены, русские войска вплотную подошли к крепости. К этому времени там иссякли все запасы продовольствия. 5 декабря 1761 г. гарнизон Кольберга капитулировал.

В 1762 г. флотом решалась задача по эвакуации раненых и больных с побережья. Для эвакуации 4000 больных в июле были выделены «66 пушечные корабли: Ингерманланд, да прибывший от города Архангельского, также гоститальный Шлиссельбург»; да приготовить же пинки "Новую Девинку" и "Лев" к выходу в самой скорости, чтоб по первому указу выступить могли; ... служителей из рядовых на корабли из положенного комплекта определять на две трети, ... дабы больных поместиться могло больше; морской провизии отпустить на 4 месяца на полный комплект, да на те же корабли отпустить для больных постели с принадлежностями: на гоститальный корабль по числу приготовленных кроватей, а на прочие корабли и пинки сколько в оные поместиться». 3 июля «... командиром всех кораблей» был назначен контр-адмирал Нагаев, командирами кораблей были назначены: «привышнего из г. Архангельска» – капитан Плещеев, госпитального "Шлиссельбурга" – Голенищев-Кутузов - 2-й, "Ингерманланда" – капитан Сабуров⁴⁵.

5 июля Адмиралтейств-коллегией была дана подробная инструкция по эвакуации больных⁴⁶. Так, в ней указывалось: «1) всех больных, которые посажены будут на 80-ти и 66-ти пушечные корабли, перевести их в Ревель, а которые посажены будут на 50-ти пушечные корабли, фрегаты и мелкие суда, тех отвезть в Ригу; 2) ежели будущих в команды контр-адмирала Спиридова купеческих судов будет недостаточно, то и сверх оных где порождения купеческие суда он и посланные от него найдут, а таму будут больные служители, в те оных и помещать по вышеписанному и с рассмотрением; 3) суда имеет он распределять по своему рассмотрению, и по таким местам где способнее и скорее тех больных получить и суда без опасности держаться могут, и не ожидая всех, но как которое судно к отправлению будет изготовлено, то и посылать; 4) в военную коллегию послать премемерий, с таким требованием, чтоб благоволила заблаговременно в команды своего ведомства послать указы, чтоб больные привезены были в такие места, где их на военныя и купеческия суда посадить можно...».

В журнале о действиях Кронштадтской эскадры в 1762 г. от 18 сентября⁴⁷ указывается: «Пришла на Кронштадтский рейд, куда вскоре пришел корабль "Шлиссельбург", объявивший, что он пришел из Гилгау с больными и порохом. Всего на эскадре доставлено 886 человек».

Анализ медицинского обеспечения русского флота в сражениях Семилетней войны позволяет сделать вывод, что медицинская служба флота, возглавляемая доктором флота Демьяном Петровичем Синопеусом, в основном успешно решала поставленные перед ней задачи. Особенностью медицинского обеспечения Семилетней войны является тесное взаимодействие медицинских служб флота и армии по следующим вопросам:

- оказание медицинской помощи личному составу пополнения, доставляемому на театр военных действий на судах флота;
- эвакуация раненых и больных сухопутных войск на кораблях в госпитали центра;
- подача имущества и лекарственных средств медицинской службе армии морским транспортом;
- привлечение к оказанию медицинской помощи личному составу полков, дислоцированных в Санкт-Петербурге, медицинских чинов флота.

Опыт, полученный медицинской службой, был положен в основу совершенствования системы военно-медицинского обеспечения армии и флота.

¹ Яковлев Г. Кондониди Павел Захарович // Энциклопедический словарь военной медицины. Т. 2. М., 1947. Стб 1498-1411.

² Михайлов С.С. Медицинская служба русского флота в 18 веке. Л., 1957.

³ Материалы для истории русского флота (далее – МИРФ). Ч. 10. СПб., 1883. С. 393.

⁴ МИРФ. Ч. 10. С. 401.

⁵ Морской атлас. Т.3: Военно-исторический. Часть первая. Описание к картам. М., 1959. С. 272.

⁶ Семека С.А. Медицинское обеспечение русской армии во время Семилетней войны 1756-1763 гг. М., 1951. С. 62.

⁷ Коробков Н.М. Русский флот в Семилетней войне. М., 1946. С. 33.

⁸ Семека С.А. Указ. соч. С. 63.

⁹ МИРФ. Ч. 10. С. 350.

¹⁰ Семека С.А. Указ. соч. С. 63.

¹¹ МИРФ. Ч. 10. С. 353.

¹² Семека С.А. Указ. соч. С. 64.

¹³ Коробков Н.М. Указ. соч. С. 45-46.

¹⁴ МИРФ. Ч. 10. С. 410.

¹⁵ МИРФ. Ч. 10. С. 416.

¹⁶ Коробков Н.М. Указ. соч. С. 56.

¹⁷ Морской атлас. Указ. соч. С. 274.

¹⁸ Семека С.А. Указ. соч. С. 180.

¹⁹ Семека С.А. Указ. соч. С. 181.

²⁰ Семека С.А. Указ. соч. С. 181.

²¹ Семека С.А. Указ. соч. С. 182.

²² Семека С.А. Указ. соч. С. 183.

²³ Семека С.А. Указ. соч. С. 185.

²⁴ МИРФ. Ч. 10. С. 529-530.

²⁵ Масловский Д.Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. Т.1-3. М., 1886-1891.

²⁶ Коробков Н.М. Русский флот в Семилетней войне. М., 1946.

²⁷ Семека С.А. Указ. соч. С.208.

²⁸ Берх В. Жизнеописание первых российских адмиралов. Ч. 3. С. 233.

²⁹ Семека С.А. Указ. соч. С. 210.

³⁰ Семека С.А. Указ. соч. С. 190.

³¹ Семека С.А. Указ. соч. С. 191.

³² Семека С.А. Указ. соч. С. 192.

³³ Семека С.А. Указ. соч. С. 227-228.

³⁴ Семека С.А. Указ. соч. С. 229.

³⁵ Морской атлас. С. 277.

³⁶ Семека С.А. Указ. соч. С. 236.

³⁷ МИРФ. Ч. 10. С. 609.

³⁸ Семека С.А. Указ. соч. С. 237.

³⁹ Семека С.А. Указ. соч. С.237.

⁴⁰ Семека С.А. Указ. соч. С.240.

⁴¹ Масловский Д.Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. Вып. 3. С. 512.

⁴² Семека С.А. Указ. соч. С. 241.

⁴³ Семека С.А. Указ. соч. С. 241.

⁴⁴ МИРФ. Ч. 11. С. 23.

⁴⁵ МИРФ. Ч. 11. С. 24.

⁴⁶ МИРФ. Ч. 11. С. 26-27.

⁴⁷ МИРФ. Ч. 11. С. 16.

«АПОФЕОЗ МЕЧА»: НОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ ВОЙНЫ В РУССКОМ ЦЕРКОВНОМ ИСКУССТВЕ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ

На внешней стене западной галереи (притвора) церкви Ильи Пророка в Ярославле находится фреска, условно называемая в литературе «Апофеоз меча». В верхней ее части представлено воинство конных ангелов с мечами наголо. Ангелы держат равнение на Христа, восседающего на коне в центре композиции; из уст его вырастает меч. Второй меч, нисходящий с небес, висит, едва касаясь державы с крестом, которая символизирует Землю. Выше рихерувим с короткими мечами в распростертых руках. В нижней части на престоле изображена Богоматерь с младенцем Христом, ей предстоят семеро архангелов. Слева от группы предстоящих видны князь Владимир и цари Софья и Давид, справа – апостолы во главе с Павлом. Давид и Павел вооружены мечами, ветхозаветный царь попиет ногами тело Голиафа, а апостол – свернувшегося змия (ехидну). Подножием этой сцены служит огромный мезалвленнных страдальцев за Христа – Иоанна (Предтечи?) и апостола Иакова Зеведеева, а также мучениц Варвары и Екатерины. Верхнюю часть композиции отделяет от нижней лента, увешанная мечами, с надписью: «Не мните яко приидох воврещи мир на землю» (имеются в виду слова, сказанные Христом в Евангелии от Матфея: «Не мните яко приидох воврещи мир на землю: не приидох воврещи мир, но меч» (Мф. 10:34).

Точная дата росписей галереи церкви Ильи Пророка неизвестна, на основании некоторых исторических обстоятельств и иконографических особенностей можно лишь заключить, что они возникли не ранее 1681-го и не позже 1717 г. Фреска, о которой идет речь, – одна из самых необычных, если не самая необычная, не только церкви Ильи Пророка, но и вообще в стенописях русских храмов. Н.Г. Первухин, еще в 1915 г. издавший обширную монографию об Ильинской церкви, впоследствии обнаружил, что «Апофеоз меча» довольно близко к оригиналу повторяет украинскую гравюру – обрамление титульного листа книги Лазаря Барановича «Меч духовный». Полное название книги – «Меч духовный, еже есть глагол Божий. На помощь Церкви Воюющей, из уст Христа Господу подаван и Или Книга проповеди Слова Божьего юже сооружено Господу поспешествующу и слово утверждающе Лазарь Баранович Епископ Черниговский Новгородский и проч.». Это сочинение, изданное в Киеве в 1666 г., содержит 56 проповедей на разные темы с обширным предисловием, обращенным к царю Алексею Михайловичу. Царь пожаловал автору деньги на печатание, и благодарный Лазарь преподнес свой труд самодержцу во время пребывания в Москве на церковном соборе 1666–1667 гг. Книга продавалась в Москве и по царскому указу была разослана по русским монастырям, что обеспечило ей и ее гравюрам самую широкую популярность.

Церковь Ильи Пророка в Ярославле

Прежде чем обратиться к истолкованию этой композиции, необходимо определить основные значения, усвоенные мечу в канонических текстах. Эпитеты, прилагаемые к мечу в Библии, делятся на две группы – относительно нейтральную (но с оттенком потенциальной опасности описываемого предмета) и негативно окрашенную. К первой группе относятся характеристики «острый» («ободуострый»), «обнаженный», «сверкающий», ко второй – «грозный», «лютый», «мстительный», «жестокий». Меч однозначно связывается с представлением об опасности, причем опасность исходит как от чужеземцев-иноплеменников, так и от Бога, карающего за грехи (само иноплеменное нашествие рассматривается как наказание свыше). Таких текстов в Ветхом завете множество: «Меч извлекоша грешницы, напрягоша лук свой, заклати правыя сердцем» (Пс. 36:14); «И приведут на ты народы, и побьют тебе камением, и отсекут ты мечами своими» (Иез. 16:40); «Меча бойтесь, и меч наведу на вас, глаголет Адонаи господь: и изведу вас от среды его и предам вас в руке чуждых и сотворю в вас суд мечем падете...» (Иез. 11:8–10). Иногда ветхозаветные авторы поднимаются до высокого пафоса: «Мечу, мечу! Изострился и разъярился, яко да исечеши сеченя... Мечу, мечу, извлеченный на сечение, извлеченный на скончание, двигнися, яко да блисташаши в видении твоём...» (Иез. 21:9, 28, 29); «Оуписа меч мой на небеси... Меч Господень наполнился крове,

растолсте туком, от крове козлов и агнцев и от тука козлов и овнов... И падут с ними сильнии, и овны и юнцы, и упиется земля от крове и от тука их насытитя: день бо суда Господня, и лето воздаяния...» (Ис. 34:5, 6).

«Мечебоязнь», явственно проступающая в ветхозаветных писаниях, обусловлена историческими условиями жизни иудеев – оседлого народа, склонного в силу своего положения к пассивно-оборонительной тактике ведения военных действий: «Рать отвне с мечем, глад же и смерть извнутри: иже на поли мечем скончается, сущих же во граде глад и смерть скончает» (Иез. 6:12)². Меч выступает орудием нападения, как средство защиты он не кажется надежным: «Не на лук бо мой уповаю, и меч мой не спасет мене» (Пс. 43:7). Защитить свой народ может только Бог: «Боже, песнь нову воспою тебе... дающему спасение царем, избавляющему Давида раба своего от меча люта» (Пс. 143:9, 10).

Меч страшил также и потому, что он связан с пролитием крови. Кровь у всех народов понималась как жизненная сила, или душа: «... душа всякия плоти кровь его есть» (Лев. 17:11). На этой основе возникло множество суеверий, касающихся кровопролития (от «нечистоты» женщин в некоторые периоды и до епитимий, налагавшихся за «окровавление»). Излияние на землю несправедливо пролитой крови истолковывалось как осквернение земли: «Кровь бо сия оубивает землю, и не очистится земля от крове пролиянныя на ней, но токмо кровию проливающего» (Чис. 35:33). Кроме того, ранение мечом – это нарушение целостности человеческого тела, той целостности, которая старательно оберегается даже на подсознательном уровне (например, страх перед операцией, как правило, бывает сильнее страха перед болезнью).

В раннехристианские времена меч однозначно воспринимался как орудие казни. Закреплению этой традиции способствовал один исторический парадокс. Казнь мечом в Римском государстве считалась почетной, ее удостоивались только римские граждане (так, апостолу Павлу, бывшему римским гражданином, отсекали голову, а апостола Петра, не имевшего такого звания, распяли на кресте). Поэтому в житиях мучеников обычно повествовалось, что они, претерпев немыслимые страдания, оставались невредимыми: их не мог сжечь огонь, они выдерживали кипячение в котле или погребение во рву с негашеной известью. Заключительным эпизодом становилось «усекновение главы», ставившее точку в конце земного пути святого. В этом смысле можно истолковать и Послание к евреям апостола Павла, процитированное в надписи на фреске: «... руганием и ранами искушение прияша, еще же и оузами и темницею: камением побииени быша, претрени быша, оубийством меча оумроша» (Евр. 11:36, 37; выделено нами. – И.Б.-Д.). Со временем мотив «почетной казни» забылся, но остался наглядный факт: меч – единственное орудие, надежно прекращающее жизнь.

В книгах Нового завета меч упоминается преимущественно иносказательно: «И шлем спасения восприимте, и меч духовный, еже есть глагол Божий» (Еф. 6:17). Уподобление слова мечу, исходящему из уст, встречалось и в Ветхом завете: «... изостриша яко меч языки своя» (Пс. 53:4). Эта инверсия «меч – язык, слово» встречается в первой же главе Апокалипсиса применительно к Христу, пришедшему судить мир: «И из оуст его меч обоюду остр изострен исходяй» (Отк. 1:16). Что же касается меча-оружия, он вообще не должен использоваться христианином исходя и из общего смысла учения Христа, и из конкретных евангельских указаний. Когда апостол Петр, пытаясь защитить Христа в Гефсиманском саду, отсек ножом (в синодальном переводе – мечом) ухо рабу первосвященника, Иисус сказал ему: «Возврати нож твой в место его: вси бо приемшии нож ножем погибнут» (Мф. 26:52). Эта же мысль повторялась в Апокалипсисе: «Аще кто оружием убиет, подобает ему оружием убиену быти» (Отк. 13:10).

Традиционная христианская точка зрения на меч и войну в XVII в. была высказана патриархом Иоакимом в сочинении, названном «Поучение, возбуждающее люди до молитвы и поста во время нахождения супостатов» (М., 1678). Патриарх начинает с разъяснения ветхозаветной цитаты: «Меча бойтеся», глаголет Бог к нам чрез пророка своего Иезекииля... Ни глад, ни мор, ни огонь, ниже иныя казни Божия, толико много погубляют человек, как мечь» (л. 1 – 1 об.). Он обращается к непосредственному опыту читателей: «Кто убо изчислити может, колико много христианского народа в летах наших, при очесех наших от меча погибе» (л. 6 об. – 7). Помимо количественного аспекта, наказание мечом имеет и качественную негативную характеристику, поскольку «егда нас Бог, гладом, мором, и прочими казньми наказует, своею рукою нас касается. Егда же мечом претит... то нас в чюжыя неприятельска руки, предати хошет» (л. 3). Патриарх сравнивает это с наказанием «отчей рукой» и чужими руками³. Далее происходит подробное разворачивание метафоры «меч, напившийся крови»: «Егда пьяный меч Божий над нами висит сый в руках врагов Креста Господня... какового милосердия от них ожидать имамы. Ибо яко человек пьяный при винном, часто нападает и на невиннаго, тако меч гнева Божия при грешных человецех посекает и праведных»

Внутренний вид церкви Ильи Пророка

(л. 8 об. – 9). Завершается тема меча устрашающим напоминанием: «Меч гнева Божия оуже совершенно наши приближися. И висит зело на тонкой нитце милосердия Божия» (л. 10 об.).

Гравюра из сочинения Лазаря Барановича строится в основном на библейских текстах и библейской числе повозаветной, семантике меча. Однако изобразительный ряд имеет заметно иной характер. Верхняя гравюра иллюстрирует текст Апокалипсиса: «И видех небо отверсто: и се конь бел и седяй на нем, и истинен, и правосудный и воинственный. ... И нарицается имя его, Слово Божие. И воинства небесная след его на конех белых, облечени в виссон бел и чист: и из оуст его изыде оружие остро» (Отк. 19:11 – гравюре же представлено отнюдь не шествие, а нечто вроде смотра сил или военного парада: кони стоят рядами, ангелы салютуют обнаженными мечами своему предводителю (кстати, в Апокалипсисе оружие ангельских воинств не упоминается, а все сторонники Антихриста должны погибнуть от единственного меча, исходящего от Божественного всадника). На фреске момент церемониальности еще усилен тем, что головы всех обращены к Христу. Мечи, которые держат царь Давид и апостол Павел, являются основным элементом композиции; хотя один меч символизирует Ветхий завет, а другой – Новый, позы пророка и апостола типичны для сцены военного триумфа (напомним, что оба попирают поверженных врагов). Множество мечей, сходящих с неба на землю, также переводят метафору в буквальный план, ибо «меч духовный», который принес с собою Христос, изображен как обычное земное оружие.

Изменение отношения к войне и ее символу – мечу – в русской литературе духовного содержания наиболее ярко отразилось в «Слове о победе, полученной у Аугута» иеромонаха Гавриила Бужинского. По его словам «время уже настоеит изъявити от тогожде священнаго и богодуховенного писания, яко правильных браней бог и начинатель и помощник»⁴. «Правильные войны», в отличие от бунтов и неправедных браней, по Бужинскому, ведутся в случае острой необходимости («по великой нужде»), ради праведной цели, для защиты и сохранения Отечества. Христос никогда не запрещал войны и не осуждал воинское ремесло; Бог сам помогал Исаии Навину в битве с Амаликом, а Гедеону – с мидианитянами. Ссылаясь на библейскую «Книгу Чисел», Гавриил эмоционально восклицает: «Како могут быти богу противны брани, егда он сам... правила, уставы и повеления воинския описует и назнаменует...»⁵.

На сводах галереи церкви Ильи Пророка изображены именно те прецеденты, к которым апеллирует пророк в «правильных бранях»: подробно, во многих эпизодах представлены битвы под предводительством Исаии Навина и Гедеона. Эти же битвы вспоминаются в молебнах, которые служили на поле брани: «Якоже древле Амалика, милостиве Боже, дал еси победу... Якоже древле предал еси Боже иноплемеников верному твоему рабу Иисусу Навину...»⁶. В 1688 г. сборник молебных пений «егда царю ити на отмщение противу супостата» был разослан патриархом по всем русским церквям; в петровское время «Ектении о победе над супостатами» и вались еще трижды⁷.

Бог в панегирической литературе первой четверти XVIII в. возвеличивается как покровитель брани: «О кресте твоем и бранех господи! Не преставай и до века тако прославлять в нас непобедимую силу твою, храня и защищая люди твоя и сокрушая враги креста твоего!»⁸ Былые сетования как бы симметрично переворачиваются, строгая роль отводится врагам: «Напоиша землю нашу врази кровию своею; повергоша себе под ноги нам, иже па выи на отяготеша трупием своим, иже мышляху отяготити ю игом своим; повергоша себе под ноги нам, иже па выи на наступати готовлахуся»⁹. Именно Христа-воина, главу Церкви воинствующей, прославляют и «Апофеоз меча» фреска «Христос на поле брани» на своде галереи, иллюстрирующая ветхозаветное «Видение Ездры». Война перестала восприниматься как наказание, кара; более того, она стала ассоциироваться не с разрушением и унижением, а с ростом и процветанием: «О всемирная о удивления! Как незапно да вельми знатно в войне сей ставиши в славу и пользу возрастать Россия! <...> Тако премудрый в советах своих бог долголетною мимошедшею военою Россию... произвел в силу, честь и славу толикую, коликой ниже мы, ниже весь мир надеялся»¹⁰. Фрески Ярославских храмов доказывают, что такие настроения были присущи не только просвещенным панегиристам, но и достаточно широким кругам населения старых русских городов.

¹ См.: Суслев А.И., Чураков С.С. Ярославль. М., 1960. С. 233 (сноска).

² «Израильские цари редко вели наступательные войны с целью присоединения чужих земель, но оборонительные войны были очень часты ввиду нападений и насильственного захвата со стороны соседних народов» (С.М. Дубнов. Краткая история евреев. М., 1996 /напечатано по изд. 1912 г./) русской духовной литературе.

³ Мотив божьей казни как отчета наказания восходит к упомянутому Посланию к евреям (Евр. 12:5–11), разрабатывался в святоотеческой литературе.

⁴ Русская старопечатная литература (XVI – первая четверть XVIII в.). Панегирическая литература петровского времени /Изд. подгот. В.П. Гребенников под ред. О.А. Державиной. М., 1979. С. 226.

⁵ Там же. С. 227.

⁶ Последование молебного пения ко Господу Богу Нашему, за царя и за люди, пваемого во время брани, против супостатов, находящихся на иже М., 1678. Л. 2 об., 3 об.

⁷ См.: Зернова А.С., Каменева Т.Н. Сводный каталог русской книги кирилловской печати XVIII века. М., 1968. С. 5, 10, 59.

⁸ Русская старопечатная литература... С. 198.

⁹ Там же. С. 193.

¹⁰ Там же. С. 270, 276.

ВОРОНЕЖСКАЯ СЛУЖБА Ф.М. АПРАКСИНА

Соратник Петра I – Ф.М. Апраксин неоднократно упоминался в обобщающих трудах о петровской эпохе. Тем не менее, его государственная деятельность, история взаимоотношений с царем заслуживают дальнейшего изучения. Рассмотрим один из важных периодов жизни Ф.М. Апраксина, связанный с воронежским кораблестроением.

18 февраля 1700 г. Петр I учредил Адмиралтейский приказ, назначив его руководителем Ф.М. Апраксина. Начальник приказа назывался адмиралтейцем. Ему предписывалось прибыть на Воронежскую верфь. Федор Матвеевич узнал о назначении 25 февраля и в тот же день написал Петру I в Воронеж: «Исполнить по воле твоей, государевой, то дело готов... С сего означенного числа неделю спустя к тебе, государю, поеду». В помощники адмиралтейцу назначались два человека: Г.А. Племянников, который должен был руководить делами в Москве, и П.М. Игнатьев для исполнения приказов Апраксина в Воронеже¹.

В начале марта 1700 г. адмиралтеец прибыл в Воронеж, где присутствовал при спусках на воду корабля «Черепаша», построенного мастером Осипом (Джозефом) Наем, и «Предестинация», сооруженного по чертежам самого Петра. После отъезда государя из Воронежа 11 мая 1700 г. строительство флота поручили адмиралтейцу.

Одной из главных забот Апраксина была починка и исправление кораблей. Лишь несколько судов оказались полностью готовыми. Как писал в 1700 г. голландский резидент Арнольд ван дер Гулст, в Воронеже находилось около 30 кораблей, но исправными были лишь четыре или пять. Остальные же, по его словам, «стояли не много». Сам царь выделял при осмотре пять кораблей как самых лучших.

Переделка требовала леса, рабочих рук, специалистов. «Паче всего имею великую скудость в плотниках», – писал Апраксин Петру. Тем временем царь приказывал закладывать новые суда, в том числе и по своим собственным проектам. На это Федор Матвеевич замечал: «Мы и старого не можем осилить»². Но так или иначе дело двигалось: в 1700 г. мастер Осип Най заложил два 60-пушечных корабля – «Сулица» и «Шпага».

Кроме того, на берегу сооружались склады, водяные мельницы. Берег реки заселялся иноземными офицерами и мастерами. Строились дома для царя, генерал-адмирала Ф.А. Головина, Ф.М. Апраксина. Собранные из разных стран офицеры, матросы, корабельные мастера не всегда ладили между собой. Особой конфликтностью отличались взаимоотношения между англичанами и голландцами. Доброжелательно и дипломатично Федор Матвеевич старался сглаживать противоречия.

По царскому указу Воронеж и окрестные города – Коротояк, Усмань, Костенск, Орлов, Добрый, Демшинск, Сокольск, Белоколодск 21 марта 1701 г. перешли под управление Адмиралтейского приказа. Вся административная и судебная власть над этими городами сосредоточилась в руках Апраксина. В июне в подчинение Адмиралтейского приказа перешел Елец³. Это было вызвано необходимостью обеспечить воронежское кораблестроение рабочими руками.

23 марта 1701 г. Апраксин встретил Петра I, прибывшего в Воронеж. Во время разлива на воду были спущены корабли «Разженое железо», «Святой Георгий» и яхта «Святая Наталия». Царь лично заложил 80-пушечный корабль «Старый орел», поручив его дальнейшее сооружение Федосею Скияеву. Английский мастер Ричард Козенс начал строить два 70-пушечных корабля – «Спящий лев» и «Старый дуб». Мастер Терпилий и его ученик Чапман исправляли 18 судов «кумпанской» постройки.

Вскоре после отъезда Петра из Воронежа Апраксин и вице-адмирал К.И. Крюйс отправились в Азов. На корабле Федор Матвеевич выходил в море, изучал побережье, чтобы выбрать место под новую гавань. Особое внимание он уделял обороне новых российских земель от турок и татар, выполняя предписание Петра – «держать опаску от турецкой стороны» и особенно оберегать Таганрог. Лишь 17 сентября 1701 г. царь уведомил: «Войны с турками не чаем, потому что мир подтвердил султан охотно».

Неизвестный художник. Ф.М. Апраксин.
Первая половина XVIII в.

Из Азова Апраксин, не заезжая в Воронеж, отбыл в Москву. По пути он познакомился с состоянием дел в строительстве канала между Волгой и Доном. О положении в Воронеже Апраксина постоянно информировал Игнатъев. По его словам, в городе началась сильная эпидемия. Умирали офицеры, матросы, работные люд. «Истинно, государь мой, куда ни поедешь, везде мостом лежат», – сокрушался Игнатъев.

В апреле 1702 г. Апраксин вновь вернулся в Воронеж. В письме Петру адмиралтеец сообщал, что на устье реки Воронеж выведены 11 кораблей и яхта, а на подходе «Предестинация» и «Черепаша». Еще два корабля «Святой Георгий» и «Разженое железо», следуя указаниям Петра, были отправлены в Азов. Ф.М. Апраксин сильно переживал из-за этого. Он считал, что надо было отпустить к Азову и другие суда, потому что «вода бы прелевая, какой давно не бывало». Позднее адмиралтеец писал Петру: «Безмерно жалко, что сей весны отпустили корабли в Азов, зело, государь, времени и воды жаль!» Летом реки Воронеж и Дон сильно мелели

крупные корабли не могли спуститься по ним к Азову

«О воде жалеешь, ваша милость, – отвечал Петр мая, – и то не знаю: как бы имели пророка, так бы у иной дали». «В Азов, если б ведали о такой воде, велел бы больше отпустить, а ныне, чаю, уже упала», – писал царь 5 июня.

Адмиралтеец предложил также перевести солдатские полки из Острогжска под Воронеж «для охранения флота, дабы злодей мусульманин какой хитрости не учинил». Царь поручил Апраксину самому разместить войска, да бавляя, «а матросов сколько возможно найдем и боимов».

В июне Апраксин вновь отправился в Азов. Там руководил строительством и ремонтом судов, строительством гаваней и укреплений. Все известия о намерениях турецкого султана и крымского хана относительно России адмиралтеец срочно передавал Петру. На корабле плавания по морю Ф.М. Апраксин провел три недели два дня.

6 октября 1702 г. Апраксин возвратился в Воронеж. Его помощник Игнатъев умер, на это место был назначен стольник Измайлов. Работы на верфях продолжались, и адмиралтеец удовлетворенно доносил: «В строительстве кораблей, государь, никакого замедления нет». Апраксин просился у царя приехать в Москву, дабы «видеть твои государевы очи», звал Петра в Воронеж.

В одном из писем царю Апраксин поделился своим горем: его жена Домна Богдановна, урожденная Хрушева, скончалась. Петр, как мог, утешал своего сподвижника: «Пожалуй, государь Федор Матвеевич, не сокруши себя в такой печали, уповай на Бога. Что же делать? И здесь такие печали живут, что жены мрут и стригутся (т.е. постригаются в монастырь. – В.Г.)». В другом письме царь отвечал на приглашение Апраксина приехать в Воронеж: «Мы всем сердцем рады вашу милость и работу нашу видеть и вас за труды благодарить». Однако сам Петр в это время находился на северо-западном театре военных действий и военная обстановка не позволяла отлучаться.

17 ноября 1702 г. Петр собрался ехать из Новгорода в Москву. Царь приглашал Апраксина в столицу на торжества по поводу взятия шведской крепости Нотебург. Получив послание Петра, Федор Матвеевич приготовился в путь. Но его задержала тревожная весть из Белгорода – крымский хан намеревался напасть на русские земли. В такой обстановке Апраксин не мог оставить флот без присмотра. По его приказу вокруг строящихся кораблей были вырыты окопы и возведены деревянные укрепления, поставлены пушки. Из Острогжска в Воронеж перевели 500 солдат в дополнение к 900, уже находившимся в городе. В ответ на просьбу о присылке оружия царь приказал срочно направить в Воронеж 2000 мушкетов и патроны. Кроме того, на зачет флота послепил батальон Преображенских и Семеновских солдат. В случае крайней опасности Петр изъявлял готовность прибыть в Воронеж на защиту кораблей сам.

Петра насторожило то, что Апраксин не сообщил, как в Воронеже отнеслись к Нотебургской победе. Федор Матвеевич понял свою оплошность и написал царю, что, узнав радостную новость, «за такую Божию милость, и за твое государево здоровье мы воздали хвалу Богу молением, потом учинили веселие... с пушечной стрельбой со всех кораблей и на устье, и потчевал обедом всех довольно». Апраксин повинился: он написал Петру «поздравительную пидульку», но забыл отправить...

Всю зиму адмиралтеец провел в Воронеже. Однако опасения не подтвердились – хан не напал. В феврале 1703 г. Апраксин вновь встречал Петра и его многочисленную свиту в Воронеже. К этому времени мастер Най

Ф.А. Головин. Гравюра П. Шенка. 1706 г.

заканчивал корабли «Сулица» и «Шпага», ему же было приказано заложить еще два корабля. Мастеру Терпилию также надлежало начать строительство еще двух судов. Федосей Скияев, строивший «Старый орел», получил чертеж корабля «Ластка» и приступил к его строительству в начале марта.

Пробыв в Воронеже около двух недель, Петр уехал в столицу. Вероятно, вместе с ним отправился и Апраксин. В середине марта в Москве адмиралтеец провожал Петра в Прибалтику на войну со шведами. Прощание было бурным. С дороги царь писал Федору Матвеевичу, что не помнит своего отъезда, ибо «был zelo доволен Бахусовым даром». Петру казалось, что во время расставания он кого-то обидел или оскорбил: «Прошу, если кому нанес досаду, прощения... да не помянет всяк сей случай». Собрав «компанию», Апраксин передал извинения Петра.

На пути в Воронеж в городе Ефремове 27 апреля Апраксина догнал царский курьер с депешей. От русского посланника в Константинополе П.А. Толстого царь узнал, что «шпионы не одни посланы в Воронеж и Азов». Петр приказал: «Zelo берегитесь шпионов на Воронеже, а на донское устье можно никого проезжих не пускать, кроме своих матросов».

Весна 1703 г. благоприятствовала судостроителям. По словам старожилов, такого половодья не было давно: на самых мелких местах глубина составляла не менее 9 футов. Под надзором Апраксина все корабли, находившиеся у города Воронежа, были сведены к Дону, кроме одного, сбитого ветром на мель. Для охраны судов адмиралтеец направил 800 солдат под командованием майора Рикмана. Завершилось обучение 500 матросов, которым предстояло служить на кораблях.

14 мая в Воронеже узнали о взятии русской армией шведской крепости Ниеншанц. По словам Петра, обращенным к Апраксину, «эта весть вам приятна будет, не извольте забыть нас у Ивашки (*т. е. «Ивашки Хмельницкого»; сражаться с «Ивашкой Хмельницким» — пьянствовать. — В.Г.»*). В ответ Федор Матвеевич не пожалел красок, описал и молебен с колокольным звоном, и пушечную стрельбу, и богатый обед для всех чинов, включая солдат и матросов.

В конце мая Апраксин уведомлял царя, что новых кораблей еще не заложили, очень много дел требовали старые суда. Работам мешала сильная жара: то там, то здесь загорались дома и лес. На это Петр замечал, что пожары дело обычное, но есть известия, что шведы и турки засыпают лазутчиков жечь корабли, а значит, нельзя терять бдительности.

Жара обостряла болезни среди кораблестроителей, матросов и солдат. Заметной потерей для Воронежского флота стала смерть мастера Терпилия. «Zelo жалко Терпилия», — горевал Петр. Он предписывал: «Если болезни умножатся, лучше на времена жаркие развести людей в разные места». Но несмотря ни на что, царь приказал к будущему лету привести в боевую готовность, как минимум, 25 кораблей с числом пушек не менее 40 на каждое судно. «Я рад сколько могу, — отвечал Апраксин, — безо всякой ленности, только, государь, тебе известно, что воинских о сорока пушек, кроме Ступинских и новых, нет. Хотя их счетом и довольно, только к делу многие не годятся».

В письме Апраксина от 18 июня 1703 г. упоминается школа в Воронеже: «В арифметике, государь, из драгун учатся девяносто человек, и принялись изрядно, думаю, к авусту что нужно докончают, а отдам их по делам, а больше нужны констапели, отдам поручикам Берхману и Отгу по двенадцати человек, также и других, где пристойно».

Корабельному мастеру Наю адмиралтеец приказал делать два новых судна. Най отказывался, ссылаясь на необходимость уехать по своим делам в Англию на полгода, обещая вернуться обратно. Это могло сильно замедлить работу, и Апраксин всеми силами удерживал мастера. Лишь после значительного увеличения жалованья англичанин решил остаться.

В августе 1703 г. Федор Апраксин получил тревожное письмо от брата, Петра Матвеевича, который сообщал, что послан в поход только с конницей без пехоты. Адмиралтеец, не скрывая беспокойства, обратился к Петру. Царь уведомил, что направил 1200 человек пехоты к П. Апраксину и не сдержал досады: «Пишут все ложь да бедство, чего не бывало... Отпиши к нему: так ли все, или я солгал?»¹⁴

Новой заботой Апраксина стала артиллерия: на корабли требовались пушки, а их не хватало. На берегу реки Воронеж, в Лиецке, были устроены чугунолитейный и железоделательный заводы. В начале 1703 г. из Англии прибыли три пушечных мастера, и в сентябре на заводах уже отливали орудия.

23 ноября 1703 г. Петр вновь выехал в Воронеж. По его поручению Апраксин передал часть флотских запасов на Ладожское озеро, где началось сооружение Балтийского флота. Петр и его свита присутствовали 4 декабря на похоронах воронежского епископа Митрофанья.

Весной 1705 г. во время очередного пребывания Петра в Воронеже к Адмиралтейскому приказу было приписано еще пять городов: Острогожск, Ольшанск, Урыв, Усерд, Верхоссенск.

На Пасху того же года (9 апреля) на воду спустили корабль «Старый дуб», построенный Р. Козенсом. Перед отъездом из Воронежа Петр поручил Апраксину найти новое место для верфи ниже города по реке, что и было им сделано. 1 июня он заложил новую Тавровскую верфь. Здесь сооружалось 11 доков, облицованных внутри лесом. Работа продолжалась до поздней осени под постоянным надзором Апраксина.

В 1706 г. умер генерал-адмирал Ф.А. Головин. На его место был назначен Ф.М. Апраксин. В ведение последнего перешло управление всем флотом, Азовским и Балтийским, Оружейной палатой, Ямским приказом и Монетным двором. Местом пребывания Апраксина стал Петербург.

Как и все «птенцы гнезда Петрова», Федор Матвеевич был преданным слугой своего государя, во всем поддерживал его начинания, трудился там, куда его направлял Петр. Невозможно переоценить вклад адмирала в создание российского военного флота. Апраксин родился в сухопутной стране, его предки никогда не были моряками, но он сумел овладеть морской премудростью, успешно руководил кораблестроением, был «плавающим адмиралом». Добродушный, общительный, гостеприимный, Федор Матвеевич пользовался любовью и уважением многих своих современников. Для Петра Апраксин был не просто слугой, но искренним другом. Тепло чувства к адмиралу царь сохранял всю жизнь.

---

¹ Елагин С. История русского флота. Период Азовский. СПб., 1864. С. 146-147.

² Письма и бумаги императора Петра Великого (ПИБПВ). СПб., 1887. Т. 1. С. 819.

³ Загоровский В.П. Петр Великий на воронежской земле. Воронеж, 1996. С. 194.

⁴ ПИБПВ. СПб., 1889. Т. 2. С. 64, 65, 93, 114-116, 152, 159, 169, 171, 358-359, 370-374, 396-399, 420, 442-447, 482-483, 524-526, 547, 553, 557-558.

ПРОВИАНТСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РУССКОЙ АРМИИ И ФЛОТА В ПЕРСИДСКОМ ПОХОДЕ 1722–1723 гг.

Заключение Россией со Швецией 30 августа 1721 г. Ништадтского мира способствовало развитию свободной торговли с западноевропейскими странами по Балтийскому морю. Российская империя, будучи евроазиатской страной, также стремилась расширить круг своих экономических интересов путем развития торговых связей со странами Востока через Каспийское море. Русская дипломатия проявляла пристальный интерес к ситуации, сложившейся в Закавказье, и особенно в Персии (Иране с 1935 г.), из которой в Россию, в частности, поступал шелк для легкой промышленности.

Сепаратистские стремления феодалов в провинциях, экономический и политический кризисы существенно ослабили власть шаха, создали угрозу его свержения и нападения на страну соседей. В 1721 г. в Персии восстали афганцы, шахский престол захватил вождь одного из афганских племен – кандагарских гильзаев – Мир Махмуд. В Ширване и Дагестане вспыхнули протурецкие восстания, возглавляемые казикумухским и лезгинским ханами Сурхаем и Дауд-беком, обратившимися за помощью к Турции, которая стремилась к захвату всего Ирана. Это создавало серьезную угрозу российским интересам на Каспийском море и в Закавказье. Нарастающие признаки кризиса шахской власти, о которых русский посол А. П. Вольнский систематически докладывал в Петербург, породили у правительства идею присоединения к России смежных с ней территорий, подвластных Персии. 15 июня 1722 г. Петр I, находившийся в Астрахани, опубликовал манифест по поводу Персидского похода, где говорилось, что предстоящие боевые действия русской армии и флота направлены только против мятежников, которые «против его шахова величества (*Хоссейна из династии Сефевидов* – И. Д.), нашего приятеля, взбунтовались...»¹.

В отечественной историографии тема Персидского похода 1722–1723 гг. достаточно хорошо изучена. Первым ее описал непосредственный участник событий Ф. И. Соймонов, работа которого вышла из печати в 1763 г.² Во второй половине XIX в. к ее дальнейшему исследованию приступил В. Комаров, издавший научный труд, основанный на документах, выявленных им в архивах Москвы и Санкт-Петербурга³. Не оставил без внимания совместный поход армии и флота на Каспийское море и видный военно-морской историк Ф. Ф. Веселаго⁴. В 1951 г., используя ранее опубликованные источники, В. П. Лысцов изложил свою версию Персидского похода Петра Великого⁵.

Вместе с тем все вышеперечисленные исследователи уделили недостаточное внимание провиантскому обеспечению личного состава, ограничившись сообщениями, что из-за отсутствия необходимых запасов провианта, значительная часть которого погибла на ластовых судах при сильном шторме в Каспийском море, задачу кампании 1722 г. по овладению Баку и другими городами на западном побережье Каспия выполнить не удалось. Выявленные нами в федеральных архивах новые источники позволяют существенно дополнить уже имеющиеся в исторической литературе сведения о провиантском обеспечении войск и флота в Персидском походе 1722–1723 гг.

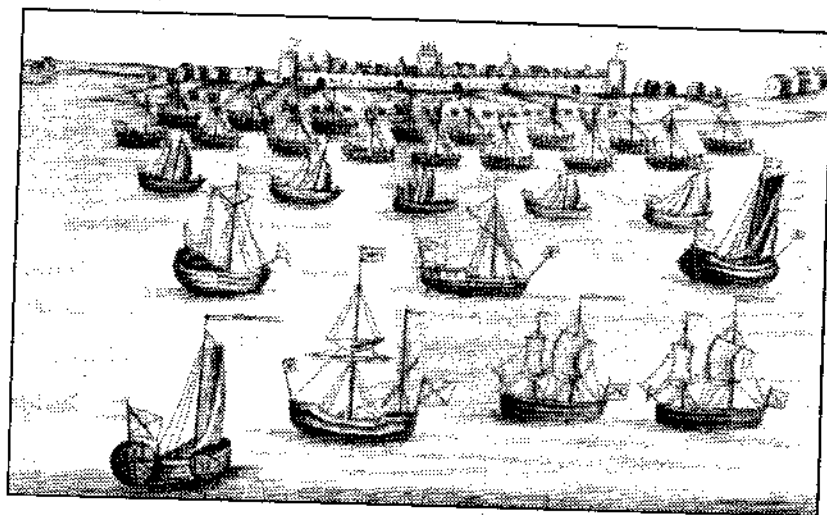
Следует отметить, что провиантское обеспечение воинских частей и кораблей Каспийской флотилии организовывалось на основе руководящих документов, разработанных и успешно апробированных в годы Северной войны. В 1716–1722 гг. были изданы многочисленные законодательные акты, в соответствии с которыми флот и армия получали все необходимые материальные средства для обеспечения своей деятельности. Добротные разработанные юридические документы регламентировали в стране политику поставок продовольствия, детально оговаривали административные, процедурные требования к подрядчикам, учреждениям и предприятиям, организацию взаиморасчетов, применение штрафных санкций. В целом наличие развитой законодательно-правовой базы, буквально охватывающей все стороны взаимоотношений морского и военных ведомств с поставщиками, позволяло офицерам провиантских контор успешно решать вопросы истребования, получения, хранения и отпуска установленных правительством норм продовольственных пайков военнослужащим армии и флота, мастеровым людям Адмиралтейства и другим контингентам.

Устав Морской 1720 г. окончательно определил ассортимент и количественные показатели месячной (28 дней) матросской порции: 45 фунтов сухарей, 10 фунтов гороха, 15 фунтов крупы, в том числе 5 фунтов гречневой и 10 фунтов овсяной, по 5 фунтов свинины и говядины, 4 фунта сушеной рыбы, 6 фунтов коровьего масла, 7 ведер пива, 16 чарок вина, $\frac{1}{2}$ кружки уксуса, $1\frac{1}{2}$ фунта соли⁶.

Нижние чины после завершения кампании флота и разоружения судов, а также матросы и солдаты, постоянно обретающиеся на берегу при Адмиралтействе, вместо морского пайка получали хлебное жалованье и опреде-

ленную Регламентом сумму, предназначенную для закупки приварочных продуктов – 72 копейки, так называемые „мясные деньги”, и соли – 15 копеек на одного человека в год. С 1720 г. солдату (матросу на берегу) установили норму отпуска провианта (3 четверти ржаной муки, $1\frac{1}{2}$ четверика круп, 24 фунта соли) в год. Обыкновенная же дача на одного человека в сутки составляла $2\frac{1}{2}$ фунта муки ($\frac{16}{30}$ гарнца), или 3 фунта выпеченного хлеба, или $1\frac{3}{4}$ фунта сухарей и $\frac{1}{3}$ фунта круп⁷.

Корабельные офицеры в соответствии с Уставом Морским 1720 г. начали получать порционные деньги⁸. За единицу расчета принималась стоимость месячной матросской порции⁹. Величина денежной компенсации напрямую зависела от уровня рыночных цен, сложившихся в стране на продукты, входившие в состав порции морской провизии. 31 января 1720 г. Адмиралтейств-коллегия приговорила: «за... порционные... давать деньгами против того, как в котором году на такой провиант определяется в вышеозначенных порциях при тех портах, где оные служители будут обретаться, торговая цена будет состоять»¹⁰. Порционные деньги русским офицерам вы-

Русские корабли у Астрахани. 1722 г.

давались только в период кампании флота. Так, констабелю I ранга, шкиперам I и 2 рангов, корабельным секретарю, комиссару, попу¹¹, лекарю, мичману, унтер-лейтенанту, лейтенанту и капитан-лейтенанту, офицерам-артиллеристам II рангов полагались две порции, капитанам кораблей и капитан-командорам соответственно, – четыре и шесть порций¹². В 1721 и 1723 гг. в соответствии с распоряжением Петра I офицеры, проходившие службу на линейных кораблях, военных и ластовых судах, перед выходом в море взамен порционных денег получали продукты на руки натурой¹³.

Командному составу корабля, не имевшему офицерских званий: шкиперам 3 ранга, подшкиперам, штурманам, подштурманам, боцманам, боцманма-

там, подконстабелям, пхиманам, пхиманмитам, сержантам, первому профосу, тиммерманам, первому трубачу, подлекарю, унтер-офицерам-артиллеристам III ранга, находившимся на кораблях, морской провиант выдавался натурой на руки из расчета на одного человека полторы порции¹⁴. Тем самым нормирование провиантского обеспечения стимулировало и активизировало служебную деятельность вышеперечисленного контингента, что способствовало укреплению авторитета младших командиров флота. Начиная с 1721 г. они состояли на котловом довольствии и получали горячую пищу наравне с матросами, а за оставшуюся половину порции морской провизии им выплачивалась денежная компенсация.

Провиантское обеспечение войск при нахождении за рубежом осуществлялось в соответствии с установленными правительством России для личного состава порциями, а для лошадей – специальными нормами кормления животных – рационами. Суточная норма в военное время („порцион”) с 1716 г. включала 2 фунта хлеба, фунт мяса, 2 чарки вина, 1 гарнец пива в день, $1\frac{1}{2}$ гарнца крупы и 2 фунта соли в месяц¹⁵. Суточный рацион для лошади состоял из 2 гарнцев овса, 16 фунтов сена, 2 гарнцев сечки, 1 снопа соломы¹⁶. Однако размеры суточной порции нижнего чина в Северную войну не всегда являлись постоянными, и зависели они от наличия местных ресурсов¹⁷.

Нижнему чину полагался один порцион. Воинское звание офицера определяло количество порционов и рационов, отпускаемых тому или иному должностному лицу (в пехоте прапорщику – 5 и 3, подпоручику – 6 и 4, поручику – 9 и 4, капитану – 15 и 5, полковнику – 50 и 17). Кавалерийские офицеры получали такое же количество порционов, как и пехотные офицеры, а рационов для лошадей больше (прапорщик – 4, подпоручик – 5, поручик – 6, капитан – 7, полковник – 22)¹⁸. Стоимость порциона устанавливалась в размере 2 алтына и 2 денги. Причем военнотружущие Преображенского и Семеновского гвардейских полков, принявшие участие в Персидском походе¹⁹, получали порционов значительно больше, чем офицеры и унтер-офицеры пехотных и кавалерийских полков русской армии. Так, подполковнику гвардии полагалось 77, майору – 33, капитан-поручику – 15–17, в зависимости от прохождения службы в ротах: бомбардирской, гренадерской, семеновской, поручику – 10 $\frac{1}{2}$, подпоручику – 8 $\frac{1}{2}$, прапорщику – 6 $\frac{1}{2}$ порциона²⁰.

Как правило, вместо порционов офицеры получали денежную компенсацию, что являлось существенным дополнением к их должностному окладу. („Когда войско в неприятельской или иной чужой земле стоит, где порционы даются, то оное к жалованью зачитать надлежит, положи среднюю цену всякой вещи, кроме хлеба и фуража”²¹.)

Подготовка к Персидскому походу началась заблаговременно, практически сразу после заключения Ништадтского мира. По указанию Петра I по всему Поволжью началось интенсивное строительство малых боевых и транспортных (ластовых) судов, предназначенных для перевозки десанта и материальных средств²². Если с 1713 до 1721 г. на Казанской и Услонской верфях для Каспийской флотилии спустили 4 шнявы, 81 вспомогательное и 18 гребных судов²³, то с 1722 г. во время подготовки и проведения Персидского похода русской армии и флота на Казанской, Нижегородской и Астраханской верфях было построено 200 островских лодок и 45 ластовых судов²⁴ (по другим данным 59²⁵), которые укомплектовали личным составом²⁶ и подготовили по указанию Петра I для морского плавания²⁷.

Основной тыловой базой флотилии при подготовке к плаванию был Нижний Новгород²⁸. Для предстоящей кампании на всех малых боевых и транспортных судах создавались трехмесячные запасы морской провизии. По указанию генерал-адмирала Ф. М. Апраксина от 30 мая 1722 г. („Коликое число будет в Низовом походе, кому морской провиант, прошу меня уведомить“) среди команд была произведена проверка питающихся²⁹. Ответственность за накопление запасов на судах для котлового довольствия 2000 моряков³⁰ возлагалась на губернатора Нижегородской губернии³¹. Для выпечки хлеба и приготовления сухарей, основной пищи моряков в плавании, в Астрахани и слободах в 1722 г. построили дополнительные русские печи³².

В связи с жаркой погодой наряду с морским пайком при плавании судов в Каспийском море предусматривался также и отпуск сбитня. Сбитень входил в пищевые рационы нижних чинов Азовского и Балтийского флотов преимущественно в первоначальные годы их существования³³. Он выдавался на довольствие ежедневно по 1–2 чарки на одного человека в сутки³⁴.

Сбитень приготавливали, взваривая душистые травы (зверобой, шафран, мяту) с медом³⁵. В сбитень, предназначенный для довольствия нижних чинов, добавляли изюм и стручковый перец, а для офицерского состава – корицу и имбирь. В плавании сбитень заменял морякам чай³⁶. В начале XVIII в. его себестоимость возросла, и с 1707 г. он был заменен на кораблях на пиво и хлебный квас³⁷. В 1722 г. сбитень, как лекарственное средство в жарком климате, вновь ввели на довольствие морских и военных чинов (5 чарок на одного нижнего чина в месяц³⁸), участвовавших в Персидском походе³⁹.

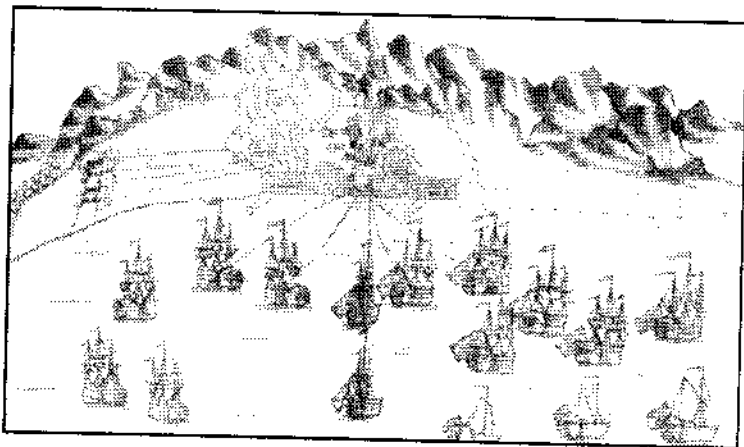
Основное его количество заготовили в Москве и Нижнем Новгороде. В соответствии с приговором Правительствующего Сената от 3 июля 1722 г. в Москве было сварено 3742 ведра сбитня для 29 936 человек полков русской армии на 4 месяца⁴⁰ и 4706 ведер „в Адмиралтейство для Низового похода“ в Нижнем Новгороде⁴¹.

Кроме сбитня, для похода были накоплены значительные запасы хлебного вина, предназначавшие как на текущее довольствие, так и для отпуска больным. Ежедневно больному нижнему чину при нахождении в адмиралтейском (военном) госпитале и полковом лазарете выдавали 1 кружку пива и 1 чарку вина. При введении в лечебное питание спиртных напитков исходило из того, что большинство лекарств для внутреннего потребления давалось захворавшему только в „вине“ или в „пиве“⁴². По бытовавшему тогда мнению медицинского персонала, только в сочетании со спиртными напитками лекарство могло оказывать наиболее сильный лечебный эффект при воздействии на организм больного⁴³. Для десантников, находившихся на транспортных судах, на каждый полковой лазарет заготовили по 40 ведер вина простого, 10 ведер вина двойного, 80 ведер пива, 60 ведер квасу⁴⁴.

Для затаривания морской провизии и наливки питьевой воды в уездных городах Казанской и Нижегородской губерний в 1722 г. изготовили 2800 бочек различной емкости и предназначения⁴⁵. Это почти в два раза больше, чем было отправлено из Казани в Астрахань в 1718–1720 гг. (1571 бочка)⁴⁶. Кроме того, в 1722 г. в Астрахани на военные и транспортные суда, приписанные к местному адмиралтейству, занаряженные бондари и флотские купоры дополнительно изготовили 500 водяных бочек емкостью 10, 12, 15 ведер и 100 бочек для хранения морской провизии⁴⁷.

Малые боевые и транспортные суда были полностью обеспечены по соответствующим нормам техническими средствами приготовления пищи, столовой посудой и камбузным инвентарем. В 1722 г. из Москвы в Нижний Новгород ремесленники Котельного ряда поставили 50 котлов средних и малых медных, 50 сковород с крышками медных, 50 сковород с ручками железных, 30 таганов железных «длиной против карбуса», 50 вилок транжирных, по 150 деревянных чаш и блюдов, 2000 деревянных ложек и прочие предметы столово-камбузной посуды и инвентаря⁴⁸ для оснащения 30 ботов и гекботов, а также катов, тялок и эверсов⁴⁹, шедших в Персидский поход⁵⁰.

Для Персидского похода был заблаговременно подготовлен крупный контингент войск⁵¹. По данным С. М. Соловьева, по состоянию на 18 июля 1722 г. из Астрахани в море и по берегу к Дербенту вышло: «пехоты считали

Взятие Баку. 1723 г.

22 000; конницы – 9000; 20 000 казаков, столько же калмыков; 30 000 татар; 5000 матросов»⁵². Основные запасы провианта для армии заготавливались в Москве⁵³, отсюда на транспортных судах они были доставлены в Астрахань. Вспомогательный магазин к началу кампании был развернут в Царицыне, где хранилось в совокупности 58 774 четверти хлебопродуктов, в том числе 53 499 четвертей ржаной муки⁵⁴, предназначенной для обеспечения конницы. Для заготовки сена кавалерийским частям к началу июня 1722 г. из Казанской губернии в Астрахань по указу Петра I направили около 1000 крестьян⁵⁵.

По прибытии Петра I в Астрахань и вплоть до выхода в море происходила подготовка судов, погрузка материальных средств, и в первую очередь, провианта⁵⁶. Количество провианта, погруженного на плавсредства, постоянно возрастало. Если по состоянию на 9 июля 1722 г. на тялках содержалось 1980 четвертей ржаной муки⁵⁷, то согласно выявленному нами архивному реестру ластовым судам (сведения на 9 августа) на 8 тялках, 4 эверсах согласно бригаantine хранилось 4416 четвертей⁵⁸. Кроме ржаной муки, на суда грузили и другие продукты. Для примера приведем перечень съестных припасов, которые предписывалось принять на каждую тялку: 200 четвертей ржаной муки, 80 четвертей сухарей, 20 четвертей круп, 100 пудов мяса, 25 пудов коровьего масла или соленого сала, 1 бочка вина, 5000 головок чеснока⁵⁹.

18 июля монарх в составе авангарда флотилии (274 судна, свыше 170 островских лодок, около 22 000 десантников⁶⁰), которой командовал генерал-адмирал Ф. М. Апраксин, отплыл из Астрахани и на другой день вышел в море конница шла из Царицына сухим путем к Дербенту. Основное количество провианта содержалось на 32 ластовых судах, которыми командовал капитан 3 ранга К. П. фон Верден. В соответствии с решением военного совета, состоявшегося 22 июля на гукоре Ф. М. Апраксина у острова Четыре Бутра, К. П. фон Вердену предписывалось идти в остров Чечень и там дожидаться указа⁶¹. К 24 июля ластовые суда отдали якоря в пункте ожидания⁶².

Перед выходом на судах и в войсковых частях был зачитан „Указ как высшим, так и низшим воинским служителям, чего надлежит остерегаться в сих жарких краях“, в котором император изложил санитарно-гигиенические требования при приготовлении пищи в субтропической местности и ответственность за их нарушение. Особое внимание личного состава было обращено на правила потребления фруктов «особливо остерегаться от дынь, слив, шелковицы и винограду, от которых тотчас может кровавый понос и прочая смертные болезни припасть». Также запрещалось потребление соленого мяса и рыбы, «понеже и от жару довольно жажды будет...»⁶³.

Планом кампании 1722 г. предусматривалось занятие русскими войсками Дербента, Шемахи, Баку, что существенно укрепило бы позиции России в Закавказье, расширило систему базирования флота на Каспийском море.

28 июля 1722 г. флот достиг Аграханского залива и высадил на берег пехоту с запасами материальных средств. Она построила укрепленный лагерь, названный Аграханским ретраншементом. Соединившись с конницей, которая „претерпела дорогою великую нужду, по недостатку в степи воды и фуража“⁶⁴, русские войска под командованием Петра I и Ф. М. Апраксина 5 августа двинулись вдоль берега Каспийского моря к Дербенту. В Аграханском ретраншементе был оставлен гарнизон, 200 пехотинцев и 1000 казаков под командованием полковника Маслова, обеспеченный на два месяца провиантом⁶⁵. По пути к Дербенту у Утемиша русские войска 19 августа успешно отразили нападение и рассеяли 10-тысячный отряд⁶⁶ султана Махмуда. У противника было взято 7000 голов крупного рогатого скота и до 4000 овец⁶⁷, что позволило без перебоев продолжительное время снабжать личный состав свежим мясом. Армия продолжила продвижение к Дербенту и 23 августа без боя вступила в город.

10 августа 25 ластовых судов под командованием капитана 3 ранга К. П. фон Вердена от острова Чечень были направлены в Дербент⁶⁸. При переходе суда застали шторм, 12 из них погибли и к устью реки Милупентии подошло лишь 13⁶⁹, „из кои надлежало муку выгрузить, печь хлебы и сушить сухари для продолжения похода“⁷⁰. Однако за ночь перед выгрузкой с севера налетел сильный ветер, от которого на ластовых судах открылась течь, команды⁷¹ до полудня следующего дня безуспешно боролись за их живучесть, но, полностью выбившись из сил, вынуждены были обрубить якоря, пуститься к берегу и посадить суда на мель. С 13 судов (2114 четвертей хлебопродуктов) солдаты полковника бригадира Левашова выгрузили на берег только 1802 четверти сухой и топлрой ржаной муки⁷², а сами суда были разломаны на дрова и использованы для выпечки хлеба.

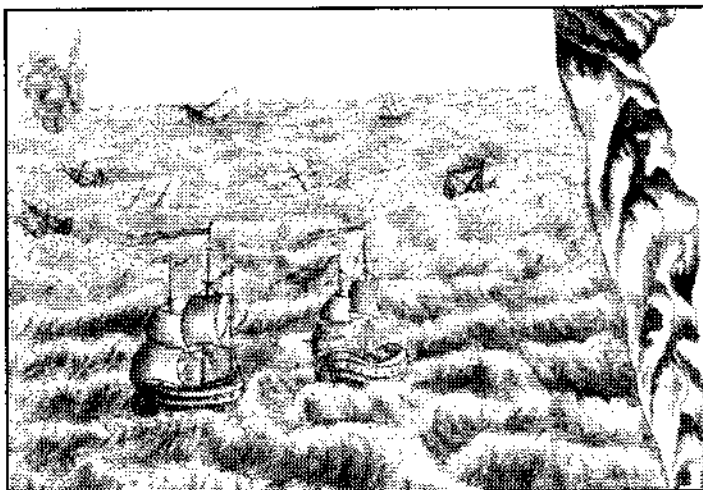
К счастью для русских, значительные запасы провианта содержались во втором отряде судов плавучего тыла (32 единицы⁷³), которыми командовал капитан 3 ранга Н. П. Вильбоа (Вильбоу), пришедшем из Астрахани к острову Чечень. Торопливость при строительстве ластовых судов⁷⁴, использование сырого леса привели к тому, что после шторма в них открылась течь. С целью сбережения провианта Ф. М. Апраксин приказал Н. П. Вильбоа выгрузить его на остров Чечень. Суда, сохранившие мореходность, направлялись с провиантом к Дербенту⁷⁵. Н. П. Вильбоа прибыл с ластовыми судами в Аграханский залив, но плохое состояние плавсредств не позволило выйти в открытое море. Из-за налетевшего с юга жестокого шторма суда, нагруженные провиантом, дали течь и тоже были посажены на мель у самого конца Аграханского мыса⁷⁶. Петр I, получив известие о непригодности большинства судов к дальнейшему подвозу провианта, был вынужден собрать военный совет. В связи с тем что в полках удалось накопить только месячные запасы провианта⁷⁷, на нем было „чего ради и принято намерение поход (войск на Баку. – И. Д.) ныне отменить, и поставя гарнизон в Дербенте, возвратиться в Астрахань“⁷⁸.

В Дербенте был оставлен гарнизон под командованием полковника Юнкера, которому со всех полков передали провиант, остальное русское войско пошло маршем к Астрахани. По возвращении императора его указом от 4

ноября 1722 г. здесь был основан военный порт, в городе началось строительство верфи и создание материально-технической базы флотского тыла.

Петр I, вынужденный отказаться от действий крупными сухопутными силами, решил сосредоточить главные усилия на море с целью овладения важнейшими опорными пунктами на западном побережье Каспия. Благодаря этому удалось избежать трудностей, связанных со снабжением армии провиантом. Для захвата опорных пунктов 6 ноября 1722 г. из Астрахани вышел отряд из 14 судов с десантными войсками (около 1000 человек). Отрядом командовал капитан-лейтенант Соймонов, десантом – полковник Шипов. Команды судов и десантники были заблаговременно обеспечены продовольствием. Для текущего довольствия при десантниках при переходе к Решту находилось 190 четвертей муки, 44 четверти сухарей, 1 бочка свиного сала, полбочки коровьего масла, 1 бочка вина (10 ведер), 1 бочка сбитня (10 ведер), чеснок⁷⁹. Основные запасы продовольствия содержались на транспортных судах (1500 четвертей муки, 400 четвертей сухарей, 500 четвертей круп, 3000 пудов мяса, 500 пудов свиного сала, 500 пудов коровьего масла, 4 бочки вина, 500 пудов соли. Кроме того в трюмы было погружено 50 водяных бочек и 12 сажень дров⁸⁰. В декабре 1722 г. русские войска высадились в заливе Энзели, подошли к Решту и взяли его без боя. Для усиления русского гарнизона в апреле 1723 г. из Астрахани в Решт морским путем был направлен отряд бригадира Левашова (2000 человек, 24 орудия)⁸¹.

В целом за кампанию 1722 г. на Каспийской флотилии перебоев в провиантском обеспечении нижних чинов нами выявлено не было, тогда как мичманы князь А. Щербатов, В. Хрущев (Хрущов), А. Дашков, Ф. Талызин после разоружения судов в декабре обратились к Петру I с рапортами, где сообщали, что „порции не получали и ныне обретаются во всяких нуждах”⁸². По указанию императора вышеперечисленным мичманам за невыданное продовольствие (князю А. Щербатову, В. Хрущеву с 15 июля по 1 октября, Ф. Талыzinу с 9 сентября по 8 декабря, о А. Дашкове данных нет) Цалмейстерская контора вышлатила денежную компенсацию⁸³.

Морское сражение у берегов Гиляна. 1723 г.

Осень–зима 1722 – 1723 гг. прошли в строительстве новых и подготовке судов, которых к началу кампании на Каспийском море находилось 73 единицы⁸⁴. Основной задачей русской армии и флота в кампанию 1723 г. было закрепление в устье реки Куры и овладение Баку.

В соответствии с инструкцией, данной 4 октября 1722 г. Петром I генерал-майору М. А. Матюшкину в Царицыне, в Астрахани накапливались запасы продовольствия. Монарх предписал учредить летом на армию численностью в 20 000 человек магазины (склады) с объемом хранимого провианта в Баку и во всех гарнизонах на год, в Дербенте и крепости Святого Креста – на два месяца⁸⁵.

Морская провизия для Каспийской флотилии подряжалась в Казанской и Нижегородской губерниях⁸⁶ и с открытием навигации на Волге была сплавлена в Астрахань, „а по привозу в Астрахань оной морской провиант велено объявить генерал-губернатору Вольнскому и воеводе Кикину и отдать... без замедления в удобные (для хранения. – И. Д.) места”⁸⁷. Условия хранения морской провизии в Астрахани зависели от жаркого климата, что вызывало необходимость строительства, в первую очередь, ледников, погребов, а затем только амбаров. Основные запасы морской провизии, создаваемые для Каспийской флотилии, содержались на острове Четыре Бутра, являвшемся отделением Астраханского военного порта. Петр I, готовясь в 1723 г. к занятию Баку, приказал открыть на Четырех Бутрах провиантский магазин, оборудовать погреба для хранения питьевой воды, „чтоб впредь морским судам за провиантом в Астрахань не ходить”⁸⁸.

В соответствии с письмом генерал-адмирала Ф. М. Апраксина, направленном 24 декабря 1722 г. в Правительствующий Сенат, морская провизия на кампанию 1723 г. заготавливалась на 6 месяцев для 2000 человек⁸⁹ (14 175 пудов сухарей, по 3150 пудов крупы овсяной и гороха, 1575 пудов крупы гречневой, 2116 ведер вина, по 1575 пудов мяса свиного и говяжьего, 1260 пудов трески, 585 ведер уксуса)⁹⁰.

Пиво для нижних чинов судов Каспийской флотилии, участвовавших в Персидском походе 1723 г., также приготавливалось в Казани. Там было сварено 27 200 ведер русского пива на первые два месяца (март и апрель) кампании. Для последующего варения пива в Астрахани (на оставшиеся четыре месяца) в Казани закупили необходимое количество ячневого солода и хмеля⁹¹. Серьезной проблемой для провиантмейстеров флотилии являлась сохранность пива в весенне-летний период.

Стремление провиантмейстеров буквально исполнить параграфы инструкций и указов Адмиралтейств-коллегии по поставке во флотилию рыбы иногда на практике принимало форму комического случая. Парадокс, но

треску везли из Архангельска в Астрахань, в которой белуга и осетр стоили считанные копейки⁹², а прочие виды промысловых рыб на базарах за те же деньги продавали возами⁹³.

Зимой 1722–1723 гг. в соответствии с приговором Адмиралтейств-коллегии для обеспечения нижних чинов Каспийской флотилии из Архангельска в Астрахань вышел обоз с сушеной треской. Груз (1260 пудов⁹⁴) сопровождала воинская команда во главе с сержантом. До начала навигации на Волге треска хранилась в Казани одном из сараев, принадлежащих местному адмиралтейству. В результате резкого повышения температуры воздуха часть рыбы пришла в негодное состояние. Оставшиеся запасы трески выбросили в Волгу во время перехода из Казани в Астрахань. Камер-коллегия, ответственная за обеспечение адмиралтейских служителей морской провизией, 19 января 1723 г. подала государю прошение о замене трески „вялой или коренной (местной. – И. Д.) рыбой“⁹⁵; Петр I согласился с мнением Камер-коллегии и повелел „объявить, что лучше заготовить вялую, и коренную рыбою, понеже за провоз трески надлежит дать против волгской рыбы дорого“⁹⁶. По предписанию монарха на довольствие матросам и унтер-офицерам Каспийской флотилии провиантмейстеры начали отпуска вяленую и сушеную рыбу местного производства.

Примеры умелого использования местных продовольственных ресурсов края, на территории которого дислоцировались войска и базировались силы флота, подавал своим подчиненным адмирал П. А. Михайлов (Петр I

В сентябре 1721 г. генерал-майор князь Г. Юсупов, ответственный за строительство судов в Нижнем Новгороде, получил от царя письмо-распоряжение: „Господин генерал-майор. Понеже в Нижнем рыба дешевая и немало, того ради объяви указ всем пришедшим и которые вновь придут воинским людям, дабы унтер-офицеры солдаты в неделю два дни вареную рыбу ели, а прочие дни печеную, понеже от печеной *мяту (расстройство желудка.* – И. Д.) не будет. Также, чтобы офицеры накрепко смотрели, дабы как в варении, так и в печении на огне довольно доваривали и выпекали, чтобы сырости не осталось... Также запретить рыбы свежие белужину и сомовину... Сие гораздо содержать, ибо на офицерах жестоко спросится, ежели люди заболят“⁹⁷.

Летом 1723 г. русские предприняли решительные действия против Баку. 20 июня отряд генерал-майора М. А. Матюшкина (4000 человек) на 20 судах вышел из Астрахани и 6 июля прибыл в Бакинский залив. Для получения довольствия десанта при переходе морем и на берегу на суда, в зависимости от типа судна, погрузили пяти-шестинедельные запасы провианта⁹⁸. В последующее время был организован подвоз провианта из Астрахани ластовыми судами⁹⁹.

Ввиду отказа гарнизона сдать город береговая батарея (4 гаубицы) и корабельная артиллерия подвергли Баку бомбардировкам, а пехота ружейным огнем решительно пресекала все вылазки осажденных. 26 июля 1723 г. русские войска заняли Баку, откуда осенью морем направили к устью Куры отряд подполковника Зенбулатова, который, не встречая сопротивления, поднялся вверх по реке к крепости Сальян¹⁰⁰.

Тем временем турецкая армия захватила Грузию. Это сделало сына свергнутого шаха Хоссейна Тахмаспа согласным на все условия России. 12 сентября 1723 г. в Санкт-Петербурге был заключен русско-персидский договор, по которому русские принимали участие в отражении афганцев („бунтовщиков“), получая взамен Дербент, Баку с прилегающими к ним землями, а также провинции Гилян, Мазандеран и Астрабад¹⁰¹.

В 1724 г. для удержания западного побережья Каспийского моря и противодействия турецкой экспансии были увеличены гарнизоны и продолжалось интенсивное строительство судов. Так, в кампанию 1724 г. в море вышло 147 боевых и транспортных судов, в том числе 30 гекботов, 30 ординарных ботов, 4 прама. Подвоз провианта из Астрахани до острова Четыре Бугра осуществляли 9 ластовых судов, а в Аграханский залив – 12¹⁰².

Для обеспечения личного состава Каспийской флотилии морской провизией Адмиралтейств-коллегия ежегодно выделяла установленную сумму денежных средств, позволяющую организовать заготовку продовольствия в требуемом объеме¹⁰³.

Завершая исследование о провиантском обеспечении русской армии и флота в Персидском походе, следует отметить, что значительное удаление районов боевых действий в 1722–1723 гг. от главных районов заготовок продовольствия обусловило большую глубину подвоза, его зависимость от климатических и географических факторов, транспортных возможностей. Гибель в штормовых условиях большинства ластовых судов с запасами провианта в кампанию 1722 г. существенно снизила возможности плавучего тыла и явилась основной причиной прекращения похода войск армии к Баку.

В 1722–1724 гг. на Каспийской флотилии ускоренными темпами строились провиантские суда, что позволяло с началом навигации начать подвоз морской провизии из Астрахани в адмиралтейский магазин на остров Четыре Бугра, основную часть запасов провианта содержать на плаву и подавать их в районы ведения боевых действий (пункты дислокации гарнизонов русской армии).

¹ Цит. по: Морской атлас. Т. III. Военно-исторический. Ч. I. Описание к картам. М., 1959. С. 233.

² Соймонов Ф. И. Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завосваний, яко часть истории государя Петра Великого... СПб., 1763.

³ Комаров В. Персидская война. 1722–1725. (Материалы для истории царствования Петра Великого). М., 1867.

⁴ Веселого Ф. Ф. Очерк русской морской истории. Ч. I. СПб., 1875.

- ⁵ Лысов В. П. Персидский поход Петра I. 1722–1723. М., 1951.
- ⁶ Книга Устав Морской. СПб., 1763. С. 104–106. 1 фунт = 409 г; 1 чарка = 123 мл; 1 кружка = 1,229 л; 1 ведро = 12,299 л.
- ⁷ Филимонов П. Руководство для скорейшего соображения исчисления и поверок по продовольствию войск. СПб., 1819. С. 6; Раскладка провианта для нижних чинов, от одного до 2000 человек на один и последовательно до 30 дней с особою таблицею для переложения кулей на меру, на вес и обратно при всех раздроблениях. СПб., 1856. С. 3. 23 августа 1713 г. Правительствующий Сенат, основываясь на результатах опытов проведенных в Московской губернии, приговорил принимать вес муки (нетто) в четверти 7 пудов 10 фунтам, крупы – 8 пудов 1 куль (нетто) = 1 четверти ржаной муки = 8 четверикам = 7 пудам 10 фунтам; вес нового рогожного куля = 10 фунтам; 1 четверть крупы = 8 пудам (РГАДА. Ф. 248. Оп. 2. Кн. 26. Л. 423). До этого казна имела две четверти – „приёмочную с верхом” и „отдаточную”. (Благовещенский Н. А. Четвертное право. М., 1899. С. 110). 1 пуд = 16,38 кг; 1 четверик = 8 гарнцам = 26,24 л; 1 гарнец = 3,28 л.
- ⁸ Материалы для истории русского флота (МИРФ). Ч. IV. СПб., 1867. С. 455.
- ⁹ Денежная компенсация за месячную матросскую порцию в 1725 г. составила 2 рубля 35 копеек (Российский государственный архив Военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. 233. Оп. 1. Д. 233. Л. 320 об.).
- ¹⁰ МИРФ. Ч. IV. С. 401.
- ¹¹ В 1722 г. два иеромонаха были откомандированы с Балтийского флота на Каспийскую флотилию („в Низовой поход”). В Астрахани к ним из местной епархии направили еще двоих священников. Все они и архимандрит Лаврентий Горка на военных судах получали виды довольствия „против Морского устава” (Смирнов А. Протоиереи-священослужители, служившие во флоте в царствование Петра I // Вестник военного и морского духовенства. 1915. № 5. С. 144–151; Марков А. С. Петр I в Астрахань. Астрахань, 1994. С. 84; МИРФ. Ч. IV. СПб., 1867. С. 326).
- ¹² Книга Устав Морской. С. 104–106; РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 233. Л. 126.
- ¹³ МИРФ. Ч. IV. С. 463, 563.
- ¹⁴ РГАВМФ ЦХСФ (Центр хранения страхового фонда). Ф. 220. Оп. 1. Д. 57. Л. 205–206.
- ¹⁵ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т. VI. СПб., 1830. № 3006.
- ¹⁶ ПСЗ. Т. V. № 2612; РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 246. Л. 42. 1 гарнец ($\frac{1}{8}$ четверика) = 3,28 л.
- ¹⁷ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 9. Отд. П. Д. 23. Л. 206.
- ¹⁸ ПСЗ. Т. VI. № 3006. Гл. XVIII Устава Военного 1716 г.; РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 180. Л. 90 об., 146–147; Д. 216. Л. 167–168; Д. 245. Л. 209.
- ¹⁹ Комаров В. Персидская война. С. 21.
- ²⁰ Азанчевский I-й. История Преображенского полка. М., 1859. С. 20–21. 1 алтын = 3 копейки; 1 копейка = 2 денги.
- ²¹ ПСЗ. Т. VI. № 3006. Ст. 3. Гл. XVIII. Устав Военный 1716 г.
- ²² Комаров В. Персидская война. С. 43–44.
- ²³ Морской атлас. Т. III. Ч. I. С. 237.
- ²⁴ Тарле Е. В. Русский флот и внешняя политика Петра I. М., 1949. С. 109.
- ²⁵ Морской атлас. Т. III. Ч. I. С. 237.
- ²⁶ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 213. Л. 39, 88 об.
- ²⁷ РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 15. Л. 38.
- ²⁸ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 9. Т. 18. СПб., 1869. С. 376.
- ²⁹ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 210. Л. 39.
- ³⁰ Там же. Д. 216. Л. 74.
- ³¹ Там же. Д. 214. Л. 66.
- ³² Там же. Д. 215. Л. 170, 195, 233–234.
- ³³ Архив С.-Петербургского филиала Института российской истории РАН (СПбФ ИРИ РАН). Ф. 105. Оп. 1. Д. 276. Л. 115; РГАДА. Ф. 329. Оп. 1. Д. 69. Л. 37–37 об.
- ³⁴ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 20. Л. 476; МИРФ. СПб., 1866. Ч. III. С. 381–383; Ч. IV. С. 238.
- ³⁵ Ковалев В. М., Могильный Н. П. Русская кухня: традиции и обычаи. М., 1990. С. 233–236.
- ³⁶ Авдеева К., Авдеев А. Экономический лексикон, расположенный по азбучному порядку. Ч. I. СПб., 1848. С. 62–63.
- ³⁷ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 20. Л. 210–210 об.
- ³⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Кн. 812. Л. 375–375 об., 377, 387, 388–388 об., 394.
- ³⁹ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 215. Л. 123.
- ⁴⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Кн. 812. Л. 375–375 об., 377, 387, 388–388 об.
- ⁴¹ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 213. Л. 72; Д. 215. Л. 123.
- ⁴² Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 6762. Л. 1 об.-2; Д. 6763. Л. 1; РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 39. Л. 112; Д. 88. Л. 101.
- ⁴³ Михайлов С. С. Медицинская служба русского флота в XVIII веке. Материалы к истории отечественной медицины. Л., 1957. С. 70.
- ⁴⁴ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 215. Л. 88.
- ⁴⁵ Там же. Д. 210. Л. 40.
- ⁴⁶ Там же. Ф. 212. Оп. 1719 г. Д. 3. Л. 236.
- ⁴⁷ Там же. Ф. 233. Оп. 1. Д. 214. Л. 96. В первой четверти XVIII в. в хозяйственном обороте, в магазинах и на кораблях использовались 8, 10, 12, 15, 18, 20, 25, 32, 35, 38, 40, 50-ведерные бочки. 22 августа 1728 г. последовало определение Адмиралтейств-коллегии о поставке солонины в бочках: на линейные корабли 15, на фрегаты и шнявы – 10, на галеры – 8 пудов. Масла коровьего на все военные корабли и суда – 8–10 пудов, а пива, уксуса – 18–20 ведер (РГАВМФ ЦХСФ. Ф. 219. Оп. 1. Д. 87. Л. 1022–1023; Ф. 220. Оп. 1. Д. 26. Л. 48–49 об.; Д. 157. Л. 60 об., 62; РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 1720 г. Д. 34. Л. 197–197 об., 211–211 об.).
- ⁴⁸ Там же. Ф. 233. Оп. 1. Д. 216. Л. 74–75 об.
- ⁴⁹ Заготовка технологического оборудования и камбузного инвентаря согласно указанию Петра I, данному 30 марта 1722 г. генерал-майору М. А. Матюшкину, на 50 судов, „а по последней мере сорок...” (Комаров В. Персидская война. С. 43).
- ⁵⁰ РГАВМФ. Ф. 234. Оп. 1. Д. 42. Л. 183.
- ⁵¹ Только из Финляндского корпуса на юг были передислоцированы следующие полки (или по одному батальону из их состава): Санкт-Петербургский, Азовский, Великолукский, Тобольский, Невский, Казанский, Псковский, Архангелогородский, Копорский, Шлиссельбургский, Первый и Второй Гренадерский, Московский, Сибирский, Воронежский, Галицкий, Вологодский, Троицкий, Рязанский, Нижегородский, Выборгский (Там же. Ф. 233. Оп. 1. Д. 208. Л. 330; Д. 210. Л. 184–187, 191; Д. 215. Л. 110–111 об.).
- ⁵² Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 9, т. 18. С. 376. Цифра 5000 матросов неверна. По литатному расписанию в Астраханском адмиралтействе следовало содержать 1018 нижних чинов. Перед началом кампании 1723 г. некомплект составлял 448 человек (РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 213. Л. 39). Морская провизия в 1722–1723 гг. заготавливалась для 2000 человек (РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Кн. 814. Л. 614; РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 1723 г. Д. 3. Л. 550 об.-551). Современные исследователи численность регулярных войск русской армии для похода в Персию оценивают в 46 000 человек (Сахаров А. Н. и др. История России (С начала XVIII до конца XIX века). М., 1998. С. 90).
- ⁵³ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 222 „6”. Л. 12.
- ⁵⁴ Там же. Д. 211. Л. 12.

- ⁵⁵ РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 15. Л. 35 об.
- ⁵⁶ Там же. Л. 97 об.
- ⁵⁷ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 219. Л. 385.
- ⁵⁸ Там же. Л. 412.
- ⁵⁹ Там же. Д. 216. Л. 78.
- ⁶⁰ Морской атлас. Т. III. Ч. I. С. 233.
- ⁶¹ Комаров В. Персидская война. С. 19-20.
- ⁶² РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 213. Л. 58.
- ⁶³ Бычков А. Ф. Письма Петра Великого, хранящиеся в императорской Публичной библиотеке. СПб., 1872. С. 81-82.
- ⁶⁴ Комаров В. Персидская война. С. 22. Недостаток фуража в кавалерийских частях серьезно беспокоил Петра I, который 30 августа 1722 г. из занятого русскими войсками Дербента направил губернатору Казанской губернии письмо, в котором предписал собрать с помещичьих, архиерейских, монастырских и дворцовых крестьян губернии и Свияжской провинции 15 000 четвертей овса и сплавить до наступления заморозков в Астрахань (РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 15. Л. 110).
- ⁶⁵ Месячная дача провианта гарнизона составляла 109 четвертей 3 четверика ржаной муки, 54 четверти пол 3 четверика (2,5), 2 четверти 7 четвериков круп, 3 пуда 4 фунта соли (РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 219. Л. 353).
- ⁶⁶ По данным В. Комарова, 16 000 человек (Комаров В. Персидская война. С. 24).
- ⁶⁷ О Персидском походе, при Петре Великом бывшем // Русский архив. 1899. Кн. 3. С. 484.
- ⁶⁸ Морской атлас. Т. III. Ч. I. С. 234.
- ⁶⁹ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 211. Л. 222-222 об.
- ⁷⁰ Комаров В. Персидская война. С. 26.
- ⁷¹ По указанию Петра I ластовые суда были разделены по командам (Комаров В. Персидская война. С. 43-44). Согласно штатному расписанию на 32 ластовых судах, с 24 июля 1722 г. стоявших у острова Чеченя, должно было быть 240 морских чинов. Фактически на судах под командованием капитана 3 ранга К. фон Вердена находился 221 человек (РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 213. Л. 88 об.).
- ⁷² Там же. Д. 211. Л. 222-222 об.
- ⁷³ По другим данным, 30 единиц (Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 9, т. 18. С. 379-380).
- ⁷⁴ Комаров В. Персидская война. С. 43-44.
- ⁷⁵ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 211. Л. 146, 236-236 об.
- ⁷⁶ Комаров В. Персидская война. С. 27. По указанию Петра I, отданному 19 сентября 1722 г. Ф. М. Апраксину, на судах, находившихся на мели, был произведен подсчет запасов провианта (РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 15. Л. 114 об.).
- ⁷⁷ На военном совете Петр I говорил о трехнедельных запасах провианта (Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 9, т. 18. С. 380).
- ⁷⁸ Комаров В. Персидская война. С. 27.
- ⁷⁹ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 211. Л. 8-8 об. Источник не сообщает емкость бочек, в которые были затарены сало и коровье масло, а также все чеснока.
- ⁸⁰ Там же. Д. 215. Л. 164-164 об.
- ⁸¹ Морской атлас. Т. III. Ч. I. С. 234.
- ⁸² РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 225. Л. 1, 4.
- ⁸³ Там же. Л. 5-6.
- ⁸⁴ Там же. Д. 213. Л. 39.
- ⁸⁵ Комаров В. Персидская война. С. 47.
- ⁸⁶ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 1720 г. Д. 55. Л. 7-7 об., 20-21, 24. В Нижнем Новгороде было заготовлено только 200 ведер уксуса (Там же. Оп. 1723 г. Д. 3. Л. 550 об.).
- ⁸⁷ Там же. Л. 551.
- ⁸⁸ Цит. по: Марков А. С. Петр I и Астрахань. С. 165.
- ⁸⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Кн. 814. Л. 614.
- ⁹⁰ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 1723 г. Д. 3. Л. 550.
- ⁹¹ Там же. Л. 550 об.-551.
- ⁹² Марков А. С. Петр I и Астрахань. С. 160.
- ⁹³ Бруин К., де. Путешествие через Московию. М., 1873. С. 238.
- ⁹⁴ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 1723 г. Д. 3. Л. 550-551. На одной подводке обычно перевозилось до 30 пудов продовольствия, затаренного, в зависимости от вида и физического свойства продукта, либо в рогожные кули, либо в деревянные бочки. На подводку, как правило, загружали 5-6 четвертных кулей сухарей (одна четверть весила 4 пуда), 3-4 четвертных куля крупы, гороха (одна четверть - 8 пудов), 2 двалштиведерные бочки, 1 сорокаведерную бочку (РГАВМФ ЦХСФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 6. 10 об., 14-14 об., 16-16 об., 20, 32; РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 122. Л. 276-280).
- ⁹⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Кн. 814. Л. 615.
- ⁹⁶ Там же. Л. 616-617.
- ⁹⁷ Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 15. Л. 70-70 об.
- ⁹⁸ Комаров В. Персидская война. С. 47.
- ⁹⁹ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 228. Л. 73.
- ¹⁰⁰ Морской атлас. Т. III. Ч. I. С. 234.
- ¹⁰¹ Там же. С. 235.
- ¹⁰² РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 228. Л. 73.
- ¹⁰³ МИРФ. СПб., 1875. Ч. V. С. 5.

«ЗДЕСЬ МЫ РАБСКИМ ОБЫЧАЕМ ЖИЛИ И СЫТЫ БЫЛИ ТОЛЬКО ЗРЕНИЕМ» (Великое посольство Петра I в Риге)

Великое посольство Петра I (1697–1698) во многом определило дальнейшую судьбу Российского государства и стало своеобразной прелюдией многолетней Северной войны. Если причины войны общеизвестны, то, казалось бы, незначительный «рижский инцидент», послуживший одним из поводов к ее началу, по-прежнему остается малоизученным сюжетом отечественной истории.

25 марта 1697 г. Великое посольство выехало из пограничного с Лифляндией Печорского монастыря, и уже через несколько часов Петр I и его спутники вступили на шведскую территорию близ городка Нейгаузена¹.

На границе посольство встречали несколько офицеров и гражданских чиновников, присланных рижским генерал-губернатором Эриком Дальбергом. После обычного обмена приветствиями, как отмечает беспристрастный «Статейный список» посольства, начались разногласия между дипломатами и встречающей стороной: «И тот маеор (Глазенап. – С.Е.) пришед к великим и полномочным послам, учтиво говорил, что прислал их рижский губернатор Эрик Далберх, и велел их, великих и полномочных послов, им встречать и спросить о здоровье и быть у них до Риги в приставках, а дворы те, где им стоять, готовы; а кормов никаких не объявил, а про подводы сказал, что возможно сыскать, и те велено давать за наем, за их, посольския деньги, по указной цене².

Петр не был готов к такой встрече. Огромное посольство вынуждено было отправиться к Риге на своих подводах, т. е. делая остановки для отдыха лошадей, что значительно замедлило движение. Все продукты питания и фуражные корма русские вынуждены были закупать за свои деньги. Это не могло не раздражать царя, первоначально намеревавшегося как можно быстрее пересечь шведские владения и отправиться из Кенигсберга морем в столь любимую им Голландию. От границы до Риги (чуть более 240 верст) Петр ехал 5 суток³. Чем же было вызвано подобное «негостеприимство» шведов? Дело в том, что в 1696 г. вся Прибалтика пострадала от небывалого по размерам и ущербу неурожая. Голод и появившаяся за ним эпидемия «черной смерти» (чумы) охватили прибалтийские провинции шведской короны – Эстляндию и Лифляндию. Считавшиеся ранее житницами Швеции, эти земли теперь не могли прокормить даже местное население. Люди умирали от истощения, цены на продовольствие возросли к весне 1697 г. до огромных размеров. Кроме того, псковский воевода заблаговременно не известил шведскую сторону о количественном составе посольства⁴.

Эрик Дальберг не знал ни о точном времени приезда послов, ни о размерах их свиты. К границе с Россией несколько раз собирали возчиков с подводами, но посольство из Москвы все не появлялось. Великие послы прибыли к границе в то время, когда их менее всего ожидали⁵.

Чтобы сгладить недоразумения, возникшие на границе, шведские власти организовали торжественную встречу Великого посольства в Риге. 31 марта за три версты от города послов ожидали присланные генерал-губернатором кареты, а в предместье Гаусмангофе устроена торжественная встреча. Русских дипломатов приветствовали офицеры Рижского гарнизона, несколько бургомистров, именитые мещане, представители купеческой корпорации «черноголовых» и городского бюргерского ополчения. По пути следования Великого посольства стоял почетный караул, а с крепостных бастионов салтовали пушки. Торжественное шествие направилось через весь город от Песочных ворот к Карловым, а затем в предместье Ластадию на берегу Двины за городскими стенами. Великие и полномочные послы были «поставлены» «за городом на предместье на мещанских дворах: первый у Якова Гака, второй у Юрья Переториуса, третей у Ягана Гилда, а начальные люди и выборные салдаты и дворяне и иные чины стояли на особых дворах близ великих и полномочных послов»⁶.

Петр I. 1697 г.

Петр наблюдал за торжественным въездом в Ригу, скрывшись от любопытных глаз в отряде волонтеров. Вместе с ними он прибыл в Ластадию, где поселился в доме Якоба Шуберта⁷. Оказанным приемом царь остался доволен. В письме к А.А. Виниусу от 1 апреля он сообщил: «...вчерашнего дня приехали в Ригу, слава Богу, добрым здоровьем, и принеты господа послы с великою честью; при котором въезде была из 24 пушек стрельба когда в замок вошли и вышли. Двину обрели еще льдом покрыту, и пешие ходят, а санями по сегодняшний день еще ездили, и для того принуждены здесь некоторое время побыть»⁸.

Первоначально Петр не намеревался делать в Риге продолжительной остановки, но переправиться на другой берег Двины было невозможно, так как в апреле 1697 г. был небывалый за последние 60–70 лет разлив реки

Д.К. Эренстраль.
Портрет Эрика Дальберга. 1692 г.

«зело много воды прибыло, и слилось в город Ригу многую шкodu учинило и погребла многие залило»⁹.

Отпраздновав в Риге Светлое Христово Воскресение (4 апреля) великие послы стали ожидать, когда откроется переправа через Двину. Вынужденное безделье чрезвычайно тяготило Петра. 5 и 8 апреля царь инкогнито осматривал город и укрепления.

Рига – столица шведской Лифляндии – была экономически развитым западноевропейским городом, населенным преуспевающими купцами и ремесленниками. Над островерхими черепичными крышами домов, построенных еще в XIV–XV вв., возвышались церковные шпили, в мастерских кипела работа, а в Рижском порту виднелись мачты многочисленных торговых кораблей. Все это привлекало внимание Петра, и царь со своими спутниками часами бродил по столь непривычному для него городу. Однако Рига была еще и мощным форпостом Шведского государства на южном побережье Балтийского моря. В 80-х гг. XVII в. город «оделся» мощным кольцом новейших фортификационных укреплений, в строительстве которых принимал участие и сам Э. Дальберг. На левом берегу Двины располагалось сильное укрепление Коброн, или Кобершанц, названное так в честь полковника Коброна, который его построил. Предместья и пригороды Риги (форштадты) были окружены заповенным водой рвом и палисадами. Оборонительные сооружения Риги вызвали живой интерес Петра, знавшего по рассказам старших современников, как сорок

лет назад его отец – царь Алексей Михайлович безуспешно осаждал ливонскую столицу. Тогда 80-тысячное русское войско выпустило по городу 1875 бомб, которые произвели большие разрушения.

Рижская цитадель, строительство которой началось еще в 1650 г., разительно отличалась от российских крепостей. Петр не преминул использовать редкую возможность тщательно осмотреть городские и замковые укрепления.

Во время одной из прогулок по городу несколько человек из состава посольства, среди которых, вероятно, был сам царь, стали расхаживать по валам и контрэскарпам. При этом велись наблюдения за крепостными сооружениями при помощи подзорной трубы, предпринимались попытки измерить глубину рва и зарисовать план укреплений. Караульные солдаты, заметив столь ярко выраженные «шпионские действия», потребовали, чтобы русские удалились, и даже пригрозили применить оружие.

Тот факт, что Петр I лично осматривал укрепления рижской крепости, подтверждает информация, содержащаяся в донесении чрезвычайного французского посла в Стокгольме Жана Антуана де Меля графа Даво. Посол сообщал в Версаль Людовику XIV 22 мая 1697 г.: «Царь прибыл в Ригу вслед за господином Лефортом. Он всюду окружен канальей из своих соотечественников и курит табак на виду у всех. Ему позволяют видеть все, делая вид, что не узнают его. Ему исключительно понравилось смотреть укрепления»¹⁰. Через несколько дней Даво дополнил полученные сведения о царе: «Он проявляет в своем поведении большую экстравагантность. Он ходит одетый как рижский матрос, и, так как его не позволяют узнавать, то это привлекает любопытство большого множества людей, которые приближаются, чтобы видеть его. Уверяют, что он возит миллион золотом в наличных, не считая тканей и мехов, которые в большом количестве; что в его свите около семисот человек и что он везет в своей свите сыновей московских вельмож, как бы в заложниках, чтобы помешать им совершить мятеж во время его отсутствия. Все эти подробности я узнал от курляндского посла, который рассказал их мне. Думаю, что царь захочет видеть войска, но нельзя быть уверенным в этом полностью. Маршал Дальберг, губернатор Риги, не очень выгодно писал о господине Лефорте – он написал, что это пьяница, который пьян каждый день»¹¹.

Сообщение французского дипломата представляется крайне важным. Источники о пребывании Петра I в Риге скудны и, как правило, относятся к более позднему времени (кроме писем самого Петра и «Статейного списка»). Высокая степень достоверности донесений подтверждается другими свидетельствами. Так, в 1700 г. рижские горожане подтвердили, что Петру и его свите разрешили в 1697 г. свободно передвигаться по городу¹². Невысокое мнение Э. Дальберга о Лефорте вряд ли удивило бы современников. Ни для кого не было секретом, что «дебосан французский» (как называл его князь В.И. Куракин) любил изрядно выпить. Общеизвестно также, что в Москве, а затем и Санкт-Петербурге царь обожал во время маскарадов наряжаться в матросское платье.

Как видно из донесений, информатором Даво был курляндский посол. Можно предположить, что дипломат смог ознакомиться с донесениями Э. Дальберга королю и шведскому риксдагу.

Донесения французского дипломата еще раз подтверждают версию о том, что среди русских, задержанных караульными солдатами в Риге, мог оказаться и сам царь («ему исключительно понравилось смотреть укрепления»).

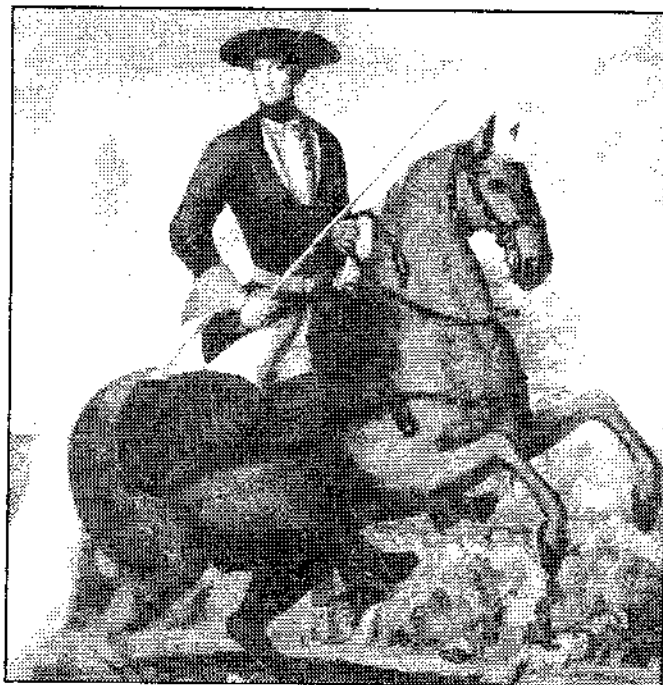
Большинство историков не сомневаются, что под ружьями шведских караульных оказался российский государь и его спутники. Однако многие из них объясняют «прогулки» царя по рижским бастионам с измерительными инструментами простым любопытством.

Р.К. Масси пишет: «Петр вознамерился обследовать городские укрепления. Рижскую крепость недавно отстроили шведские военные инженеры в полном соответствии с новейшими достижениями западной фортификации. Поэтому она была гораздо мощнее и, следовательно, интереснее для Петра, чем устаревшие, незатейливые стены и башни всех русских крепостей, включая Кремль, или чем то, что Петр штурмовал в Азове. Здесь он увидел одетые камнем бастионы и укрепленные контрэскарты, созданные по образцу сооружений выдающегося французского инженера Вобана. Петру представилась редкая возможность, и он намеревался как следует ее использовать. Царь взбирался на крепостные валы, делал карандашные заметки, измерял глубину и ширину рвов и определял, каков сектор обстрела у стоявших в амбразурах пушек. Сам Петр подходил к этому как человек, изучающий устройство современной крепости вообще, но шведы по понятным причинам смотрели на дело несколько иначе. Для них Петр был монархом и военачальником – армия его отца осаждала Ригу всего сорок лет назад. Крепость, которую Петр так старательно осматривал и обмерял, как раз затем и воздвигли, чтобы запищать город от русских и не допускать их к берегам Балтики. Конечно, при виде того, как этот высокий молодой человек стоит на крепостном валу с блокнотом или что-то измеряет рулеткой, шведы тревожились. Существовала к тому же проблема его инкогнито. Однажды шведский часовой, заметив, что некий иностранец срисовывает в блокнот детали укреплений, приказал ему убраться. Петр не обратил внимания и продолжал свое занятие. Швед прицелился из мушкета и пригрозил, что будет стрелять. Петр пришел в ярость, задетый не столько оскорблением своего царского величества, сколько нарушением гостеприимства»¹³.

Заметим, что русские власти вели себя точно так же по отношению к иностранцам. Будущий амстердамский бургомистр Николас Витзен (Витсен) в 60-е гг. XVII в. совершил путешествие в составе голландского посольства в Московское государство. Голландец отмечал, что русские власти отличаются подозрительностью и «шпиономанией». П. Витзен по пути к Москве делал зарисовки и вел путевые заметки. Как только он доставал записную книжку, чтобы зарисовать вид какой-либо крепости, то сразу же появлялся стрелец и грозил иностранному «шпиону» арестом. Однако несколько мелких монет смягчали строгость представителя власти, он отворачивался, а Н. Витзен продолжал свои зарисовки¹⁴. Благодаря стараниям голландского путешественника сейчас мы имеем возможность представить себе, как выглядели во второй половине XVII в. Псков, Новгород и другие русские города.

Отечественные исследователи А.Г. Брикнер¹⁵, М.М. Богословский¹⁶, Н.И. Павленко¹⁷, Г.В. Кретинин¹⁸ и Г.А. Сапин также объясняют казус в Риге простым любопытством Петра. «Вряд ли Петр имел далеко идущие цели, - пишет последний, - скорее всего его интересовали чисто инженерные проблемы военного сооружения»¹⁹.

Однако есть и другие точки зрения. В.Е. Возгрин усматривает в интересе Петра I и его спутников к рижской крепости не проявление любознательности, а далеко идущие разведывательные цели. «Осмотр Петром и его окружением (в числе которого были и военные специалисты) укреплений Риги вряд ли был обусловлен лишь характерной для царя любознательностью, здесь отчетливо заметны чисто военные цели подготовки к будущей

И.Х. Видекицц. Портрет Карла XII

Карта прибалтийских провинций Шведского королевства. 1698 г.

борьбе»²⁰, — отмечает исследователь, ссылаясь при этом на донесение Э. Дальберга в Стокгольм. По мнению генерал-губернатора Лифляндии, русский царь уже в 1697 г. готовил войну со Швецией и намеревался утвердиться на Балтике²¹.

Действительно, Э. Дальберг сыграл в рижском конфликте первостепенную роль. В отличие от шведского генерал-губернатора власти других стран, через которые проезжало Великое посольство, не говоря уже о коронованных особах (Вильгельме II Оранском, Леопольде I, Августе II Сильном), проявляли завидное гостеприимство и с большим терпением относились к московским гостям и странностям их поведения.

Отечественные историки рисуют Э. Дальберга в исключительно чер-

ных тонах: недалновиден, сух, подозрителен, скуп²². В итоге получается, что важнейшей шведской провинцией управлял солдафон, неразумное поведение которого дало повод к началу Северной войны.

Граф Эрик Йонссон Дальберг (1625—1703) — один из выдающихся государственных и военных деятелей Швеции эпохи заката ее «золотого века». Для своего времени он был блестяще образованным человеком. Его познания в различных науках были настолько широки, что современные шведские исследователи пишут о нем не столько как о военном и политике, сколько как о фортификаторе, инженере, картографе, архитекторе, художнике и собирателе античных коллекций²³. Карьеру на военном поприще Э. Дальберг начал в 1643 г., участвуя в походе шведских войск в Померанию и Мекленбург-Шверинское герцогство во время Тридцатилетней войны. Под командованием Х.К. фон Кенигсмарка он находился под стенами осажденной Праги (1648)²⁴. В 1656 г. во время войны с Польшей Э. Дальберг был назначен королем Карлом X Густавом генерал-квартирмейстером шведских войск, а уже через год он сражался против Дании²⁵. В конце 60-х — начале 70-х гг. XVIII в. Эрик Дальберг руководил модернизацией нескольких стратегически важных шведских крепостей (Гетеборг, Карлсруна, Мальме, Ревель, Висмар). По приказу Карла XI в 1680 г. он предпринял длительную поездку по крепостям Кексгольмского шведского правительства получило неутешительный доклад об ужасающем состоянии фортификационных сооружений на границах с Россией: многие крепости полуразрушены, в других система укреплений устарела и не сможет противостоять развивающейся осадной технике и артиллерии, необходима скорейшая их реконструкция²⁶. В 1693 г. Э. Дальберг был назначен генерал-губернатором Бремена и Вердена, где сразу же приступил к строительству новых бастионов²⁷. Генерал-губернатором Лифляндии Э. Дальберг стал в 1696 г. На новом посту он сразу же приступил к строительству укреплений Риги и крепости Дюнамюнде.

В конфликте между российскими дипломатами и рижскими властями сказались недоверие и подозрительность, вызванные многолетними вооруженными конфликтами между Швецией и Московским государством. Русских рассматривали как потенциальных противников, а любознательность молодого царя и его окружения как военный шпионаж, способный нанести существенный урон шведской короне в возможной войне. В памяти рижан еще сохранились воспоминания о страшных днях 1656–1657 гг., когда царь Алексей Михайлович с огромным войском обложил город и лично возглавлял осаду. Тогда судьба Риги висела на волоске, и только из-за неудач в Польше русские полки вынуждены были отойти от городских стен.

В свою очередь, Петр I воспринял поведение шведской администрации как личное оскорбление. Будучи номинально простым «урядником Петром Михайловым» в составе посольской свиты, царь не мог себе представить, что с ним могут обойтись не как с порфиноносным самодержцем огромного государства, а как с простым человеком. Пожалуй, первый и последний раз в своей жизни Петр «получил по рукам». Такого оскорбления он не мог простить. Обида не забылась и с годами.

В октябре 1709 г. русская армия подошла к Риге. Началась длительная осада города. 9 ноября в русский лагерь прибыл Петр I, направлявшийся из Пруссии в С.-Петербург. Через шесть дней царь лично начал бомбардировку Риги. Он выпустил из мортиры три первых бомбы. Согласно «Истории Свейской войны», отредактированной самим государем, выстрелы были удачными: первая бомба попала в кирху, вторая — в больверк, а третья — в купеческий дом. В те же дни царь писал в С.-Петербург А.Д. Меншикову о начале бомбардировки Риги с явным

удовлетворением: «Господь привел увидеть начало нашего отмищения сему проклятому месту». Заметим, что так мог писать лишь человек, которому было нанесено личное оскорбление, которое трудно забыть. Как известно, Петр I всепрощением отнюдь не отличался.

Петр получил известие о капитуляции Риги 8 июля 1710 г. и не замедлил поздравить генерал-фельдмаршала Б.П. Шереметева со славною викторией: «Письмо ваше о сдаче Риги я с великою радостию получил (и завтра будем публично отдавать благодарение Богу и триумфировать)... Что же пишете, ваша милость, о Риге, что она малым лучше Полтавы, правда, вам веселее на нее глядеть, как нам было за 13 лет, ибо ныне они у вас, а тогда мы у них были за караулом»²⁸. Этим письмом Петр I как бы подтверждает, что сам вынужден был перенести неприятные минуты под дулами шведских ружей в апреле 1697 г.

К моменту приезда Великого посольства строительство новой крепости еще не было завершено и весьма вероятно, что Э. Дальберг расценил любопытство Петра I и его спутников как обычный шпионаж.

Следует отметить, что первоначально сатисфакции великие послы не потребовали. Прикомандированный к ним капитан Лиленштиерна (Лилиеншерна) от имени генерал-губернатора принес послам извинение за поведение караульных. В своем донесении об этом происшествии он писал: «Так как шел слух, что его царское величество сам здесь находится, то, хотя и запрещено было под страхом смерти это распространять, я старался получить об этом верное известие, однако никого не мог побудить сообщить мне о том и еще того менее показать мне его величество, хотя я приметил одну личность в совсем плохом костюме, которая выделялась среди остальных своим величественным видом, несмотря на дурную одежду. Его я застал однажды в очень серьезном разговоре с господином первым послом, когда я пришел по поручению его высокографского превосходительства, чтобы принести извинения за постылок караула, который не позволил некоторым из посольской свиты прохаживаться по валам и контрэскарпам, и когда они все-таки намеревались продолжать это делать, воспрепятствовал этому, приготовясь стрелять. Извинения господин первый посол принял благосклонно и ответил, что караул поступил правильно и исполнил свою обязанность, и он даст приказание, чтобы ничего подобного впредь не было»²⁹.

Российский вице-канцлер П.П. Шафиров, вероятно, слышавший из уст царя рассказ о событиях в Риге, передает эту историю несколько иначе. По словам петровского дипломата, конфликт с караулом возник из-за поездки царя в гавань, где он намеревался осмотреть иноземные корабли и, возможно, приобрести один из них.

«Также, когда по известной всему свету его величества охоте к морскому делу изволил оной ездить с некоторыми из своей свиты к кораблям голландским, которые стояли ниже города, в намерении таком, чтоб их видеть и нанять из оных один для путешествия своего намеренного и пошел было тою дорогою, которая от посольских дворов лежала к морю и где весь народ ездит, а именно от королевских ворот направо посадом, и понеже та дорога в некоторых местах близ конца внешнего контрэскарпа, то по губернаторскому повелению чрезвычайные на главном валу поставленные пикеты с великим криком и угрозами, а иные и прикладывались ружьем, возбраняли и хотели стрелять, чтоб не ездили будто близ крепостей. На что им ответствовано, что та всенародная дорога (которая и донныне в том же месте, и любопытный может сие и ныне освидетельствовать) и для чего всем вольно, а им невольно. И ежели им противно, чтоб показали другую дорогу. И понеже другой не было, то с великою нуждою пропустили», — писал П.П. Шафиров в 1717 г.³⁰

Другой современник Петра I, епископ новгородский Феофан Прокопович, сообщал, что рижский генерал-губернатор «присылал до послов неоднократно, пререкая на них, что будто люди их ходят круг города, меряют и осматривают крепость. А послы ответствовали, дабы кто-либо от людей их на таком деле пойманной был по воле их на какую-либо казнь осужден, видяще добре, что едина враждебная клевета была»³¹.

Через три года рижский эпизод послужил одним из поводов к объявлению Северной войны. Э. Дальберг вынужден был составить оправдательную записку³², которая была разослана к западноевропейским дворам, а через некоторое время опубликована.

В записке генерал-губернатора говорилось: «Как только послы вошли в приготовленное для них жилище, я послал майора Врангеля с капитаном Лиленштиерна поздравить их от меня с благополучным прибытием, а они прислали ко мне подполковника с племянником г. Лефорта меня за то благодарить. Так как я приказал капитану Лиленштиерна состоять при послых для получения их приказаний и в особенности приказаний г. Лефорта, как первого посла, то он составил журнал всего происходившего при приеме, а затем и во все время пребывания послов в здешних местах; между прочим на основании его журнала составлено и это донесение. Этот капитан удостоверяет, что послы выражали большое удовлетворение оказанным им добрым приемом и обхождением, то же подтверждается еще письмом комиссара Книшпера из Москвы от 16 июля, в котором он говорит, что узнал то же самое, именно, что глава посольства Лефорт писал по этому поводу в Москву в выражениях, показывающих его полное удовлетворение и признательность. Вместе с тем я приказал всем полковникам, подполковникам, майорам и другим офицерам постоянно по очереди делать визиты послам и оказывать им внимание, что они и продолжали делать все время пребывания посольства здесь. Помимо того, я почти ежедневно через состоявших на службе дворян осведомлялся об их здоровье, предлагая им свои услуги; и если я лично не сделал им визита и не принимал их в замке, то потому, что этого никогда не бывало прежде, и потому, что я считал это излишним, как ввиду того, что посольство это отправлено не к вашему величеству, а к другим державам, так и по той причине,

Карл XII атакует саксонскую армию под Ригой 9 июля 1701 г. Гравюра И. Лихтена. Начало XVIII в.

что ни одно из тех посольств, которые прежде проезжали через эти провинции, не было принимаемо никем и губернаторов, моих предшественников. Притом я тем менее мог бы это сделать, что принужден был по болезни лежать в течение пяти недель в постели; но это произошло вовсе не по случаю смерти моей дочери, как они ложно уверяют, так как она умерла только 16 октября 1698 г., следовательно, через год и семь месяцев спустя после их отъезда отсюда. Так как во время своего пребывания некоторые из их свиты стали ездить верхом вокруг города и по всем высотам и не только рассматривать местность при помощи зрительных труб, но и стали рисовать и снимать план города и даже, прохаживаясь по валам и контрскарпу, пытались измерять глубину рвов, то это меня побудило просить г. Лефорта запретить своим людям такие вольности, так как, будучи сам опытным генералом, он прекрасно знает, что таких вещей не потерпят ни в одной крепости Европы. Он принял это известие очень благосклонно, извиняясь за происшедшее и обещая запретить это впредь своим плохо осведомленным москвитам. Вот так произошел случай, о котором они говорят и на который они так неосновательно жалуются, утверждая, что их держали в таком стеснении, что они не могли выходить из их жилищ, но этого никоим образом не было, так как, напротив, они вполне свободно и толпами ходили по всему городу, заходя во все лавки, мастерские, трактиры и всюду, куда им было угодно, о чем могут засвидетельствовать все жители Риги. Странно далее, что комиссары царя настаивали, что ввиду присутствия высокой особы его царского величества следовало бы сделать что-либо более того, что было сделано; ведь лицам из состава посольства было под страхом смерти запрещено разглашать, что этот великий государь находится среди них лично, и поэтому и с нашей стороны было основание думать, что его царским величеством было бы дурно принято, если бы мы сделали вид, что знаем о его высоком присутствии у нас. Итак, посольство казалось очень довольным, да и в действительности ему не было оснований на что-либо жаловаться; но, когда, наконец, пришло им время платить за издержки здесь, стало замечаться некоторое недовольство, и это меня побудило пересмотреть и убавить несколько слишком высокие счета их хозяев и свести все по возможности к справедливой цене. И для того чтобы ваше величество могли усмотреть, сколь неосновательно они жалуются, что будто бы для них цена была поднята более чем вдвое против действительной стоимости и что за перевоз через реку Двину с них взяли 80 дукатов, я потребовал от магистрата этого города сделать подробное обозначение, и имеется список состава посольства, которое не было малочисленным, а затем обозначение, сколько каждому из их квартиrohозяев было заплачено за помещение, дрова, свечи и за другие вещи в том же роде, и это было им заплачено не по их требованию, а по доброй воле и расположению послов. Я могу затем заявить по совести и по душе, что искал и употреблял все возможные средства, чтобы их удовлетворить, и что старался оказать им всякую вежливость, хотя они теперь все объясняют с недоброежелательством. Конечно, не моя вина в том, что тогда была большая дороговизна и большой недостаток; нужда была в здешних местах всеобщей, и я чувствовал ее последствия наравне с другими. Они еще много жалуются, будто бы их не хотели почтить при отъезде яхтами и хорошими лодками при переправе через реку Двину. Я могу, однако, сказать, что, несмотря на то, что здесь подобных судов не находится, я все же отдал приказ перевезти главных лиц посольства на красивой яхте, убранной красным сукном и украшенной королевским флагом, а остальных на двух других яхтах и более, чем на 30 больших лодках, какие здесь в употреблении, и все эти лодки были предоставлены к их услугам, не говоря уже о том, что при переезде через реку их почтили 32 выстрелами из пушек»³³.

По словам Э. Дальберга «великий посол» Ф.Я. Лефорт сам принес извинения за поведение «москвитов». Действительно, при составлении этой записки были опрошены рижские горожане, общавшиеся по торговым и

другим делам с участниками посольства. Все они подтвердили, что русские пользовались в городе большой свободой передвижения и ни в чем не были стеснены.

Столкновение с караульными вызвало сильный гнев Петра I. По замечанию Е.Ф. Шмурло, «воспоминания о мгновениях, проведенных под дулом ружья, для русской стороны, конечно, не могло быть приятным»³⁴.

Через несколько дней, покинув Ригу, царь написал в Москву дьяку А.А. Виниусу: «Her Vinius, сегодня поехали отсель в Митову; а жили за рекою (из-за вскрытия реки), которая вскрылась в самый день пасхи. Здесь мы рабским обычаем жили и сыты были только зрением. Торговые люди здесь ходят в мантиях и, кажется, что zelo правдивые, а с ямщиками нашими, как стали сани продавать, за колейку матерно лакося и клянутся, а продают втрое. Вестей иных никаких нет. За сим, предав вас в сохранение богу, просим знакомым и однокумпанцам должное отдати поклонение. Piter. Из Риги, апреля в 8 день. Сие письмо покажи Гавриле Ивановичу».

Однако в этом же письме тайнописью Петр сообщал и сведения о Рижской крепости и гарнизоне: «солдат здесь, сказывают, 2780. Мы ехали через город и замок, где солдаты стояли на 5 местах, которые были меньше 1000 ч[еловек]; а сказывают, что все были. Город укреплен гораздо, только не доделан. Зело здесь бояться, и в город, и в иные места и с караулом не пускают, и мало приятны. Солдатам жалованья... в год, капралам по 12, сержантам по 24, да всем по 3 бочки хлеба»³⁵.

Следовательно, прогулки по городским валам носили все же некоторый разведывательный характер. Вопрос лишь в том, каким образом намеревался Петр I воспользоваться полученной информацией. Скорее всего, царь обратил свой взор против Швеции, уже изрядно попутешествовав по Европе. Во всяком случае, мы не располагаем убедительными доказательствами того, что Петр I в апреле 1697 г. решил в ближайшее время начать войну со своим северным соседом. Возможно, желание «воздать отмщение» шведам возникло тогда, когда стало ясно, что европейские державы не намерены накануне грядущей войны за испанское наследство (1700—1714) принимать участие в антирусской коалиции.

Была ли какая-либо альтернатива в определении внешнеполитического курса России во время и по окончании Великого посольства? Хотя «история не терпит сослагательного наклонения», на этот вопрос еще в середине XIX в. попытался ответить русский историк Н.Г. Устрялов. Он считал, что основной причиной конфликта русских со шведскими властями были холодность и сухость приема, оказанного Э.Дальбергом послан и царю. По словам историка, если бы генерал-губернатор «сам предложил бы царю, знаменитому любознательностию, осмотреть королевский замок, рауцу, старинный дворец владетельных епископов, дом шварцгейптеров, повеселил бы высокого гостя, по известной склонности его, учением солдат, пушечной пальбой, фейерверками и таким образом, заняв любопытство Петра, сократил бы несносное для него время ожидания устройства переправы»³⁶, то, возможно, отношения между двумя странами сложились по-другому.

Пребыванием в Риге Петр I остался крайне недоволен. Первая встреча с Западной Европой оказалась неудачной. По словам современников, царь «надеется увидеть тот день, когда он смог бы отказать в том же королю Швеции»³⁷, в чем отказали ему самому в Риге. Спустя три года, объявляя войну шведам, Петр припомнил, по его словам, «главное бесчестье», учиненное русским великим и полномочным послан в Риге и касавшееся «Его царского Величества персоны».

¹ Памятники дипломатических сношений. М., 1867. Т. VIII. С. 756.

² Там же. С. 756—757.

³ Шмурло Е.Ф. Великое посольство (1697—1698 гг.): (Критические заметки по истории Петра Великого // Журнал Министерства народного просвещения. 1900. Май. С. 59—60.

⁴ Bergengrün A. Die grosse moskowitzische Amdassade von 1697 in Livland. Riga, 1892. S. 22—24.

⁵ Brückner A. Die Reise Peters des Grossen in's Ausland 1697 und 1698 // Russische Revue. Bd. XIV. 1879. S. 544; Kelch. Liefelandische Historia. Dorpat, 1875. Bd. II. S. 47—49.

⁶ Походный журнал Петра I 1697 и 1698 гг. СПб., 1853. С. 7; Памятники дипломатических сношений. Т. VIII. С. 758—764.

⁷ Памятники дипломатических сношений. Т. XVIII. С. 764; Bergengrün A. Die grosse moskowitzische Amdassade... S. 30—31.

⁸ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. I. № 147.

⁹ Памятники дипломатических сношений. Т. VIII. С. 764—766.

¹⁰ Лавров А.С. Великое посольство в донесениях французских дипломатов // Ораниенбаумские чтения. Сборник научных статей и публикаций. Вып. I (Эпоха Петра Великого). СПб., 2001. С. 120.

¹¹ Там же. С. 121.

¹² Bergengrün A. Die grosse moskowitzische Amdassade... S. 40.

¹³ Масси Р.К. Петр Великий. Смоленск, 1996. Т. I. С. 275.

¹⁴ Кирпичников А.Н. Россия в XVIII в. в рисунках и описаниях голландского путешественника Николааса Витсена. СПб., 1995. С. 22, 29, 34.

¹⁵ Брикнер А.Г. История Петра Великого. СПб., 1882. С. 161. Эта точка зрения была широко распространена в отечественной историографии XIX—XX вв. См., например, Болдырев В.Г. Взятие Риги в 1710 году: К 200-летию годовщины [Рига], 1910. С. 11.

¹⁶ Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии. М., 1941. Т. 2. С. 29—33.

¹⁷ Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1990. С. 64—65.

¹⁸ Кретинин Г.В. Прусские маршруты Петра I. Калининград, 1997. С. 33.

¹⁹ Санин Г.А. Петр I — дипломат: Великое посольство и Ништадтский мир // Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С. 21.

²⁰ Возгрин В.Е. Россия и европейские страны в годы Северной войны: История дипломатических отношений в 1697—1710 гг. Л., 1986. С. 66.

²¹ Там же. С. 66—67.

- ²² См., например: Устрялов Н.Г. История... Т. III. С. 27—28; Павленко Н.И. Петр Великий. С. 647
- ²³ Подробно о Э. Дальберге см. сб. статей: Stormaktstid: Erik Dahlbergh och bilden av Sverige. Läckö, 1992.
- ²⁴ Englund P. Om Erik Dahlberg // Stormaktstid... S. 77—78.
- ²⁵ Ibid. S. 80.
- ²⁶ Dahlberg E. En kort och sanfärdig berättelse öfwer Grefwe Erik Dahlbergs letwernes lopp // Stormaktstid... S.93; Kartashev K. Erik Dahlbergh si Fortifikatör: Fortifikationens ståndpunkt under 1600-talet // Ibid. S. 157—158. - Реконструкция рижской крепости по плану, разработанному Э. Дальбергом, началась в 1681 г и закончилась в 1700-м, незадолго до начала осады города польским королем и саксонским курфюрстом Августом Сильным, союзником Петра I по антишведской коалиции в Северной войне. Подробнее об инспекционной поездке Э. Дальберга по прибалтийским крепостям см.: Кальюнди Б.А., Кирпичников А.Н. Крепости Ингерманландии и Карелии в 1681 году // Скандинавский сборник. Вып. X. Таллин, 1975. С. 68—80.
- ²⁷ Lövgren A.-B. Erik Dahlbergh - landschövding, kungligt råd och generalguvernör // Ibid. S. 210—211.
- ²⁸ Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1956. Т.10. С.222.
- ²⁹ Posset M. Der General und Admiral Franz Lefort: Sein Leben und seine Zeit. Frankfort am Main, 1866. Bd. 2. S. 385.
- ³⁰ [Шафиров П.П.] Рассуждения, какие законныя причины его царское величество Петр Первый, царь и повелитель всероссийский... к началу войны против короля Карола XII Шведского 1700 году имел... [СПб.,] 1717.
- ³¹ Прокопович Феофан. История императора Петра Великого от рождения его до Полтавской баталии и взятия в плен остальных шведских войск при Перевалочне, включительно. М., 1788. С. 29—30.
- ³² Донесения Э. Дальберга за 1697 г., в отличие от неоднократно издававшейся записки, до сих пор не опубликованы и использованы лишь Виттрамом по копиям из коллекции Ширрена в Государственном архиве в Стокгольме (Wittram R. Peter I, Czar und Kaizer. Göttingen, 1964. Bd. 1. S. 137—141).
- ³³ Lamberty G. Memoires pour servir a l'histoire du XVIII siecle. La Haye, 1724. T. I. P. 385—391. Публикация на русском языке: Оправдательное донесение Карлу XII рижского губернатора Дальберга / Публ. С.В. Арсеньева // Русский Архив. 1889. Кн.1. С.385-391.
- ³⁴ Шмурло Е.Ф. Великое посольство... С. 93
- ³⁵ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. I. № 148.
- ³⁶ Устрялов Н.Г. История... Т. III. С. 28.
- ³⁷ Mottley J. The history of the life of Peter I, Emperor of Russia. London, 1739. Vol. 1. P. 65; Banks J. The history of the life and reign of the czar Peter the Great, Emperor of All Russia and Father of his Country. London, 1740. P. 41.
- ³⁸ Памятники дипломатических сношений. Т. VIII. С. 769.

«ОГНЕННАЯ ПРОПАГАНДА» РУССКИХ ПОБЕД: ФЕЙЕРВЕРЧНОЕ ОТРАЖЕНИЕ ВОЕННЫХ СОБЫТИЙ В ЦАРСТВОВАНИЕ АННЫ ИОАННОВНЫ

Впервые после смерти Петра Великого русские пушки заговорили вновь спустя десять лет, в правление его племянницы Анны Иоанновны. На ее царствование выпали две военных кампании: за Польское наследство 1733–1735 гг. и практически сразу же последовавшая за ней русско-турецкая 1735–1739 гг. Военным и дипломатам приходилось решать проблемы, поставленные еще великим Петром. Вначале, после смерти Августа Сильного и возвращения из политического небытия Станислава Лещинского, возникла реальная угроза выхода Польши из сферы российского влияния. Этого нельзя было допустить. России нужен был пусть “беспокойный”, но с “правильным” образом мыслей и политическим поведением сосед. А затем встала задача ликвидировать печальные итоги Прутского похода, сведшего на нет так удачно начатую еще в конце XVII в. программу выхода России к Черному морю.

Анне Иоанновне удалось решить, пожалуй, главную задачу: доказать и внутренним и внешним врагам, что она достойная племянница своего дяди и Россия никогда не свернет с пути, намеченного великим Петром. Надежды сторонников на возвращение в тихое, сонное Московское царство, где многим было столь уютно и спокойно, оживившиеся было при Петре II, с приходом к власти курляндской вдовы были окончательно обращены в прах. В области внешней политики она продолжала следовать петровским заветам и добилась значительных для фигуры ее масштаба результатов. В Польше было восстановлено пророссийское правление, а на троне оказался сын Августа II, Август III. Да и войну с Турцией Россия с блеском выиграла, отомстив за прутский разгром. Русские впервые, в качестве победителей, оказались в солнечной Тавриде. И именно к этой войне исторически верно применить знаменитое грибоедовское “времен очаковских и покоренья Крыма”.

Конечно, роль и значение этих военных кампаний никак нельзя сравнивать с грандиозными итогами Северной войны. Территориальные приобретения при значительных людских потерях, большая часть из которых не была напрямую связана с военными действиями, были минимальными, и не зря Миних назвал Белградский мир, ликвидировавший все достижения русско-турецкой войны 1735 – 1739 гг., “похабным”. Но как знать, не доверься опрометчиво Россия на мирных переговорах в Белграде коварному французскому послу Маньяну, может, результаты мира были бы совсем иными...

И все же из этих двух войн Россия вышла признанной победительницей. Были славные победы, взятия неприятельских крепостей. Словом, раздавался гром победы, и славный росс веселился. Победы требовалось отпраздновать, причем не только на полях сражений, но и на самом высоком уровне. Власть стремилась донести до своих подданных и распропагандировать среди представителей иностранных держав суть славных российских викторий, мужество и героизм своих солдат, коварство и жестокость врага. Как этого можно было добиться наиболее эффективным способом? Сухие строчки официальных сообщений и указов немного могли дать для этого. И потому на вооружение было взято испытанное оружие петровской “монументальной” пропаганды – красочные фейерверки.

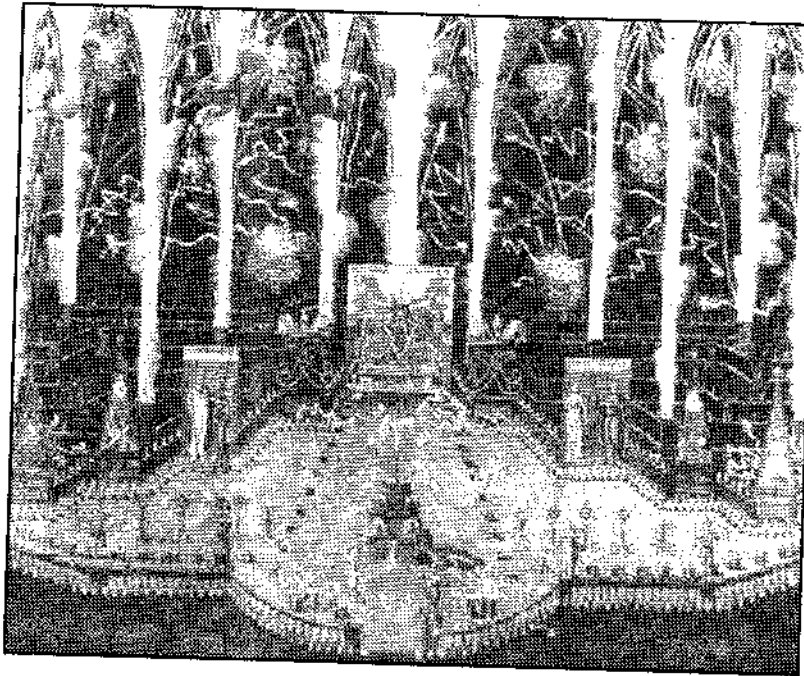
Сюжеты отражали ход военных кампаний, наглядно и реалистично показывая суть происходящего за тысячи верст от невиской столицы, надолго запоминались и оставляли в душе зрителей яркое переживание гордости за удачу и успехи своей державы. Во время огненного спектакля происходило и другое волшебство: сословные грани и различия, столь важные и непоколебимые в других ситуациях, здесь стирались; в результате и простолюдин, и сановный вельможа фактически оказывались в одной ликующей толпе. Ну а для тех, кто не успел посмотреть красочную феерию, но желал иметь о ней представление, а также для памяти потомков составлялись подробнейшие описания “огненных баталей” с гравюрным изображением хода представления. Часть из них обязательно рассылалась к европейским дворам, чтобы показать и доказать “надменному соседу”, кто тут правит бал и делает музыку. Обратимся непосредственно к тем далеким сюжетам.

По заведенной Петром Великим традиции новогодний фейерверк отражал события ушедшего года и выдвигал планы на год будущий. Новогодний фейерверк 1734 г. изображал земной шар с сидящим на нем российским двуглавым орлом. Сюжет дополняла лаконичная подпись: “Щит друзьям, страх врагам”¹. Таким образом демонстрировалась значительная роль России в мировой политике, причем подчеркивались ее миролюбие и желание оказывать помощь своим друзьям, но в то же время твердая решимость отстаивать собственные интересы от любых посягательств извне.

Новогодний фейерверк следующего, 1735 г. продолжал развивать военную тематику. Анна Иоанновна изображена в образе античной богини Минервы, держащей в одной руке статуэтку победы, а в другой – копье. Надпись тоже характерна для побеждающей стороны: “Новые годы, новые триумфы”².

Итог войне с Польшей, в ходе которой было установлено пророссийское правление Августа III, подвел фейерверк 28 апреля 1736 г., составленный профессором Санкт-Петербургской Академии наук (далее – АН) Христианом Гольдбахом³. Вначале перед зрителями среди победных символов предстала корона Российской империи с подписью: “Покой мой от правды моей”. Так всем и каждому демонстрировалось: Россия совершает правое дело, потому она вышла победительницей, обеспечив своему государству на границе с Польшей мир и покой.

Фейерверк в день коронации Анны Иоанновны

Во втором действии перед Анной Иоанновной, изображенной в полный рост, была помещена коленапреклоненная Польша с подписью: “Твоею успокоена помощью”. В качестве варианта была и другая, очень подходящая к теме: “Покой мой – дар твой”. Тем самым показывалось, что установление пророссийского правления, которым Польша всецело обязана России, должно принести самой Польше спокойствие, процветание и избавление от смут и раздоров.

И, наконец, в заключительном действии аллегорически было представлено установление пророссийского правления в Польше: плодоносное дерево с сидящим на нем польским орлом, которое с двух сторон обнимали Российская империя и польская вольность со словами: “В союзе нашем безбедно”.

В архиве АН сохранилась богатая документация о создании этого фейерверка, в которой представлены различные ва-

рианты и стадии его разработки. Ведь именно этот фейерверк в яркой, зрелищной форме подводил политический итог войне за польское наследство. Итак, 31 марта 1736 г. адъюнкт АН Василий Адогуров послал инвентору Геннину письмо, в котором было 6 (!) вариантов первого действия этого фейерверка⁴. Помимо избранного окончательный вариант сюжета развитие темы “Россия – Польша” выглядело и так:

1) Вольность Польши в женском образе, на которую нисходит свет от вензеля Анны Иоанновны с очень характерной надписью: “Сиям светом паки оживляется”.

2) Польское королевство и Вольность, в женских образах, подают друг другу руки, а над ними все тот же вензель императрицы с надписью: “Твоею соединяются силою”.

3) Три лавровых венца, символизовавших три социальных категории Польского государства, расположены между фигурами России и Польши, которых последние обнимают, с надписью: “Объемлет да защитим”.

4) Четвертый вариант и был в итоге выбран в качестве основного. Но крайне важно отметить, что вместо Польши (как один из вариантов этого сюжета) предлагалась Европа. В этом случае, несомненно, значение сюжета усиливалось: из локального конфликта двух стран он становился объектом общеевропейской политики, как таковым, в сущности, и был.

Ведь в конфликт, помимо России и Польши, были вовлечены Франция, Австрия, Пруссия, Саксония, Швеция, Турция. Другое дело, что создатели фейерверка сочли за лучшее отразить в нем реальное положение вещей: изобразить коленапреклоненную Польшу перед Анной Иоанновной вместо Европы. Ведь последнее, во-первых, было желаемым, а не реальным, а во-вторых, такой сюжет грозил серьезными неприятностями России: фейерверки видели иностранные дипломаты, приглашавшиеся на просмотр самой императрицей, которые, несомненно, донесли бы в свои страны о таком развитии сюжета, а это могло вызвать резкое осложнение отношений, вплоть до их разрыва и начала военных действий, тем более что в ходе войны за польское наследство, европейские страны поддерживали отнюдь не Россию.

5) Россия и Польша подают друг другу руки с надписью (дано было два варианта): “Вечным соединены союзом” и “Сей союз во веки нерушим пребудет”.

6) Радуга, касающаяся одним концом России, а другим Польши, с надписью (также было представлено два варианта): “Обе плодами мира насыщаются” и “Знак исполненного завета”.

Как видно из предложенных вариантов развития сюжета, все они были очень оригинальными, яркими, хорошо продуманными и злободневными. Варианты 1, 2 и 3 демонстрировали, что благодаря России Польша обрела

столь долгожданную вольность, которая ей необходима и которую Россия вместе с Польшей будет защищать для блага всех социальных категорий этого государства. О варианте 4 речь уже шла, а варианты 5 и 6 были посвящены прославлению мира после окончания войны и выражали надежду, что он будет “вечным”. Таким образом, все представленные варианты в разной степени демонстрировали победу России, выгоду и благо обоим государствам, а особенно Польше, от союза с Россией.

* * *

Как уже отмечалось, фактически сразу же после прекращения войны с Польшей Россия вступила в войну с Блистательной Портой. Однако формально Россия объявила войну лишь в 1736 г., на который и приходится первые победы. К началу 1737 г. уже были взяты турецкие крепости Азов, Перекоп, Кинбурн. Новогодний фейерверк 1737 г. благословлял победителей и призывал к новым победам. “От Бога новые годы и новые победы”, – говорила его главная надпись⁵.

Фейерверк 28 января 1737 г., устроенный на очередную годовщину дня рождения императрицы, уже подробно раскрывал суть достигнутых успехов в борьбе с Турцией и помогавшей ей Крымским ханством⁶. Описание фейерверка было составлено профессором АН Г.Ф.В.Юнкером и также напечатано отдельным изданием с приложением изданной к празднику гравюры.

Театр фейерверка был сделан очень интересно и оригинально. На Стрелке Васильевского острова соорудили сцену, которая воспроизводила “неприступную” турецкую оборонную линию ворот в Крым – Перекопа. Организацией и устройством этого фейерверка руководил профессор АН Я.Я. Штелин, признанный мастер экстра-класса в области устройства и разработки идеи фейерверков и иллюминаций. В своих записках Штелин отметил, что все было сделано столь искусно, что герой победы, Б.-Х.Миних, со слов Штелина, сказал об этом фейерверке императрице: “Невозможно представить себе ничего более естественного. Ему показалось, будто он только что стоял перед Перекопом”⁷.

В центре представления было изображение знаменитых Перекопских ворот, запиравших всякому вход в Крым. Но поскольку впервые, как подчеркивалось в описании фейерверка, Перекоп был взят и русские вошли в Крым, то на зубцах ворот развевалось победоносное российское знамя. Надпись под сюжетом гласила: “Сокрушение неприятельских врат”.

Главный транспарант фейерверка представлял здание победы, сооруженное из трофейных турецких и татарских орудий, над которым был портрет императрицы с подписью: “Анна Великая”, т.е. тем самым императрица сравнивалась по своим делам и заслугам со своим великим дядей. Внизу композиции были помещены турецкие и татарские пленники, а все изображение обрамляла надпись, посвященная правительнице: “К защите веры и Отечества Богом дарованная”. Правый план представлял кузницу бога огня Вулкана, в которой производились оружие и амуниция, что должно было означать подготовку Анны Иоанновны к дальнейшему продолжению войны с целью ее победоносного завершения. Левый же план изображал бомбардировку турецкой крепости с подписью: “К усмирению врагов”. Таким образом для зрительской аудитории наглядно и красочно представили то, что происходило на границе империи и чего добилась русская армия.

Дальнейшее развитие темы русских побед над Турцией нашло продолжение в фейерверке 28 апреля 1737 г.⁸ Сцена была оформлена в виде парадных триумфальных ворот наверху которых заходила луна, что, несомненно, символизировало терпящую поражение Турцию, а Орел, символизировавший Россию, наступал одной лапой на луну, а другой держал сияющий крест – знак торжества истинной веры. Композицию завершала характерная надпись: “Разрушает царство тьмы”. Так современники тех событий воспринимали победы России прямыми: *царство тьмы (Турция) уступает эти земли царству света и истинной веры (России)*.

Не менее интересными и содержательными были и фейерверочные планы. На правом плане был представлен российский государственный орел, парящий над горизонтом, а внизу были изображены устье Дона с крепостью Азов, двумя каланчами, преграждавшими путь к устью, и крепость Лютик. Орел держал в одной лапе большой ключ, а в другой – три поменьше. Подпись гласила: “Полученного не возвращает”. Так пропагандировались взятие Азова и Лютика, выход к устью Дона и выдвигалась программная внешнеполитическая идея о том, что Россия не собирается теперь вновь (как это было после неудачного Прутского похода) возвращать Турции отвоєванные территории.

Левый план развивал сюжетную линию правого. Здесь российский орел парил над устьем Днепра и находящимися там двумя крепостями. В правой лапе орел держал лавровый венец (символ одержанной победы), а в левой – молнии (символ готовности продолжать войну с врагом). Подпись гласила: “Побеждает все препятствия”. То есть давалась установка на будущие действия: несмотря на все препятствия, которые возникали и могут возникнуть в будущем в ходе закрепления за Россией этих территорий, она со всеми справится и выйдет победительницей.

И, наконец, левый план изображал российского орла над картой Крыма и Черного моря. В правой лапе орел держал пальмовую ветвь (готовность в будущем заключить мир), а в левой – государственный меч с надписью на нем: “Дает, а не принимает законы”. Главный план являлся отражением позиции России относительно будущего

мира, а надпись на мече демонстрировала лидирующую роль Российской империи в этой войне и ее вытекающее отсюда право самой диктовать условия мирного договора с противником.

Рассмотрим и другие варианты девизов и композиций этого фейерверка, не вошедшие в окончательный проект⁹. Так, в проекте от 10 ноября 1736 г. предполагалось изобразить императорскую корону на пальмовом дереве с надписью: “Безопаснейшее успокоение” или “Покой безопасный”. Тут же давалось и исчерпывающее объяснение: “Понеже пальмы... почитаются за знак одержанных победы, то изъявляет сие, что Российская империя, по претерпении случившихся прежде столь частых неприятельских нападений, к безопасному покою иначе прийти не могла, как чрез одержанные победы”.

Далее было представлено Христианское Благодетельство, у ног которого лежало Преступление клятвы с надписью: “Бог защитил справедливость”. Тем самым демонстрировалось, что Россия проводит миролюбивую политику и была вынуждена ввязаться в войну “за учиненное... толь частое нарушение мира по всем божественным и светским правам”. Бог же с Россией и за Россией – высшая правда, поэтому-то она и побеждает неверных.

Сюжет с Христианским Благодетельством был продолжен в проекте от 4 декабря 1736 г.¹⁰, в нем Христианское Благодетельство возлагает на Российскую империю муаровую корону, которая давалась в Древнем Риме за особые заслуги – взятие сильнейших крепостей. Турецкий Азов и был такой крепостью.

Очень интересен и другой сюжет: орел разрывает цепи невольникам. Подпись: “Сия была причина войны”. Так демонстрировалось освобождение Россией своих соотечественников от турецко-татарского ига, при этом в объяснении подчеркивалось, что до начала войны Россия пыталась разрешить конфликт миром и, лишь поскольку “все неприятелю предложенные дружелюбные слова были недействительны”, “принуждена была... своих в бедственный плен и неволю отведенных подданных... силою свободить”.

В не вошедшем в окончательный вариант проекте было и изображение города Азова с русским гербом и вариантами надписей: “Сие есть воздаяние моего праведного оружия”, “Воздаяние праведного оружия”, “Сей плод победы”. То есть еще раз подчеркивалось, что Россия ведет правую, праведную войну и Азов принадлежит ей по праву.

Наконец 8 марта 1737 г. был представлен очень интересный проект изображений к фейерверку на день коронации императрицы (28 апреля)¹¹. Он состоял из одного плана и изображал стол, на котором лежат корона Российской империи, скипетр и меч. По сторонам стола стоят Правосудие и Паллада, принимающие от стоящих на коленях в смиренных позах турецких и татарских невольников драгоценности для украшения российской короны с подписью: “По всякое лето умножается”. Хотя война не была еще закончена, но сюжет ясно демонстрировал уверенность в том, что Россия выиграет эту войну, а туркам с татарами придется именно так смиренно и униженно просить принять дары.

В этом же проекте был и несколько измененный вариант этого сюжета. Здесь уже были три плана. Главный из них изображал Палладу и Правосудие, украшающих российскую корону драгоценными камнями. Подпись гласила: “Блестит всегда новым светом (сиянием)”. Боковые планы представляли следующее. В одном скованный татарин, стоящий на коленях, возлагает к короне Российской империи из чалмы драгоценные камни с подписью: “Дары приносит от Востока”. Другой боковой план изображал стоящего на коленях скованного турка, подающего в чалме два ключа и несколько пальмовых ветвей с подписью: “Отдают должное”. Как вариант предполагалось вынести фигуры Паллады и Правосудия на боковые планы, которые бы принимали дары от плененных турка и татарина. Подпись под планом с Правосудием должна была бы тогда быть: “Побеждающее правосудие” (“Правосудие побеждает”).

Тем самым показывалось стремление уже и Турции завершить губительную для нее войну (пальмовая ветвь), а под ключами следует понимать крепости Азов и Лютик. Надпись же “Отдают должное” можно интерпретировать так: Турция отдает России то, что захватила, но должна возвратить. Именно потому, что Россия права и возвращает себе только причитающееся ей по праву, в сюжете и была представлена фигура Правосудия с очень символической подписью: “Правосудие побеждает”.

Фейерверк 28 января 1738 г. продолжал развитие темы войны с Турцией¹². Сюжет был посвящен взятой Мичником 2 июля 1737 г. очень мощной турецкой крепости Очаков. Вначале была представлена осада этой крепости, на башнях и болверках которой находятся турецкие полумесяцы. Затем великолепно разыграна сцена взятия крепости, и на ее башнях и стенах засияли христианские кресты. Не помогла туркам и попытка отбить Очаков у русских. От света истинной веры, как говорилось в описании, “бежит во ужасе и смятении турецкое войско, оставя много побитых людей, так же пушки и палатки”. Так ярко и красочно перед аудиторией проводился феерический огненный спектакль, посвященный славной российской победе.

Новый фейерверк 28 апреля 1738 г. продолжал сюжетную линию предыдущих, прославляя императрицу, победы России, и ставил вопросы о будущем мирном устройстве двух держав¹³. Композиция представляла огромный открытый шатер, в центре шатра на столе лежала в сиянии корона Российской империи, а по бокам помещены турецкие трофеи. Затем был представлен победоносныйobelisk, по сторонам которого изображены смиренные турок и татарин, а на самомobeliske вензель императрицы. Подпись к этому изображению (“В смиреннии победительницу свою почитают”) говорила о том, что разгромленные противники вынуждены смиренно просить мира на тех условиях, которые укажет Россия.

На создание этого сюжета, несомненно, повлияла эйфория от первых крупных побед над турками, от того, что русские в первый раз взяли неприступный Перекоп и вторглись в Крым. На самом деле война была еще не закончена, и русской армии предстояли дальнейшие сражения с весьма сильным противником, далеко не исчерпавшим свои резервы. Так что в данном фейерверке имеет место приукрашивание реального положения вещей.

Новогодний фейерверк 1739 г. представил актуальный, но довольно простой для восприятия сюжет: в храме Януса меч и масличная ветвь¹⁴. Фейерверк был создан вновь профессором АН Христианом Гольдбахом и также издан отдельной брошюрой с гравюрой. По сути это была очередная вариация на тему войны и мира, известная еще с петровских времен, когда впервые начинает использоваться подобная древнеримская аллегория.

Сохранившийся проект последнего новогоднего фейерверка в царствование Анны Иоанновны был посвящен готовящемуся миру России и Турции¹⁵. Поэтому в сюжете была представлена Российская слава с лавровым венцом на голове в римской одежде, которая одной рукой держит отнятые у неприятеля штандарты, а другой запирает двери храма Януса (что, по римской традиции, означало окончание войны). Далее, по ходу действия представления, зритель мог увидеть Храм воинской славы и Столб чести, украшенные победоносными знаками. Так прославлялась выигранная война с сильнейшим противником.

Главный день торжеств по случаю долгожданного мира России и Турции пришелся на 17 февраля 1740 г.¹⁶ Во время праздников, проходивших в столице 14–17 февраля 1740 г., все обывательские дома должны были быть иллюминированы: “и в самых подлых дворах ни на одном окне меньше десяти свеч зажечь не можно было”¹⁷.

Этому радостному событию был посвящен фейерверк, весь проникнутый символикой мира. Фон фейерверочного театра был в виде аллеи из пальмовых деревьев, в начале которой находились с каждой стороны триумфальные арки, а в перспективе – храм со стоящей перед ним богиней мира. Основной сюжет представлял большой храм, в левой части которого орел уничтожал всякий раздор, злобу и ненависть. Подпись гласила: “Силою оружия сокрушено”; в правой части помещена была богиня с рогом изобилия, атрибутами наук и торговли и надписью: “Мир восстановлен”. Тем самым показывалось, что заключенный мир будет способствовать процветанию и развитию двух стран. И, наконец, в центре, была богиня Минерва с надписью: “Безопасность империи возвращена”. Так демонстрировалось, что, победив Турцию, Россия обезопасила свои южные рубежи от воинственного соседа.

***

Аннинское время продолжило петровскую традицию воспитания зрителем. Правда, ее основными зрителями были петербуржцы, ведь все рассмотренные фейерверки происходили именно там. Но не только. Провинция тоже сохраняла традицию отмечать праздничными фейерверками победы над врагами. Конечно, по размаху и значению сравниться со столичными они не могли, да и сведений о них почти не осталось, если только случайно они не попали в записки очевидцев. Далеко от Петербурга, в Глухове, 6 марта 1740 г. в честь мира России и Порты знатнейшие дома в городе были иллюминированы, а прочие украшены сосновыми ветками¹⁸. А известен этот факт стал благодаря строчке в записках Якова Марковича, малороссийского подскарбия.

¹⁴Ровинский Д.А. Обзор иконописания в России до конца XVII в. Описание фейерверков и иллюминаций. СПб., 1903. С. 208.

¹⁵Там же. С. 211.

¹⁶Там же. С. 214–215; Гольдбах Х. Изображение одного фейерверка, который в торжественный день коронации ее императорского величества императрицы Анны Иоанновны самодержицы Всероссийской 28 апреля 1736 года пред палатами ее императорского величества в Санктпетербурге представлен. СПб., 1736.

¹⁷Материалы для истории императорской Академии наук. Т. 3. СПб., 1886. С. 51–52.

¹⁸Ровинский Д.А. Указ. соч. С. 215.

¹⁹Там же. С. 215–216; *Материалы...* Т. 3. С. 321–329; Юнкер Г.Ф.В. Краткое изъяснение одного фейерверка и иллюминации, которые 28 генваря 1737 года, то есть в высокий день рождения императрицы Анны Иоанновны пред императорскими палатами в Санктпетербурге представлены были. СПб., 1737.

²⁰Штелин Я.Я. Краткая история искусства фейерверков в России // *Записки Якова Штелина об изящных искусствах в России*. Т. 1. М., 1990. С. 245.

²¹Ровинский Д.А. Указ. соч. С. 216–217.

²²Материалы... Т. 3. С. 221–222.

²³Там же. С. 286.

²⁴Там же. С. 352–354.

²⁵Там же. С. 597–605; *Ровинский Д.А. Указ. соч.* С. 218–219.

²⁶Ровинский Д.А. Указ. соч. С. 219–220.

²⁷Там же. С. 220–221; Гольдбах Х. Описание фейерверка который 1 дня генваря 1739 года пред палатами Ее Императорского Величества в Санктпетербурге зажжен был. СПб., 1739. С. 1.

²⁸Материалы... Т. 4. С. 250–251.

²⁹Ровинский Д.А. Указ. соч. С. 223.

³⁰Примечания на Ведомости. 1740. Ч. 31–32. С. 125.

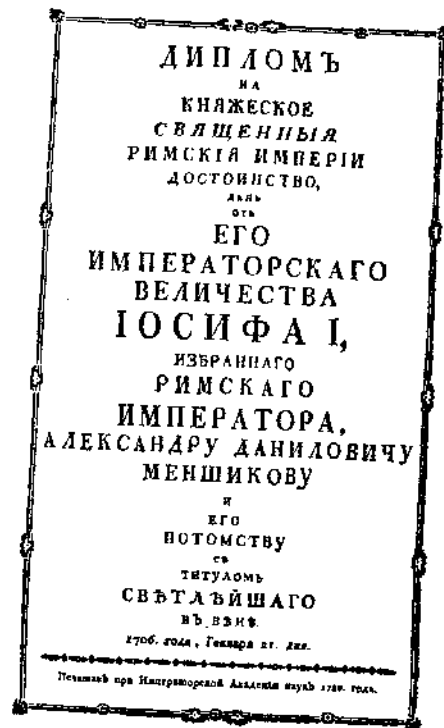
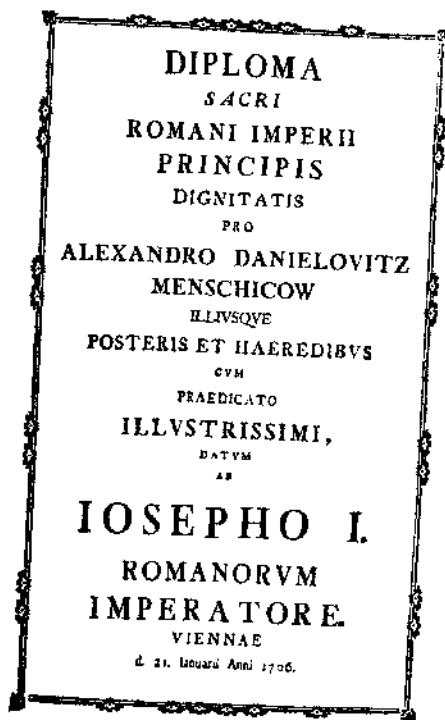
³¹Дневниковые записки малороссийского подскарбия генерального Якова Марковича. Ч. 2. М., 1859. С. 108.

ДВОРЯНСКИЕ ДИПЛОМЫ И ГЕРБЫ АЛЕКСАНДРА МЕНШИКОВА

В петровскую эпоху началось пожалование дворянского достоинства, титулов и гербов представителям русских дворянских родов и «новой знати». По словам воспитателя царевича Алексея немецкого барона Г. фон Гюйсена, царь желал «установить придворные церемонии для послов, князей, графов, дворян и кавалеров орденов, которые он хочет утвердить по примеру других государей»¹. Одним из первых графский, а затем и княжеский титул получил ближайший сподвижник Петра I – Александр Данилович Меншиков.

По данным опубликованной в XIX в. анонимной биографии Меншикова² и исследователя его жизни и деятельности Д.Н. Бантыш-Каменского³ поручик бомбардирской роты гвардии Преображенского полка Александр Данилович Меншиков уже в 1702 г. был возведен в достоинство графа Священной Римской империи германской нации. Ходатаем перед императором Леопольдом I был русский посол в Вене князь П.А. Голицын, выполнявший поручения каштеля Ф.А. Головина, который обещал послу и материальное вознаграждение при выполнении поручения: «А от него тебе заплата будет добрая, что и сам сможешь разсудить. И другим бы было во угождении»⁴. «Другие» – это, конечно, царь, без ведома которого такое ходатайство, мотивированное происхождением и заслугами кандидата, было бы невозможно. Подробности события и текст графского диплома неизвестны. А.С. Пушкин записал в «Истории Петра I»: «Леопольд, как любимца государева, уже пожаловал его (когда?) графом Римской империи»⁵. Если судить по письму Голицына от 6 февраля 1703 г., адресованному из Вены Головину, то оформление принятого ранее решения состоялось лишь в первой половине 1703 г.: «Давно было мое намерение Александра Даниловича учинить графом Венгерским, на что и цесарское величество соизволил. Только два раза писал я к брату Борису Алексеичу (Голицыну. – Авт.), если бы то ему угодно было, тотчас прислал бы, а ныне, по вашему повелению, немедленно исполню»⁶.

Показателем определенного уровня развития дворянского сословия стало появление гербов. Русские дворяне стихийно стали употреблять их уже в XVII в. Как позднее будет написано в «Общем Гербовнике дворянских родов Всероссийской Империи», созданном по указанию императора Павла I и сопровождаемом подписанным им предисловием: «Каждый дворянин вменял себе за славу и честь быть Рыцарем и получить знаки и украшения Рыцарства. Щиты Рыцарские украшаемы были гербами их родов?»

Титульный лист А.Д. Меншикова на княжеское достоинство (ВИМАИВ и ВС. Инв. 19/3275)

С начала XVIII в. гербы были включены в сферу государственного регулирования как знак сословной принадлежности, воспринявшей западноевропейские формы. Графский герб Меншикова также неизвестен, но он определенно существовал, так как был вырезан на гакаборте⁸ его личной шляпы⁹ и вызолочен. Об этом свидетельствует адресованное графу Священной Римской империи А.Д. Меншикову письмо коменданта Олоненцкой верфи И.Я. Яковлева от 20 июня 1705 г.: «Шлява... совсем готова и на гакаборте герб Вашей особы вырезан и вызолочен»¹⁰.

Как сообщает Д.Н. Бантыш-Каменский, в 1703 г. в Вену был отправлен генерал-поручик Розен для исходатайствования Меншикову титула князя Священной Римской империи. Австрийским министрам обещано 10 тысяч гульденов за хлопоты. Однако успеха эта миссия не достигла. Поставленную задачу смог решить более искусный дипломат барон Генрих фон Гюйссен (Гизен)¹¹. 13 апреля 1705 г. в Санкт-Петербурге было получено известие о решении императора Иосифа I (вступившего на престол после смерти своего отца Леопольда I 5 мая 1705 г.) пожаловать графу Меншикову искомый княжеский титул.

Историк Н.Г. Устрялов указал, что слова князя Петра Долгорукова, автора «Российской Родословной книги»¹², что «Леопольд I 30 января 1705 г. возвел Меншикова в достоинство... князя Римской Империи» совершенно неосновательны¹³.

Княжеский диплом был подписан Иосифом I 21 января 1706 г., но отослан в Россию только осенью того же года – после блестящей победы Меншикова при Калише (западнее Варшавы). Об этом рассказывает анонимная биография Меншикова 1726 г.¹⁴, составленная, вероятно, Г. фон Гюйссеном. Меншиков получил диплом в местечке Жолква и сообщил об этом в письме П.П. Шафирову: «Диплом мой собственной рукой его цесарского величества подписан, и при том канцлер и тайный секретарь закрепили, какого диплому еще никому не давано»¹⁵.

Пушкин указывает на возможную политическую подоплеку этого награждения – как знак благодарности императора Иосифа I за лояльность по отношению к Австрии¹⁶. Подлинный диплом на латинском языке и его перевод хранятся в Российском государственном архиве древних актов. Текст диплома с параллельным переводом был напечатан в 1780 г. при Императорской Академии наук и находится в собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи в Санкт-Петербурге¹⁷.

Текст титульного листа диплома гласит: «Диплом на княжеское Римской империи достоинство дан от Его Императорского Величества Иосифа I, избранного римского императора, Александру Даниловичу Меншикову и его потомству с титулом светлейшего в Вене. 1706 года генваря 21 дня».

Пожалование императором русскому подданному титула «illustrissimi» – «светлейший», принятого при дворе Священной Римской империи, объясняет его появление в России. Петр не мог наградить своего «сердечного друга» менее значимым титулом, и Меншиков, как будет записано годом спустя в его российской жалованной грамоте, был «пожалован, почтен и именован титулом Римского и Российского государства князя, с приложением светлейшего». Титул «иллюстрий» – «сиятельный» являлся высшим гражданским титулом поздней Римской и ранней Византийской империй. «Светлейший» – превосходная степень от «сиятельный» по традиции давался высшим придворным чинам и высшему дворянству в землях Священной Римской империи – номинальной преемницы древнеримской империи¹⁸.

В тексте диплома имеется подробное описание княжеского герба, а в подлиннике диплома – и его изображение. При создании герба был частично использован графский герб Меншикова. Об этом свидетельствует текст диплома: «Герб твой родовой частью благосклонно подтвердили, частью умножили и вновь прибавили...». По мнению П.Н. Петрова, автора «Истории родов русского дворянства»: «Мы не сделаем грубой ошибки, если сочинение герба Меншикова припишем императорским ученым и именно в то время, когда император Леопольд I возводил любимца русского монарха в княжеское достоинство священной по титулу, но дряхлевшей уже римско-немецкой империи»¹⁹.

В следующем 1707 г. празднование дня рождения царя (30 мая) было отложено на два дня, и июня, в день Св. Пятидесятницы, во время праздничного обеда царь пожаловал Меншикова «за многие его верные... службы и полученную под Калишем против неприятеля победу Российского государства в князи Ижерские земли и изволил его величество на то ему жалованную грамоту за своею высокомонаршею рукою и государственной печатью отдать»²⁰. Сохранились любопытные подробности этого события. Грамота находилась в золотом ковчеге, на изготовление которого

Герб А.Д. Меншикова на стволе 6-фн. пушки (ВИМАИВ и ВС. Инв. № 10/170)

Герб А.Д. Меншикова. Гравюра из книги «Ляврея или венец безсмертныя славы...» А.Ф. Зубова. 1714 г.

потребовалось «110 золотых червонных, да за дело золотарю 1 золотых червонных да ефимок, да подмастерьям, которые для скорости одного ковчега помогали, 8 рублей, малярю, который писал в той жалованной грамоте великого государя персону и княжие гербы, на золото и серебро твореное и краска 4 рубля. Всего к той жалованной грамоте израсходовано 121 золотой червонный, 40 ефимков, да денег 56 рублей 5 алтына 2 деньги, от расходу из Посольской Походной канцелярии»²¹.

Автор текста грамоты неизвестен. Первоначально подобные грамоты сочинялись в Посольском приказе, затем в Коллегии иностранных дел, а после учреждения Петром I в 1722 г. должности герольдмейстера ему было вменено составление новых гербов. За основу текста грамоты был, естественно, принят текст венского диплома. В ней было цветное изображение нового княжеского герба. В монографии О.И. Хоруженко содержатся исчерпывающие библиографические сведения о публикациях текста грамоты и ссылках на нее в литературе²². Подлинная грамота, к сожалению, утрачена, и нами использован ее текст, приведенный в «письмах и бумагах императора Петра Великого» в соответствии с публикацией И.И. Голикова 1788 г. Сопоставление текстов императорского диплома и российской грамоты показало, что они достаточно близки.

«Диплом» Иосифа I	«Грамота» Петра I
<p>Диплом на княжеское достоинство, подписанный Иосифом I, гласит: «Дабы ты, Александр Данилович Меншиков, наш Священной Римской империи князь, имел особливый знак Цесарского нашего к тебе благоволения и милости, то мы тою же нашею полною властью тебе и детям, и наследникам, и законным потомкам твоим обоего пола, герб твой родовой частью благосклонно подтвердили, частью умножили и вновь прибавили, и следующий герб с сего времени навсегда тебе и потомству твоему употреблять позволяем и повелеваем. А именно: щит четверочастный, с которого первое поле верхнее серебряное представляет вставшего льва, совсем красного, выставившего язык, и хвост вверх поднявшего, держащего в правой лапе две черные трости, на крест положенные, по концам позолоченные, в знак пожалованного тебе генеральского достоинства; второе поле верхнее синее содержит герб Великого княжества Литовского, пременными красками изображенный в знак, что оная провинция есть отчина твоя; правое нижнее поле являет корабль золотой оснащенный и плавающий, в знак морского твоего достоинства при самодержавном царе московском; четвертое, или левое нижнее поле, показывает военные победоносные знаки, в память, что оный царь тебя, многими войнами и победами прославившегося, учинил полномочным начальником своим; щит средний золотой раздвоенный, разделивший надвое герб, Священной Римския империи и Королевства Польского, с находящимися между голов обоих орлов короною московскою, со вложенным в грудной щит коронованным сердцем, родовым фамилии твоей гербом, изображает память твоих услуг как нам, так и</p>	<p>Грамота также содержит подробное описание княжеского герба: «...Нашею самодержавною властью ему и детям его законным обоего роду гербы их родовые и в цесарском дипломе изображенные отчасти умножили, отчасти же и вновь соизволили и последующим образом вечно впредь употреблять и иметь повелеваем и жалуем, то есть: щит четверочастный, которого первое полце верхнее серебряное, лва поднятого, весьма красного, (с) языком выставленным и хвостом, вверх потрясаемым, держащего лапою две черные трости, накрест положенные, по концам позлащенные, содержащее, генеральства достоинство его пожалованное знаменующие да являют; второе полце верхнее синее герб великого княжества Литовского пременными красками да содержит, ко объявлению той же провинции, что оная есть отчина его; правое полце нижнее, также синее, златой корабль оснащенный и плавающий, да являет знамение морского его у нас достоинства; четвертое, или левое нижнее, полце златое, победы военные являющее, да знаменует, что мы, великий государь, наше царское величество, его за многие полученные победы с крайнею властью над войском нашим конным начальствующа поставили, щитцем средним раздвоенным златым раздвоя гербы Римского империя и царства Российского, положили между обоих орлов главами корону нашу Всероссийскую и вложив грудному щитцу сердце коронованное, родовой его фамилии герб, верных его служб, нашему царскому величеству и королевству Польскому, с нами в союзе обретающемуся, поныне учиненных, память и впредь учинитися имущих сердца готовность знаменуется, над всем гербом да стоят пять шлемов ре-</p>

самодержавному царю и королю Польскому доселе оказанных, и ревность твою к оказанию оных впредь; над всем гербом находятся пять шлемов решетчатых и коронованных, кроме среднего, который покрыт княжескою шапкою; из сего выходят, раздвоенные прежде средним щитом гербы Империи и королевства Польского; близ сего находящийся с правой стороны представляет собой сердце – природный герб. С левой стороны лев в щите изображенный; первый шлем с правой стороны представляет замок, главнейший Ижерскаго княжества герб, с тройною башнею и тремя распушенными знаменами, из которых среднее красное, а по сторонам находящиеся серебряный или белый; пятый или последний левый шлем представляет собой герб Корельской провинции, которой ты губернатор, равномерно как и Ижерский. По сторонам герб держат два солдата, по-немецки одетые с мушкетами, верхнее платье синее, а прочее красное, в шляпах строфокамиловыми (*страусиными*. – Авт.) перьями убранных, отвороты (если надобно будет) с правой стороны серебряные и красные, с левой стороны золотые и синие; щит обведен цепью ордена святого Андрея; на камнях оной подписано по российски: За веру и верность; твоя же надпись: Под предводительством добродетели и под препровождением счастья; как все живописцева рука удобнее видеть способствует»²³.

шпечатых и венчаных, кроме среднего, который княжескою шапкою да покрывается, и из оного да востают крутом раздвоенные прежде средним щитом значенныя Всероссийския, цесарства Римского и Польския гербы, подле оного суций шлем справа сердце, фомилии его герб, да носит и над оным слева лев, в щите изображенный, да стоит, первый шлем справа первенственный Ижерскаго княжения герб, замок с трехобразными башнями и тремя распушенными знаменами, из которых среднее знамя красное, правое и левое серебряное, или белое, да держит, с шапкою княжею, знаменующи княжения того достоинство, ему от нас всемилоостивейше данное, пятый, или последний, шлем левый другой герб провинциями врученную ему от нашего величества власть губернаторскую, держатели того герба да будут два солдата, по немецки убранные, с мушкетами, платье верхнее на правой стороне темнозеленое во знак нашей гвардии, на левой же синее, прочее красное, шляпы сверх того перьями страусовыми украшенные, отвороты да будут справа красные, с левой руки золотые и синие, около щита да будет обведена цепь кавалерии нашей Всероссийской чина святого апостола Андрея и на камнях ея надпись языком Российским вырезана да будет: За веру и верность, а его надпись: За наставление разума споможением счастья, якоже сия живописцева рука цветами своими разделенны явнее смотрети подаст»²⁴.

На центральном щитке и над одним из рыцарских шлемов на обоих гербах изображено коронованное сердце – «родовой его фамилии герб, верных его служб... память и... имущих сердца готовность знаменуется». Эта эмблема, возможно, присутствовала и в графском гербе. Изображения коронованного или горящего сердца имеются на керамических бело-синих плитках, украшающих интерьеры дворца Меншикова на Васильевском острове. Эта единственная в русском гербовнике эмблема подобного рода означала преданность «сердечного друга» своему сюзерену, его мыслям и делам. Она отражала отношения между Петром I и Меншиковым, сложившиеся еще в юности, когда царь называл его «Herzenkind» – «дитя сердца», а Меншиков подписывал письма своему коронованному другу – «от всего моего верного сердца»²⁵. Позже золотым пылающим сердцем и парящей над ним короной были украшены знамена пехотного и драгунского Санкт-Петербургских полков.

По мнению П.Н. Петрова, солдаты-щитодержатели герба одеты в форму реальных полков: «Преображенского, в котором начал службу князь с солдата» и «Ингерманландского, сформированного Меншиковым в бытность генерал-губернатором Ингрии». Он также отметил: «Ученые герольды не без удивления, конечно, найдут в гербе Меншикова редкое совмещение эмблематических изображений, намекающих почти на все стороны государственной деятельности. Но такая универсальность, говорящая все-таки в пользу высоких, бесспорно, способностей этого замечательного простоподина, составляла его характеристическое отличие от других любимцев великого Петра. Те действовали каждый в одной исключительно среде специальной службы, а «герценскинд Алексаха», вполне и всюду следуя за своим державным патроном, брал поручения всякого рода и посылался государем всюду, где лично самому Петру быть невозможно было, между тем как дела требовали неотложного его действия»²⁶.

Известно несколько изображений княжеского герба. Сопоставление их между собой и с описанием в тексте диплома и грамоты привело к неожиданному выводу: ни одно из изображений не соответствует в полной мере текстуальному описанию.

Первое упоминание о княжеском гербе относится к 1706 г., то есть к гербу, утвержденному императорским дипломом. За победу при Калише восхищенный Петр наградил Меншикова тростью (по мнению историков Д.Н. Бантыш-Каменского и Н.Г. Устрялова, – железом военачальника), украшенной драгоценными камнями: «...сверху изумруд, по сторонам символы победе его приличные, и герб Меншикова финифтью». Стоила эта трость, как указано в подробном счете, 3064 рубля, 16 алтын и 4 деньги²⁷. Она была описана и отобрана у Меншикова вместе с другими драгоценностями в 1728 г. в Ораниенбурге (Раненбурге). В описи конфискованного имущества значит-

ся: «трость, набалдашник золотой весь осыпан алмазами, а между алмазами 3 места финифтных, на верху набалдашника большой изумруд зеленый, внизу набалдашника, где лента вдевается, два колечка маленькие алмазные, наконешник золотой при том кольцо с алмазами, одного алмаза нет»²⁸. Дальнейшая судьба трости неизвестна.

В 1707 г. гравер П. Пикарт выполнил гравюру «А.Д. Меншиков на фоне сражения при Калише», где изображен князь на коне и оруженосец, держащий щит с гербом – теперь уже Римского и Российского князя²⁹.

В Петербурге по заказу Меншикова поэтом и переводчиком, типографским служителем И. Кременецким была написана и издана книга «Ляврея или венец безсмертных славы», для которой гравер А.Ф. Зубов выполнил гравюру с четким и детальным изображением герба³⁰.

Сохранился стеклянный кубок Меншикова, изготовленный на его стекольном заводе в Ямбурге, с аналогичным гравированным изображением герба и надписью «Виват князь Александр Данилович»³¹.

В Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи хранятся две бронзовые пушки, казенные части которых украшены литыми гербами Меншикова. На одной из них (3-фунтовой) – герб с цепью ордена Св. Андрея Первозванного и надписью на ней: «За веру и верность». На второй (6-фунтовой), отлитой в 1709 г., кроме герба имеется любопытная надпись, свидетельствующая об уважении царствующих особ к памяти А.Д. Меншикова: «Государем императором Николаем Павловичем пушка, принадлежащая князю Александру Даниловичу Меншикову, всемилоостивейше возвращена князю Александру Сергеевичу Меншикову (правнуку. – Авт.) в бытность его величества на императорских адмиралтейских заводах в селе Касляне апреля в 26 день 1835 г.»³².

«Официальное» цветное изображение герба появилось только в рукописном Общем Гербовнике дворянских родов Всероссийской империи. Его гравированное изображение помещено в изданном в конце XVIII в. Общем Гербовнике³³. Это изображение использовано и в других изданиях³⁴.

Еще Н.Г. Устрялов обратил внимание на расхождение описания герба в грамоте с его описанием в Гербовнике. Герб князя дважды «умножен» – сначала по отношению к графскому, а затем по отношению к Римскому гербу. Важнейшее дополнение – «цепь ковалерии нашей Всероссийской чина святого апостала Андрея и на камениях ея надпись языком Российским вырезана да будет: За веру и верность»³⁵. По неизвестным причинам изображение цепи в Гербовнике отсутствует. Возможно это объясняется тем, что императорским указом Петра II светлейший князь был лишен своих кавалерий, в том числе и Ордена Св. Андрея Первозванного.

Добавим к сказанному еще два отличия. Еще в биографии Меншикова 1726 г. было указано, что «римский император, в княжеском дипломе, данном его светлости, не без основания прибавил девиз: “Virtute duce, comite fortuna” (“Под руководством храбрости, в сопровождении счастья”)

В латинском тексте диплома девиз тот же, но в русском переводе он звучит как “Под предводительством добродетели и под препровождением щастия». В тексте же грамоты смысл девиза стал вообще малопонятным: «За наставление разума споможением счастья». Ходатай князя барон Гюйссен, находясь в Вене, возможно, подсказал текст девиза составителям герба и диплома. В любом из них его перевод наиболее близок к подлинному смыслу (возможны и более краткие варианты – «Ведомый храбростью, сопровождаемый счастьем» или «Доблесть – предводительница, счастье – спутник»). Изображение девиза в Гербовнике также отсутствует. Наконец, герб изображен на фоне горностаевой мантии, о которой в текстах нет ни слова.

На упомянутой гравюре Пикарта, кубке и пушках изображение орденой цепи имеется, но девиза также нет, хотя известно, что княжеский герб с девизом украшал фасад главного дворца Меншикова на Васильевском острове в Санкт-Петербурге. Он был укреплен под балконом и «под оным золотом надпись на латыни»³⁶. Кроме того, сами гербы изображены с нарушением геральдического правила, согласно которому стороны герба (правая и левая) в его описании должны пониматься с точки зрения рыцаря – носителя щита с изображенным на нем гербом, т.е. обратной точки зрения наблюдателя. В результате изображения крайних гербов – Ижорского княжества (замок с тремя башнями) и провинции Карельской и Эстляндской (рука с мечом) поменялись местами, в то время как на гербе в Гербовнике они изображены геральдически правильно.

Единственное в своем роде изображение герба имеется в «Историческом атласе» Н. Гевелия и Э. Шателена, опубликованном на французском языке в Амстердаме в 1714 г.³⁷ В нем также допущена геральдическая ошибка, но зато только на нем имеется и орденой цепь, и девиз на латинском языке. Следовательно, это изображение можно считать наиболее полным.

Желание князя украсить своим гербом серебряный сервиз, заказанный и оплаченный им во Франции, не успело осуществиться. В сентябре 1727 г., когда Меншиков с семьей находился на пути в ссылку, одним из решений Верховного Тайного совета было предписано Иностранной коллегии послать рескрипт «к послу князю Курякину о сервизе серебряном, который князь Меншиков, как из его писем усмотрено, велел во Франции купить и на то 35 500 ефимков перевел, чтоб он, посол, тот сервиз купил, но герба на нем князя Меншикова вырезывать не велел...»³⁸.

История с дипломами и гербом А.Д. Меншикова показательна для бурной эпохи петровских преобразований. «Новая знать», прочно обосновавшаяся у трона и во властных структурах, спешила закрепить свое влияние и внешними символами – пышными гербами, титулами и девизами. В отличие от многих своих современников А.Д. Меншиков честно заслужил в сражениях Северной войны и на государственной службе свой герб и свои многочисленные титулы.

- ¹ Хоруженко О.И. Дворянские дипломы XVIII века в России. М., 1999. С.22–23.
- ² Картина жизни и военных делний российско-императорского генералиссима, князя Александра Даниловича Меншикова, фаворита Петра Великого. Ч.1-III. М., 1803. С.11.
- ³ Бантыш-Каменский Д.Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Ч.1-2. СПб., 1840. С.75 (Репринтное воспроизведение).
- ⁴ Цит. по: Павленко Н.И. Меншиков: Полудержавный властелин. М., 1999. С.57.
- ⁵ Пушкин А.С. История Петра Великого. Подготовительный текст // Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 томах. М., 1977. Т.8. С.86.
- ⁶ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т.4. Ч.1. СПб., 1863. С.213.
- ⁷ Общий Гербовник дворянских родов Всероссийской империи, начатый в 1797-м году. СПб., 1797. Отд.1. С.15 (Репринтное воспроизведение 1991 г.).
- ⁸ Гакаборг (голланд. Hakkebord) – верхняя часть кормы судна, на парусных судах украшался резьбой.
- ⁹ Шнява – небольшое двухмачтовое судно.
- ¹⁰ Влагин С. Материалы к истории русского флота. Балтийский флот. 1702–1725. СПб., Ч.1. Отд. 1. № 103, С.82.
- ¹¹ Бантыш-Каменский Д.Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. С.76
- ¹² Долгоруков П.В. Российская родословная книга. СПб., 1855. Ч.2. С.48.
- ¹³ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. С.214.
- ¹⁴ Заслуги и подвиги его высококняжеской светлости, князя Александра Даниловича Меншикова... (Пер. с нем. рукописи) // Сын Отечества. 1848. Кн.4. С.5.
- ¹⁵ Есипов Г.В. Жизнеописание князя А.Д. Меншикова, по новооткрытым бумагам (Шведская война. 1706-1709 годы) // Русский архив. 1875. № 9. С.48-49.
- ¹⁶ Пушкин А.С. История Петра Великого. С.138.
- ¹⁷ Диплом на княжеское Римской империи достоинство дан от Его Императорского Величества Иосифа I, избранного римского императора, Александру Даниловичу Меншикову... СПб., 1780 (ВИМАИВ и ВС. Nom. 19. № 32/75. Поступил из библиотеки Артиллерийского музея).
- ¹⁸ Дашков С.Б. Императоры Византии. М., 1996. С.335.
- ¹⁹ Петров П.Н. История родов русского дворянства. СПб., 1886. Ч.2. С.34-36 (Репринтное воспроизведение 1991 г.).
- ²⁰ Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т.2. С.165; Хоруженко О.И. Дворянские дипломы. С.24.
- ²¹ Есипов Г.В. Жизнеописание князя А.Д. Меншикова. С.50.
- ²² Хоруженко О.И. Дворянские дипломы. С.173-176.
- ²³ Диплом... С.12-13.
- ²⁴ Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1907. Т.5. № 1779. С.284-290, 703.
- ²⁵ Калязина Н.В., Дорофеева Л.П., Михайлов Г.В. Дворец Меншикова. М., 1986. С.140.
- ²⁶ Петров П.Н. История родов русского дворянства. С.34-36.
- ²⁷ Есипов Г.В. Жизнеописание князя А.Д. Меншикова. С.48.
- ²⁸ Есипов Г.В. Сылка князя А.Д. Меншикова // Отечественные записки. 1861. Т.132. № 3. Приложение. С.14.
- ²⁹ Алексеева М.А. Гравюра Петровского времени. Л., 1990. С.54
- ³⁰ Калязина Н.В., Дорофеева Л.П., Михайлов Г.В. Дворец Меншикова. С.182, 186-187.
- ³¹ Калязина Н.В., Комелова Г.Н. Русское искусство Петровской эпохи. Л., 1990. С.217.
- ³² Каталог материальной части отечественной артиллерии Артиллерийского исторического музея / Под ред. А.А. Бумагина. Л., 1961. С.105 (№ 167), С.122 (№ 210).
- ³³ Общий Гербовник дворянских родов Всероссийской империи. С.16.
- ³⁴ Светлейшие князья Меншиковы и Меншиковы-Корейши // Дворянские роды Российской империи. Т.2 (Князья). М.; СПб., 1995. С.185-189; Меншиков Александр Данилович // Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия. Т.3. М., 2000. С.548-549.
- ³⁵ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. С.216.
- ³⁶ РГВИА. Ф.314. Д.1918. Л.1-4.
- ³⁷ Chatelain H.-A., Gueudeville P. Atlas historique ou nouvelle introduction a l'histoire, a la chronologie et a la geographie ancienne et moderne. Amsterdam, 1714. Vol. 4. Table 35.
- ³⁸ Протоколы, журналы и указы Верховного Тайного совета. 1726-1730 гг. T.IV (Июль-декабрь 1727 г.) / Под ред. Н.Ф. Дубровина // Сборник Русского исторического общества. Т.69. СПб., 1889. С.702.

ВОЕННАЯ ТЕМА В «ЗНАТНЕЙШИХ ПРОСПЕКТАХ» ПЕТЕРБУРГА МИХАИЛА МАХАЕВА

В 1753 г., за три года до начала Семилетней войны, в Петербурге был издан альбом «знатнейших проспектов» столицы. В двенадцати гравюрах, исполненных по рисункам Михаила Ивановича Махаева (1717–1770), запечатлена центральная, парадная часть города на Неве. Художник воспел красоту Петербурга, его архитектуры, «знатнейшие проспекты» являются одним из лучших созданий изобразительной петербургяны за всю ее трехсотлетнюю историю.

Гравюры альбома хорошо известны как произведения городского пейзажного жанра, но значительно меньший интерес вызывали у исследователей искусства показанные в видах горожане. Считается, что включенный в виды небольшого размера стаффаж лишь оживляет пейзаж и дает представление о быте петербуржцев. Но, внимательно изучив стаффаж «проспектов», автор этих строк пришел к выводу, что Махаев в действительности представил широкую и многогранную панораму жизни столицы Российской империи. Альбом 1753 г. можно с полным основанием считать произведением не только пейзажного, но и бытового жанра.

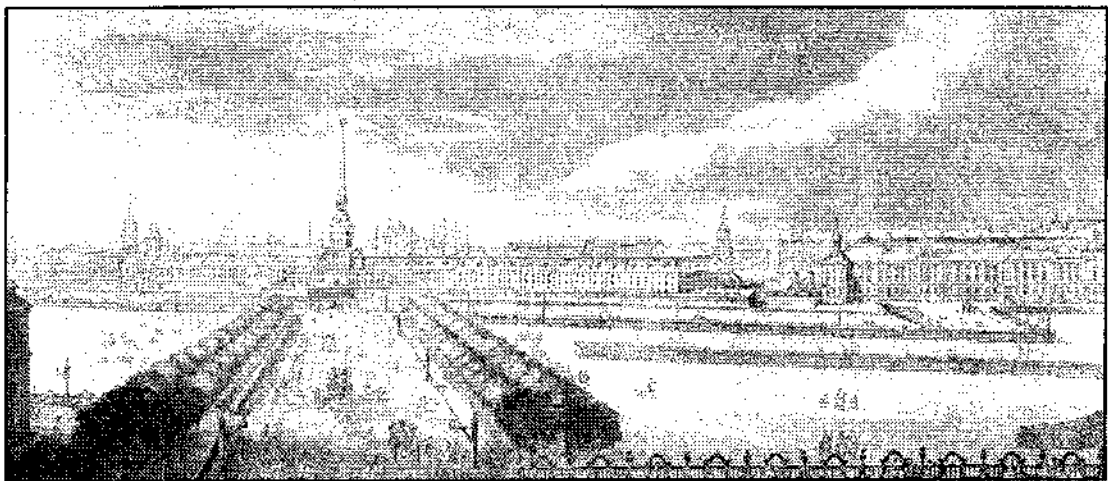
Мы остановимся только на одном из аспектов отраженной Махаевым жизни Петербурга – на военной теме.

Петербург в царствование Елизаветы Петровны обычно характеризуется как город, тон в котором задавали почти ежедневные празднества, фейерверки, балы, театральные представления. Так, генерал-фельдмаршал Бурхард Кристоф Миних, которого Елизавета отправила в ссылку, писал в своих мемуарах, что императрица «любила пышность... а русский двор, вследствие введения при нем французского языка и изящных обычаев, сделался самым блестящим двором в Европе»¹. Но тот же Миних отмечает и другое: «Любила военных, и, благодаря этой склонности, ее войска со славою сражались и побеждали прусския, столь прославленные в то время...»². Петербург был не только резиденцией монархини и местопребыванием двора, но и военной столицей.

Военная тема присутствует в десяти гравюрах махаевского альбома из двенадцати. Изображению военных кораблей на Неве и солдат на улицах города уделено немалое место.

В этом отношении Махаев выступил как продолжатель традиций художников петровской эпохи Алексея Зубова и Питера Пикарта, в ряде гравюр которых запечатлены торжественные празднования в Петербурге победы русского оружия в Северной войне. Эти празднования с парадами кораблей на Неве и шествиями русских воинов и плененных шведов на суше являлись главным сюжетом изображений, городские сооружения занимали подчиненное место. Махаев творчески подошел к наследию предшественников; в его видах главное место занимают прекрасные здания, а город живет обычной мирной жизнью, но в то же время несут свою службу солдаты и матросы и военная служба – неотъемлемая и существенная часть жизни Петербурга.

В четырех видах серии представлена широкая и полноводная Нева с многочисленными судами на ней, служащими для перевозки людей, грузовыми, торговыми и военными.

Фрагмент гравюры М.И. Махаева. «Проспект вверх по Неве реке от Адмиралтейства и Академии Наук к востоку», 1753 г.

В центральной части «Проспекта в верх по Неве реке от Адмиралтейства...» изображен эффектный военный корабль с развевающимися вымпелами, двумя рядами поднятых весел и облаками дыма от пушечных залпов. Приближаясь к императорской резиденции – Зимнему дворцу и к городской цитадели – Петропавловской крепости, корабль салютует им, провозглашая славу Российской державе. На палубе корабля в эту торжественную минуту выстроились матросы. Так мощно корабли не звучали даже в исполненных пафоса гравюрах Алексея Зубова.

За центральным кораблем движется еще один (у правого края листа), тоже с поднятыми веслами и выстроившейся командой. Между двумя кораблями – шлюпка, в которой перевозят отряд солдат; один из них, возвышающийся над остальными, играет на флейте. Военная мелодия сливается с выстрелами орудий.

Служба продолжается и на суше; вдоль западного фасада Зимнего дворца движется военный строй, а на бастионе Адмиралтейской крепости у ряда пушек стоит часовая.

Если этот вид торжествен и несколько суров, то следующий вид Невы – «Проспект в низ по Неве реке...» (от Зимнего дворца) более светлый и спокойный. Однако и в нем продолжается мотив первого листа – на Неве – военные корабли с матросами, сворачивающими паруса; на бастионе Адмиралтейства – часовые; на стапелях Адмиралтейской крепости-верфи строятся фрегаты; военные команды чеканят шаг у Зимнего дворца и вдали, на Исаакиевском мосту.

Этот мост – на первом плане «Проспекта в низ по Неве реке от Невского моста...»; и здесь шествует воинское подразделение с ружьями на плечах, возглавляемое сидящим на коне офицером. Оно движется от Кадетского корпуса, в котором воспитывался будущий герой Семилетней войны П.А. Румянцев. Строй солдат включен хуждожником в длинную вереницу пешеходов, карет и телег на мосту; военный отряд в городе был обычным явлением, так же, как и военные корабли (за мостом).

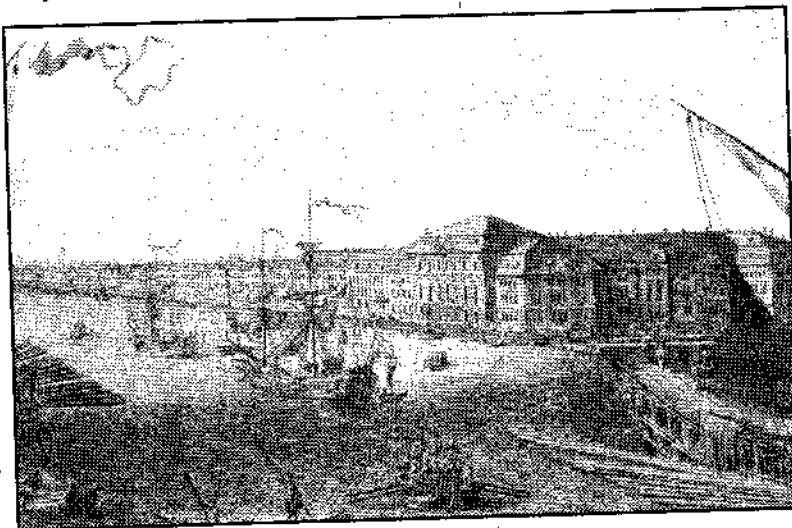
Последний невиский вид – «Проспект в верх по Неве реке...» (от 13 линии Васильевского острова) – вновь умиротворенный; Махаев чередует акценты для избежания однообразия. Здесь нет активной деятельности, но большие государственный и Андреевские флаги на судах напоминают о неустанном несении службы Балтийским флотом.

Если в группе невиских видов ключевым для нашей темы является «Проспект в верх по Неве реке от Адмиралтейства...», то в «сухопутной» группе – «Проспект Адмиралтейства...». Здесь впервые в изобразительной петербургиане показан смотр войск на площади перед Зимним дворцом – сюжет, к которому будут неоднократно обращаться художники последующих эпох. Махаев подробно повествует об этом событии. В центре площади – длинная шеренга солдат в четыре ряда, параллельная Зимнему дворцу и Адмиралтейству. Вдоль нее стоят через равные интервалы унтер-офицеры с пиками и движутся знаменосцы. Перед шеренгой сидит на коне командующий смотром, по сторонам от которого два барабанщика отбивают дробь, а поодаль – три офицера на лошадях. За смотром наблюдают две группы дам и кавалеров; от одной из них к командующему скачет адъютант. Простой народ не допускался на смотры и мог видеть их только из-за оград; там художник поместил четырех простолодинов, указывающих руками на происходящее и обсуждающих увиденное.

За дальней оградой – Зимний дворец, откуда, по всей вероятности, наблюдали за смотром императрица и высшая знать, и Адмиралтейская крепость во всю свою внушительную длину. В этом листе, как и в первом из рассмотренных, «во весь голос» утверждается могущество российской армии.

В следующих листах серии художник решает уже другие задачи, но военная тема не исчезает; солдаты по-прежнему маршируют возле важных объектов – у здания Двенадцати коллегий, Зимнего дворца Петра I, Летнего дворца Елизаветы Петровны; у мостов обязательно стоят часовые.

Таким образом, в альбоме «знатнейших проспектов» военной теме уделяется большое внимание, отражено важное значение военных в жизни елизаветинского Петербурга. Но сами военные, будучи показанными только в функциональном плане, не охарактеризованы. Крошечные фигурки, в основном собранные вместе, представляют собой однообразную массу, в то время как при изображении штатских Махаев проявил немалую изобретательность. Знать и простолодины даны с метко подмеченными характерными позами и жестами, показаны во взаимоотношениях, что позволило художнику осветить ряд социальных моментов.

Фрагмент гравюры М.И. Махаева.
«Проспект Адмиралтейства и около лежащих строений
с частью Невской перспективной дороги в западную сторону».
1753 г.

Видимо, Махаев осознавал изъян, возникающий при неизбежном нивелировании образов матросов и солдат и поэтому в гравюре «Проспект по реке Фонтанке ...», логически завершающей серию, решил улучшить ситуацию.

В этой гравюре на первом плане представлена группа из пяти человек, стоящих в лодке. Такой акцентированной и выделенной размерами группы не встречалось в предыдущих листах. Очевидно, ей придавалось особое значение. Мы полагаем, что художник запечатлел самого себя вместе с сослуживцами при выборе места для зарисовки очередного вида. В таком случае, солдат с ружьем – это тот солдат, который сопровождал рисовальщика Махаева «для ношения инструментов и для отогнания простых людей ...»³. Но в группе солдат занимает центральное место, обращен лицом к зрителю, выше своих спутников, выглядит богатырем по сравнению с ними, твердой рукой держит поставленное рядом ружье со штыком и весь его облик исполнен уверенности и значимости. По-видимому, Махаев решил не столько изобразить конкретного своего помощника, сколько создать образ русского воина – защитника Отечества.

Подтверждением этой версии служит то, что Махаев дважды и с большой тщательностью гравировал портреты (поясной и во весь рост) «первого русского солдата» Сергея Леонтьевича Бухвостова, героя и инвалида Северной войны, лично отмеченного Петром I. Память о Бухвостове, приходившемся Махаеву прадедом⁴, была дорога автору «знатнейших проспектов» и была одной из причин его уважительного отношения к военным. В их изображении (в отличие от штатских) нет сатирических ноток.

Славные победы русских воинов в Семилетней войне были подготовлены их безупречной службой, в том числе службой в Петербурге, запечатленной Михаилом Махаевым.

В послепетровскую эпоху, получившую название «эпохи дворцовых переворотов» (1725–1762), военная тема не получила заметного распространения в русском изобразительном искусстве. Тем более важным представляется выявление и изучение созданного в этой области, в том числе и ранее не рассматривавшихся в данном аспекте «знатнейших проспектов» Петербурга Михаила Махаева.

¹ Записки фельдмаршала Миниха // Русская старина. 1874. Т. 9. № 1-4. С. 100.

² Там же.

³ Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб., 1897. Т. 9. С. 300.

⁴ Малиновский К. В. «Видописец» Петербурга // Ленинградская панорама. 1984. № 12. С. 31.

“ПРАВО ВОЙНЫ” В ПЕРИОД ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ РУССКОЙ АРМИИ 1757–1761 гг.

История “права войны” (сейчас – право международных вооруженных конфликтов) насчитывает тысячелетия. Признавая неизбежность войн, государства стремились ввести их в определенные рамки, взаимно соблюдать определенные правила – какими формальными актами начинается и заканчивается война, порядок сдачи в плен, статус военнопленных и иностранных дезертиров, отношение к мирному населению государства-противника и т. д. До XIX в. “право войны” или “военное право” состояло исключительно из правил – многовековых обычаев. Задача настоящей работы – рассмотреть названные выше правила на примере Семилетней войны.

Данная тема специально не рассматривалась в отечественной историографии, хотя там содержатся разнообразные сведения о законах и обычаях войны, которых придерживались русские вооруженные силы и их противники. Применительно к Семилетней войне некоторые интересные факты приводятся в трудах дореволюционных исследователей (А. Петрушевский, Д. Ф. Масловский, Н. Дубровин)¹ и советских историков (Н. Коробков, К. Осипов, Л. М. Лешинский, Ю. Р. Клокман)², хотя их оценки поведения русских войск на территории Пруссии значительно разнятся. Крупным событием в деле изучения русско-прусской войны 1756–1762 гг. стал выход фундаментального сборника важнейших документов по данной теме³. Отдельные сведения по интересующей нас проблеме содержатся и в ряде других изданий⁴.

Согласно общепринятым издавна нормам международного права сторона, предпринявшая военные действия, должна была в установленной форме объявить об их начале и мотивировать эти действия. Каждое государство – участник вооруженного конфликта стремилось оправдать себя и возложить вину на противника. Аналогично поступила Россия, готовясь к войне с Пруссией и вступив в нее в союзе с Австрией, Францией и Швецией.

Первостепенное значение придавалось обоснованию агрессивности Фридриха II, его роли как зачинщика Семилетней войны, другим грубым нарушениям международного права со стороны Пруссии. В конвенции о возобновлении оборонительного союза с Австрией (22.01.1757), “Манифесте о несправедливых действиях короля Прусского...” (16.08.1757), многостороннем договоре о гарантиях Швеции (5.11.1757), российско-австрийской конвенции (21.03.1760) и др.⁵ Фридрих объявлялся “начинателем войны, угрозой миру», обвинялся в неоправданном нападении на Австрию и Саксонию, “несправедливости и насилиях” на захваченных территориях, несоблюдении международных трактатов и др., “воспалая чрез то вновь пламя несправедлившей войны”⁶.

В свою очередь Россия квалифицировалась как государство, стремящееся только к собственной безопасности, желающее “пребывать со всеми державами, а особливо с соседними, в дружбе и добром согласии”. В “Манифесте” императрица Елизавета объявила своим подданным о цели действий русских войск – принудить короля Пруссии к “постоянному миру”. Обе стороны взаимно заявляли об уважении общепризнанных правил ведения войны. Но Фридрих угрожал в случае совершения российскими войсками “предерзости и свирепства” предпринять то же в захваченной Саксонии. Елизавета же подчеркнула неизменность соблюдения российской армией правил войны, несмотря на их грубые нарушения в Саксонии⁷.

Отмечая тот безусловный факт, что инициатором Семилетней войны стала Пруссия, нельзя забывать и о стремлениях России к территориальным приобретениям. В изучаемую эпоху аннексия была естественным явлением, не вызывавшим сопротивления жителей аннексируемых областей при условии лояльного к ним отношения со

Сражение при Кунерсдорфе. Гравюра второй половины XVIII в.

стороны оккупирующего государства. Например, 20–21 июля 1757 г. присягу о переходе в подданство императрицы Елизаветы приняло население Тильзитского дистрикта, включая города Тильзит и Рагнит, а 31 июля — горожане Истерьбурга⁸. Процесс перехода Восточной Пруссии в российское подданство завершился занятием Кенигсберга в декабре 1757 г. и массовой присягой его граждан. 26 декабря того же года командующий армией

Канцлер граф А.П. Бестужев-Рюмин

генерал-аншеф В. В. Фермор специальным воззванием объявил жителям Восточной Пруссии об их подчинении российской власти⁹. Целое королевство де-факто стало частью Российской империи. Ее правительство никогда не заявляло о присоединении Восточной Пруссии, но нет сомнений, что при ином ходе династических событий она и де-юре превратилась бы в область Российского государства.

В ходе военных конфликтов с участием регулярных армий утвердился обычай привлекать в свои ряды дезертиров из неприятельского войска и военнопленных, являвшихся большей частью профессионалами, которым очень часто было безразлично, кому служить. Не составляла исключения и российская армия, хотя она формировалась не на наемной основе.

Руководившая операциями русских войск Конференция в инструкции главнокомандующему генерал-аншефу С. Ф. Апраксину от 5 октября 1756 г. указывала: “Всех охотно желающих в службу нашу вступить не только солдат или унтер-офицеров, но и обер- и штаб-офицеров вы принимать... можете”. Перебежчики из прусской армии могли рассчитывать на хорошую карьеру, в том числе повышение в чине, при том унтерам и офицерам, которые приведут с собой солдат, обещалось повышение на два чина¹⁰.

Стимулирование дезертирства для ослабления неприятеля рассматривалось как вполне правомерное и весьма важное направление деятельности. В рескрипте Конференции от 18

января 1757 г. на имя Апраксина отмечалось, что “... успех попечения Вашего о подговаривании прусских солдат причиняет нам особое удовольствие”¹¹. С этой целью использовались различные средства: зачисление в армию с повышением в чине, прощение и милость насильно попавшим в прусскую службу и даже дезертирам с русской стороны, предоставление права выбора местожительства для иностранцев и, конечно, деньги. Например, А. Б. Бутурлин, командовавший в кампанию 1761 г., письменно рекомендовал генерал-майору П. А. Румянцеву “... для умножения в неприятельском войске дезертирования” поощрять беглецов немалой по тем временам суммой в 1–2 руб. и дальнейшей свободой. Одновременно они предупреждались о тяжелой ответственности (“смертию казнены быть имеют”) при возвращении к неприятелю¹².

Однако никто из перебежчиков, а тем более пленных, принудительно в русскую армию не зачислялся, в отличие от войск Фридриха II. В литературе неоднократно приводился факт насильственного зачисления на прусскую службу капитулировавших в конце августа 1756 г. 18 тыс. солдат и офицеров саксонской армии¹³. Пруссаки заставляли служить и плененных подданных Австрии, Франции, Швеции, России, т. е. стран — противников Фридриха, что противоречило утвердившимся законам и обычаям войны. Так, к моменту захвата Берлина русскими войсками в конце сентября 1760 г. там находилось три пехотных батальона из русских пленных, саксонцев и французов¹⁴. При последней осаде Кольберга в лагерь Румянцева пришли пять дезертиров, в том числе два русских солдата, захваченных в “полон” в 1758 г. и определенных “неволсю” в прусскую армию. За трехкратные побег они “содержались в железгах более двух лет и употреблялись в каторжной работе”¹⁵.

Правила войны требовали от комбатантов (лиц, входящих в состав вооруженных сил и непосредственно участвующих в военных действиях) уважительного отношения к мертвому противнику (мародеров презирали во всех армиях), оказания защиты и помощи больным и раненым противникам. К. Осипов пишет, со ссылкой на прусского офицера, об ужасах на поле брани после сражения у Цорндорфа: прусские солдаты грабили раненых русских и издевались над ними; много тяжелораненых русских воинов были брошены в могилы вместе с мертвыми¹⁶. Не отрицая достоверности данного факта, все же полагаем, что он являлся исключением, а не правилом, хотя бы потому, что русские источники, настроенные к пруссакам вовсе не доброжелательно, ни о чем подобном не сообщают. О хорошем отношении берлинцев к пленным русским офицерам пишет участник войны А. Болотов¹⁷. Поэтому рискуем сделать вывод о том, что стороны в русско-прусской войне старались соблюдать соответствующие правила и обычаи.

К такому относились и требование великодушия к поверженному противнику, допустимость капитуляции из-за явного превосходства неприятельских сил, не причинявшей ущерба воинской чести. При сдаче без боя

капитулировавшие не считались военнопленными, сохраняя свой прежний статус. Победитель обычно не стремился унижить побежденного. Так, при взятии Мемеля (июнь 1757 г.) В. В. Фермор не только выполнил традиционные условия капитуляции, но и разрешил гарнизону уйти со всем легким оружием. Инструкция генерал-майору Пальменбаху, отправленному в сентябре 1758 г. для взятия Кольберга, разрешала включить в «капитуляционные пункты» выход гарнизона из крепости с честью при условии выдачи оружия и обязательства в течение года не воевать против России. В ином случае сдавшиеся становились пленниками. Исключения в черед капитуляций составили жесткие требования к гарнизону Берлина, выдвинутые 9 октября 1760 г. В частности, все генералы, офицеры и солдаты должны были сдать в качестве военнопленных¹⁸.

Самый трудный вопрос – это поведение русских войск на территории Польши и королевства Пруссия. Общая правительственная линия была однозначной: максимум лояльности по отношению к местному населению. Предельно четко об этом говорилось в указе императрицы Елизаветы от 6 марта 1758 г.: «... повелели паки войскам нашим во всех неприятельских землях строжайшую воинскую дисциплину наблюдать и никому ни малейших обид, утеснений и озлоблений не делать, более того, соизволяем мы и среди самой войны пещись... о благосостоянии невинных своему худому жребию земель...»¹⁹. Назначив генерал-поручика Корфа губернатором Кенигсберга, императрица наказала ему управлять провинцией таким образом, чтобы навсегда оставить память «... нашего великодушия и милосердия»²⁰.

Указания насчет поддержания строгой воинской дисциплины, недопущения насилий и грабежей, обязательной оплаты провианта и фуража, взимаемого с жителей, содержались во многих служебных документах. Об этом неоднократно говорилось в протоколах Конференции, касающихся прохода войск через Польшу, в инструкциях Фермору, военачальникам, действовавшим в Восточной Пруссии и Померании (Пальменбаху, Олицу, Волконскому), А. Б. Бутурлина Румянцеву, самого П. А. Румянцева своим подчиненным²¹.

На оккупированной территории сохранялись прежние администрация, церковь, юстиция и т. д. Одиак только пример. В императорском рескрипте от 17 января 1758 г. Кенигсбергу и Восточной Пруссии в целом предоставлялась обширная автономия. Гарантировались безопасность, сохранение всех привилегий, вольностей и прав, полная свобода закона и богослужения, сохранение за чиновниками и духовенством своих должностей, широчайшая и защищенная коммерция, неприкосновенность собственности и др.²².

Такая позиция диктовалась тремя взаимосвязанными факторами: учетом европейского общественного мнения, стремлением облегчить снабжение русских войск, желанием привлечь жителей Восточной Пруссии на сторону России с перспективой превращения их в императорских подданных.

Занятие вражеских территорий сопровождалось повсеместным наложением контрибуций на гражданское население. На протяжении тысячелетий война кормила войну и контрибуции, т. е. «принудительные денежные или иные поборы, взимаемые неприятелем с населения оккупированных территорий»²³, были легализованы военным правом. С городов (Кенигсберга, Франкфурта и проч.) взималась денежная контрибуция, с уездов – натурой. Например, Кольбергский уезд должен был отдать 10 тыс. «порционов», 20 тыс. «рационов», по 500 голов рогатого скота и лошадей. Самую большую денежную контрибуцию – 1,5 млн талеров – взяли, по понятной причине, с Берлина²⁴.

Если контрибуции, подобно постоям войск, воспринимались как неизбежное зло, то мародерство и насилие над мирным населением ослабляли тыл армии, распатывали дисциплину. Советские авторы предпочитали не замечать негатива, идеализировали поведение русских военнослужащих. А вот старые авторы смотрели на проблему объективно. Да и опубликованные документы содержат немало отрицательных фактов. Генерал-майор Тотлебен доносил 7 июня 1760 г. командующему П. С. Салтыкову: «Всякий день имею я приносимые от померанских обывателей жалобы на полки Красношечекова, Попова и на сербский гусарский полк, кои оказывают весьма нашей армии чрез грабежи и смертоубийство предосудительства»²⁵. В. В. Фермор, инструктируя 5 июля 1759 г. генерала Волконского, предупреждал: «... иметь за подчиненными крепкое смотрение, дабы по примеру прошлогоцкого как от команды генерал-поручика Демина произошло, обывате-

Вице-канцлер граф М. И. Воронцов

лям... никаких расспросов и мучения, из их пожитков также разорения и поджогов их жилищам отнюдь ни от кого чинено не было, а особливо от легких войск...²⁶ Массовые грабежи, насилия над жителями, акты вандализма совершались русскими войсками в Берлине и его окрестностях во время его трехдневной оккупации²⁷. Удивляться подобному не следует. Грубая эпоха, солдаты-профессионалы, навсегда оторванные от родного очага и постоянно рисковавшие жизнью, часто не испытывали уважения к чужим жизням и чужому имуществу.

-
- ¹ Петрушевский А. Ф. Генералиссимус князь Суворов. Т. I. СПб., 1884; Масловский Д. Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. Вып. I-III. М., 1889-1891; Дубровин Н. Материалы по военной истории России. Т. I. СПб., 1893.
- ² Коробков Н. Семилетняя война (Действия России в 1756-1762 гг.). М., 1940; Осипов К. Семилетняя война с Пруссией и взятие Берлина. М., 1941; Лещинский Л. М. Военные победы и полководцы русского народа во второй половине XVIII в. М., 1959; Клокман Ю. Р. Кольбергская операция 1761 г. // Исторические записки. Т. 30. М., 1949.
- ³ Семилетняя война. Материалы о действиях русской армии и флота в 1756-1762 гг. / Под ред. Н. М. Коробкова. М., 1948.
- ⁴ См. напр.: П. А. Румянцев. Документы. Т. I. 1756-1763. М., 1953; Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. Т. 1-2. М., 1993.
- ⁵ Семилетняя война... С. 88, 176, 212, 213, 550, 551.
- ⁶ Там же, С. 88.
- ⁷ Там же, С. 177-180.
- ⁸ Там же, С. 169, 170, 171.
- ⁹ Там же, С. 87.
- ¹⁰ Там же, С. 71, 74.
- ¹¹ Там же, С. 87.
- ¹² Там же, С. 754.
- ¹³ Осипов К. Семилетняя война с Пруссией... С. 8; Лещинский Л. М. Военные победы... С. 22.
- ¹⁴ Семилетняя война... С. 673.
- ¹⁵ Клокман Ю. Р. Кольбергская операция 1761 г. С. 249.
- ¹⁶ Осипов К. Семилетняя война с Пруссией. С. 21.
- ¹⁷ Болотов А. Т. Жизнь и приключения... Т. 2. С. 26.
- ¹⁸ Семилетняя война... С. 165, 348, 685.
- ¹⁹ Там же. С. 240-241.
- ²⁰ Там же. С. 253.
- ²¹ Там же. С. 67-69, 82-83, 108, 348-349, 367-368, 653; П. А. Румянцев... С. 28, 48, 88, 90; Клокман Ю. Р. Кольбергская операция 1761 г. С. 253.
- ²² Семилетняя война... С. 236-237.
- ²³ Военный энциклопедический словарь. 2-е изд. М., 1986, С. 352.
- ²⁴ Семилетняя война... С. 348-349, 661, 687.
- ²⁵ Семилетняя война... С. 580.
- ²⁶ Там же, С. 433-434.
- ²⁷ Болотов А. Т. Жизнь и приключения... Т. 2. С. 31-33; Петрушевский А. Ф. Генералиссимус князь Суворов. С. 23-24, 26, 38.

А.Д. МЕНШИКОВ В КОНЦЕ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ

Участие князя А.Д. Меншикова в Северной войне до сих пор не стало предметом специального исследования, хотя взаимовлияние ее событий и биографии этого известнейшего деятеля петровской эпохи очевидно. Биографическая литература, посвященная А.Д. Меншикову, останавливает внимание читателя прежде всего на фактах его участия в крупнейших сражениях первой половины войны и руководстве войсками во время Померанской кампании 1713 г., после чего фигура Меншикова исчезает со сцены военных действий. Действительно, с 1714 г. основным местом деятельности князя становятся Петербург и его окрестности. Да и сами военные действия уже не достигают прежнего размаха, все более сводясь к стратегии «косвенного сближения», морским кампаниям и высадке десантов. Тем не менее А.Д. Меншиков продолжал играть существенную роль в событиях войны, уже не как полководец и военачальник, но как организатор и глава всего военного ведомства, державший в руках основные нити управления армией.

Открытым остается вопрос о том, насколько единоличны были стратегические и тактические решения Петра в ходе войны и как можно оценить вклад «птенцов» его «гнезда» в принятие этих решений. Восхваления монарха и уничижительные самонаименования в письмах к нему («раб», «рабски») как будто говорят о ничтожной роли его приближенных и подчиненных. Но эти этикетные формы можно трактовать и как присущие самосознанию эпохи стереотипы, которые свидетельствуют лишь об усиливающейся сакрализации самодержавной власти. Этими стереотипными выражениями полны и письма к царю Меншикова. Однако за ними стоит яркая и сильная личность, не довольствующаяся вторыми ролями.

Принято считать, что после возвращения из второго заграничного путешествия Петр потерял доверие к Меншикову вследствие разоблачения хищений и взяточничества князя, который оказался в политической тени и изоляции. Однако документы свидетельствуют о том, что последние годы Северной войны (1716–1721) – это годы небывалой политической активности Меншикова, средством к чему становились и его военные звания и занимаемый им пост руководителя Военной коллегии. Изучая его не менее, чем ранее, интенсивную переписку с царем, невольно приходишь к выводу о методичной подготовке Меншиковым некоего «трамплина», который должен был вознести его на небывалую высоту власти, для чего князь использовал любую возможность (в том числе и свое положение воспитателя царских детей). Поражают также масштаб и размеры информации, поступавшей Меншикову. Сам он хорошо понимал, что тот, кто владеет информацией, стоит у руля событий. Поэтому так часты в его письмах просьбы к Петру, царице, А.В. Макарову «не оставить его» известиями о происходящем у трона.

Многочисленные письма и донесения российских и зарубежных корреспондентов Меншикова сохранились в его архиве. Сам Меншиков писал царю и его кабинет-секретарю не реже одного раза в неделю, а иногда и чаще, сообщая все о происходившем в Петербурге. Из этих писем мы узнаем о многообразной деятельности князя в военной области – участии в строительстве, ремонте и подготовке к военным действиям судов флота, передислокации, расквартировании, комплектовании, формировании, снабжении всем необходимым армии, назначении на военные должности и присвоении чинов, военных судах. Большое внимание с 1719 г. Меншиков уделял устройству и организации Военной коллегии, где он также стремился занять первенствующее положение. В 1720 г. кн. А.И. Репнин должен был оправдываться в ответ на упреки в том, что он не уведомляет о состоянии его «команды» Меншикова. Князь писал ему 11 июля, что о состоянии драгунских полков «надлежало как в Военную коллегию, так и меня репортовать... и хотя б, например, генерала фельтмаршала не находилось, а был бы равной вам генерал, и тогда б для известия надлежало друг друга уведомлять, понеже единого государя люди, и чтоб были известны, в какой силе армия состоит... о инфантерии команды вашей ничего не упоминается, чему немало удивляемся, известно в.с., что я уже чрез сколько лет по милости всемилостивейшего монарха генералом фельтмаршалом пожалован и то дело управляю, и тако надлежит о обоим равно, как о кавалерии, так об инфантерии и гварнизонах, яко Военной коллегии президента, репортовать, ибо в.с., когда я генералом точно был, всегда меня репортовать изволили»¹. Репнин отвечал, что «...в Военную коллегию о репорте драгунских полков никогда я не упоминался и от команды вашей светлости по должности моего характера никогда отпирался и не отпираюсь и о здешних обстоятельствах по указу вашей светлости по вся недели репортую. А что от пехоты не принял табели, и в том погрешил безхитростно... и прошу прощения... никакнйше прошу вашу светлость не иметь на меня гневу и содержать меня в прежней своей милости...»². В письме от 22 августа того же года Репнин упоминал о том же указе Меншикова от 11 июля, «что о повышении чинами офицеров указы будут присылатьца от вашей светлости, и того ради приказал я... прощении обер- и ундер-офицеров о перемене чинов и криксрехты для резолюции послать к вашей светлости...»³. Тем самым Меншиков давал понять, что руководящее положение в коллегии

принадлежит ему и предписания коллеги должны утверждаться им. Иногда в указах генералитету и офицерам князь пользовался формуляром «Мы, Александр Меншиков и протчая»⁴.

Н.И.Павленко отмечал, что Меншиков нередко осмеливался давать царю советы⁵. Представлял он и собственные «мнения», в том числе по тем или иным военным вопросам. Эти мнения, как правило, прилагались к письмам в виде отдельных «цидул». Так, например, 28 июня 1717 г. князь писал Петру: «Не в указ вашему величеству мое покорнейшее мнение представляю. Когда корабли с моря возвратятца, не повелите ль, чтоб им здесь зимовать, а не в Ревеле, как для безопасности, так и для отобрания отсюда всяких припасов...», добавляя: «...однакож все сие отдало в высокое и мудрое вашего величества разсуждение»⁶. 17 марта 1718 г., сообщая о получении сведений о расквартировании Преображенского полка в Петербурге, Меншиков, ссылаясь на то, что «здесь в правянте не без нужды», высказывает свое мнение: «...того ради не в предложенье, но нижайшее мое вашему величеству приношу доношение, не изволите ль, ежели в нем самой здесь нужды не обстоит, ради помянутого умаления правянта оному полку быть по-прежнему в Новгороде на квартирах»⁷, что уменьшит расходы.

Неизвестный художник. Портрет А.Д. Меншикова. Первая четверть XVIII в.

В своих письмах Меншиков давал и собственные, часто чрезвычайно меткие и образные, оценки событий происходящей войны. Так, 29 июня 1720 г., после получения известия об удачном десанте в Швецию И.А. фон Менгдена, князь высказал свое мнение об этом событии в следующей «цидуле»: «...хотя не таков добычен, как прошлогодкой, однакож... славнее прошлогодского», так как «при таких сильных и славных соединенных флотах и великой сумме караблей королей аглинского и шведского учинен... а в учиненных обидах от обеих флотов на острове Наргине, в зжении бани и избы, не изволте печалитца, но уступите им, а имянно баню шведскому флоту, а избы аглинскому на раздел, дай Боже, чтоб и впредь более сих обид и разорений от них не было, а от вашего величества реванжу при обеих флотах... довольно учинено»⁸.

В апреле 1721 г., сообщая о приготовлении кораблей к морской кампании, Меншиков вновь дает совет царю относительно места сбора флота: «...ежели то правда, что здесь в курантах разплашайтца, якобы немалой будет флот будто в Ост-зее, то по должности моей малое мое мнение прилагаю. Мне кажетца, что вашего величества флоту против одного, ежели паче чаяния как куранты гласят, что будто 35 линейных караблей аглинских будут, при Кроншлоте стоять, ибо хотя мы у Ревеля и будем, а оттуда паки возвращатца станем к Кроншлоту, то оные неприятельские карабли могут разгласить, яко-

бы уже российской флот они прогнаши и будто какую викторию себе получили, однако более во оном полагаюся на премудрое вашего величества разсуждение»⁹. Тут же Меншиков предлагал «для лутчей осторожности» при-даться к войскам, уже находящимся во флоте, три полка Финляндского корпуса кн. М.М. Голицына.

Кульминационным моментом деятельности кн. А.Д. Меншикова как военного организатора в это время стала его поездка на Украину, в Смоленск и Ригу, продолжавшаяся с февраля по сентябрь 1720 г. и подробно описанная в его «Повседневных записках»¹⁰. Поездка эта планировалась еще в 1719 г., и тогда же Меншиков получил об этом указание царя. Однако в связи с его путешествием к Марциальным водам она была отложена. 29 июня 1719 г. Меншиков писал А.В.Макарову: «...его величество в бытность свою здесь изволил определить ради осмотра и надлежащего исправления драгунских полков ехать к корпусу на Украину мне. А потом просил я, чтоб съездил господин генерал Вейд, не иного чего для, точию ради наилутчаго во всем того исправления, ибо и камисары как чаще надсматривают, то наилутче и исправляютца...»¹¹. Поездка А.А.Вейде не состоялась, и в феврале Меншиков отправился на Украину сам. Была ли эта поездка лишь исполнением воли царя или в ней был заинтересован и сам Меншиков? Н.И.Павленко предположил, что ее целью была не только проверка полков, но и желание князя решить свои собственные дела в Почепской волости и добиться наиболее выгодных для него результатов межевания земель, тем более что поездка «не стоила князю и копейки», но недешево обошлась герману и украинской старшине¹². Тем не менее можно предположить также, судя по письмам Меншикова царю, что в этом поручении он видел возможность вновь продемонстрировать свои военно-организаторские таланты и укрепить свое политическое положение.

18 февраля 1720 г. Меншиков был в Москве, а 8 марта – в Белеве. Из Белева князь предполагал ехать прямо в Нежин, однако из-за плохого состояния дороги повернул на Брянск и Почеп. Из Почепы Меншиков писал Петру 14 марта: «...В пути имел я немалой труд, ибо дорога зело трудна, и смело могу донести, что как я стал при вашем величестве служить, ни в котором пути такой дороги не имел... А в Москве умедлил я ради смотру и отправления в Петербург рекрут, також ради отправления на Украину в кавалерию седел и на покупку лошадей в драгунские

полки денежной казны в Казань и в Астрахань и в другие тамошние города, також и сюда. А кой час весна наступит, тогда по указу вашему драгунские полки буду смотреть и комплектовать из однодворцов, а лошадей на ярмонках буду покупать с офицерами сам»¹³. С этими задачами Меншиков успешно, даже блестяще, справился, однако в апреле 1720 г. получил письмо Петра, в котором говорилось об угрозе шведского десанта и предлагалось в связи с этим «поставить по первой траве три корпуса – первый к Смоленску, где и вам посмотреть, другой около Стародуба, третий недалеко от Риги»¹⁴. Поездка Меншикова поэтому затянулась, князь отправился сначала к Смоленску, а затем и в Ригу. С отчетом о поездке Меншиков явился к Петру 12 сентября, разговор их длился от 1-го до 5-го часу пополудни.

И.И. Голиков на основании писем Меншикова к Петру составил перечень сделанного Меншиковым во время поездки на Украину и в другие места: «1. В Москве рассмотрел всех рекрут и отправил большую часть в Петербург. 2. Получа из Мундирной канцелярии 100 000 рублей, половину отправил в Казань и Уфу для покупки лошадей, а другую половину предоставил себе для покупки оных на украинских ярмарках. 3. Рассмотрел состояние Мундирной канцелярии. 4. Разобрал севских, орловских, брянских, трубчевских и прочих городов однодворцев, подьячих старой службы, пушкарей, казаков, копейщиков, воротников, затишников и ими укомплектовал корпус войск у Стародуба. 4. Пересмотрел два глуховские гарнизонные полка из них лучших 600 человек выбрав, поверстал в Стародубский же корпус, а на место их рекрут из разночинцев. 6. Из недорослей выбрал более 1000 человек и поверстал их в конные полки. 7. Все полки исправя и неоднократно экзерцируя, их по указу его величества разделил на три корпуса, из которых отправил 4 полка в Ригу, 10 в Смоленск, а остальной, из 12 полков состоящий, расставил по границе польской со стороны Стародуба. 8. Установил новый порядок навсегда относительно до полковых квартир. 9. Занимался узнанием состояния поселян и какие несли они тягости. 10. Отвратил замешательство, происшедшее в Запорожье от смущения, посеянного присылкою им письма изменника Орлика. 11. Все сие исправя, переехал в Смоленск и оттуда из тамошних 11 полков отправил в Ригу еще два и к Лукам Великим два же полка, а на место их перевел из вышеупомянутого Стародубского корпуса. Остальные 9 беспрестанно почти экзерцировал и укомплектовал рекрутами и лошадьми. 12. По дороге к Смоленску и от оногo к Риге исправил дорогу, мосты и перевозки. 13. Из Смоленска по указу его величества переехал в Ригу и тамошний корпус подобно же осмотра, укомплектовал людьми и лошадьми и проч. и проч.»¹⁵.

Особое место в этом разговоре, вероятно, занимал пункт о предотвращении «замешательства» в Запорожье. Меншиков, сохраняя строгую секретность, переслал в Кабинет перехваченные письма «изменника» Ф. Орлика и его сподвижников в Польшу – Ф. Миновича и Герцика. По этому поводу он вступил в переписку с послом в Польшу кн. Г.Ф. Долгоруким и предлагал ему «их поймать... или там их убить... чтобы от них впредь таких пакостных писем не было»¹⁶. Не особенно должны были понравиться представителям украинской старшины и другие действия Меншикова. Так, например, в изложенном «мнении» он извещал о принятых мерах относительно «пробывающих при гетмане некоторых людях, которые называются подбунжужные... оных число есть немалое... сидят без дела» и о распоряжениях об отправке их в поход к Смоленску¹⁷. Вероятно, в связи с этими заслугами Меншикова по наведению порядка на Украине Петр не лишил его должностей и после того, как стало известно о весьма ценных «подарках», полученных князем от гетмана и полковников.

И в последние месяцы Северной войны, готовя флот к отправке в море, Меншиков стремился быть в центре событий. Упомянув о приведении в готовность эскадры Гордона в Кроншлоте, 8 июня 1721 г. он просил А.В. Макарова о царском указе, «чтобы быть в Ревеле», «взяв другой каравль, которой порезвьяе»¹⁸. Эта поездка, видимо, состоялась, так как писем Меншикова в Кабинет от июня не сохранилось. Именно Меншикову Петр поручил и организацию празднеств по случаю заключения Ништадтского мира, о подготовке которых князь уведомлял царя в письмах от 30 августа и 1 сентября 1721 г., вновь предлагая «не в указ» свое мнение¹⁹.

Победное окончание войны Меншиков воспринимал и как свою собственную заслугу, пользуясь моментом для прошения об окончании своего «цета», который «следуетца с начала минувшей войны» и сложении штрафных денег: «...а о трудах моих и верности как в гражданских, так и в воинских действиях, во время минувшей войны бывших, не смею вашему величеству и доносить, понеже ваше величество о том о всем известно»²⁰. Через несколько лет, вероятно, в 1725 г., в прошении Екатерине I князь вновь напоминает о своих заслугах во время Северной войны, представляя их как достойные получения чина генералиссимуса: «Понеже бывшие мои во время минувшей войны его императорскому величеству... верные службы и неусыпные труды и верность... довольно известны... прошу о перемене своего чина, а именно против цесарского обычая, как был при цесаре римском принц Евгений, быть мне генералиссимусом или генералом порутчиком российским», упоминая, что просит об этом именно в день «вспоминания полученного с Швециею мира»²¹.

Вклад Меншикова в достижение победы в Северной войне достаточно велик и очевиден. Но если для Петра эта война и победа в ней были делом государственным, то для Меншикова в большой степени средством для удовлетворения личных амбиций, стремления к личной власти и достижения далеко идущих политических целей.

¹ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 143. Л. 258-259.

² Там же. Д. 889. Л. 56-57.

³ Там же. Л. 69.

⁴ Павленко Н.И. Меншиков: Полудержавный властелин. М., 1999. С. 22; РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 143. Л. 229.

⁵ Павленко Н.И. Указ. соч. С. 343.

⁶ РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. II. Кн. 33. Л. 100.

⁷ Там же. Кн. 36. Л. 689-689 об.

⁸ Там же. Кн. 47. Л. 168.

⁹ Там же. Кн. 56. Л. 54.

¹⁰ Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова. М., 2000. С. 352-378.

¹¹ Там же. Кн. 41. Л. 434 об. - 435.

¹² Павленко Н.И. Указ. соч. С. 207, 214.

¹³ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 47. Л. 97-97 об.

¹⁴ Голиков И.И. Дополнение к Деяниям... Т. 8. Изд. 2-е. СПб., 1838. С. 409.

¹⁵ Там же. С. 398-400.

¹⁶ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 47. Л. 114.

¹⁷ Там же. Л. 115.

¹⁸ Там же. Кн. 56. Л. 121.

¹⁹ Там же. Л. 127-128 об.

²⁰ Там же. Л. 133 об.

²¹ Там же. Л. 165.

ФРАНЦ ЛЕФОРТ, ПОДГОТОВКА СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ И ВОЕННО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПЕТЕРБУРГА (Архангельск, Азов, Новгород)

Франц Лефорт (1656–1699), ближайший сподвижник Петра, генерал-адмирал российского флота, наместник новгородский, Великий полномочный посол Московского государства, один из трех руководителей Великого посольства в Европу 1697–1698 гг., не рассматривается обычно в числе основателей Петербурга. Он умер в Москве 2 марта 1699 г., не прожив и месяца в новопостроенном Лефортовом дворце, первой парадной резиденции петровского царствования. С появлением этого каменного барочного здания с обширным парком, предварявшим петергофские, преобразилась в современное Лефортово бывшая Немецкая слобода, Кукуй на Яузе в Москве.

Именно здесь юный Петр получил те первые впечатления и образы, которыми в дальнейшем определялось его царствование. Ботик Тиммермана – «дедушка Российского флота», потешная крепость Пресбург рядом на реке Яузе, место обучения потешных полков будущей русской гвардии, Лефортов дворец, наконец, складываются в первый «Пра-Петербург» в сознании Петра.

Здесь, в невысоких покоях, недалеко от нынешнего комплекса зданий МВТУ им. Н.Э. Баумана и печально знаменитой общегосударственной тюрьмы, триста три года тому назад в возрасте сорока трех лет, том же, что возраст Александра Невского и Владимира Высоцкого, под музыку и вино простился с друзьями и ушел из жизни скошенный тифозной горячкой Ф.Я. Лефорт. Петр, примчавшийся на похороны с верфей русского флота в Воронеже, простился с ним, по свидетельству А.К. Нартова, следующими словами: «Верность Франца Яковлевича пребудет в сердце моем, доколе я жив, и по смерти понесу ее с собою в гроб»¹.

Слова эти не были обычными ритуальными заклинаниями. В деятельности Петра и его сподвижников было не столь уж много спонтанности, которую склонны порою видеть некоторые историки, от В.О. Ключевского до Ю.Н. Беспягых. Свидетельство тому – письмо Лефорта из Архангельска, куда он с первых поездок сопровождает Петра. 4 июля 1694 г. Лефорт писал на родину, в Женеву: «Есть намерение выстроить несколько галиотов и идти к Балтийскому морю... (здесь стерт). – Г. Л). Меня возводят в адмиралы всех судов Его Величества; этого непременно желает сам наш Великий Царь Петр Алексеевич»².

Это – еще до Первого (1695) и Второго (1696) Азовских походов, создания российского флота, учреждения флага и ордена Св. Апостола Андрея Первозванного (еще одно указание на возвращение России к Пути из Варяг в Греки, летописному пути апостола Андрея с Черного моря на Балтику), до Великого посольства в Европу (Германию, Голландию, Англию) 1697–1698 гг. и жестокого подавления Стрелецкого бунта, Стрелецких казней в Москве 1698 г. и пострижения царевны Софьи и царицы Евдокии, бранобрития бояр и введения нового «немецкого платья». Во всех этих делах начала петровского царствования, больших и малых, рядом с Петром был Лефорт, и лишь со смертью его, «новый фаворит» А.Д. Меншиков занял то же место возле царя, продолжая то же дело преобразования России.

Общий контур этих преобразований и пути к ним становились очевидными для Петра и его сподвижников, прежде всего ближайших, таких, как Лефорт, почти за десятилетие до основания Санкт-Петербурга, задолго до Северной войны. Неизбежность ее при задуманном движении к Балтийскому морю (скрытая в стертых словах лефортова письма), несомненно, осознавалась уже в Архангельске. Именно здесь, у берега Белого моря, в свете летних белых ночей 1693 г. при закладке первых верфей и кораблей Российского государства, вероятно, рождались и первые представления о новом русском приморском городе.

Архангельск в вершине дельты необъятных водных просторов Северной Двины с низменными островами, башнями и стенами Гостиного двора, служившего прибрежной городской питателью, корабельными пристанями и верфями, дворами, усадьбами и складами иноземцев, многоцветными флагами заморских кораблей на десятках

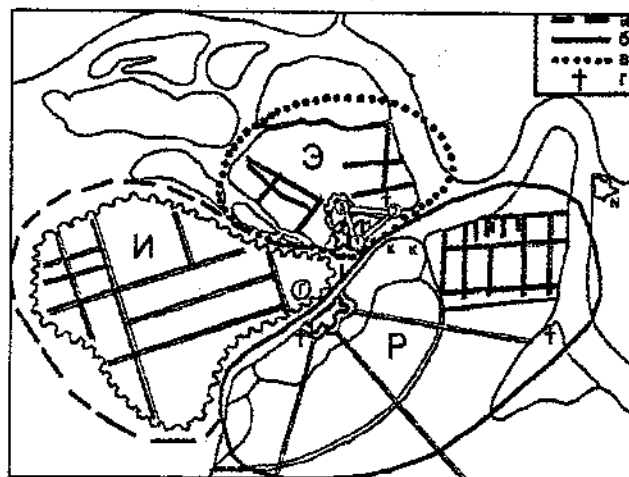
М. Ван Мюсхер. Франц Лефорт,
наместник новгородский. 1698.
Musée des Suisses avec l'Étranger

высоких мачт, незаходящим летним солнцем, подсоленным и свежим воздухом Белого моря, всею суммою впечатлений, непривычных для среднего россиянина, несомненно, становился еще одним прообразом Петербурга. Во всяком случае, оказавшись в мае 1703 г. в дельте Невы, Петр не мог не оценить этого сходства (вот только Лефорта рядом с ним уже не было).

Но Лефорт был вместе с Петром в Архангельске весной 1694 г. Тогда Петр со спутниками пережил страшный шторм 1 мая в Белом море близ Соловков. То был первый шторм в жизни молодого царя и будущего штаубенахта

(контр-адмирала) российского флота. В память о чудесном спасении его яхты «Св. Петр», новопосвященный русский мореход оставил полуторасаженный православный крест с голландской (!) надписью: «Сей крест сделал шкипер Петр в лето Христово 1694». Этот морской поход из Архангельска на Соловки окончательно утвердил Петра и в беспредельной любви к морю, и в осознании необходимости неуклонного движения к нему как на западе, так и на юге. 13 сентября 1694 г. Лефорт из Архангельска пишет: «Будущим летом выстроят пять больших кораблей и две галеры, которые, ежели даст Бог, через два года отправятся в Астрахань для заключения важных договоров с Персией»³.

«Через два года», к 1697-му, победно завершена была война с Турцией за Азов, сложившаяся в два тяжелых Азовских похода. Неудача первого из них – кампании 1695 г. генералов Ф.А. Головина, Ф.Я. Лефорта и П. Гордона («Петр Алексеев» командовал бомбардирской ротой) определялась отсутствием у русских флота, способного противостоять турецкому флоту в устье Дона и на Азовском море. Зимой 1696 г. напряженные работы по строительству кораблей разворачиваются в Москве, Во-

Первоначальный Петербург. Картограмма градостроительной типологии: а-б – границы зон (Э – эмбриональная, И – идеальная, Р – реальная градостроительная схема), г – храмы, Н – руины Ниеншанца, к – резиденции Петра, 1 – Петропавловская крепость, 2 – Троицкая площадь, 3 – Кронверк.

ронеже, Козлове, Добром и Сокольске, 26 000 работников заняты на постройке двух тысяч малых и трех десятков больших судов. Адмирал Лефорт из Москвы в Воронеж прибыл, несмотря на болезнь, к спуску первых судов на Пасху и Святую неделю, с 12 апреля 1696 г. Флот, включавший 2 корабля, 23 галеры, 4 брандера, 300 лодок и 1300 стругов, отбыл 3 мая, и 16 июня началась бомбардировка Азова с воды и суши. Осада, с комбинированным использованием морских и сухопутных сил, велась в строгих нормативах «войн эпохи барокко», выработывавшихся голландцами со времен их войны за независимость. 18 июля осажденный турецкий гарнизон заявил о капитуляции, 30 сентября победоносные войска адмирала Лефорта и генералиссимуса А.С. Шеина торжественно вступили в Москву. Зимой была принята обширная программа строительства российского флота⁴.

Лефорт, победитель Азова, назначается наместником новгородским. Трудно сказать, многое ли успел он сделать в этом качестве в Новгороде Великом, занятый организацией и участием в Великом посольстве (которое стало фундаментальной дипломатической подготовкой Северной войны) и последующими делами, вплоть до смерти. Парадный портрет, выполненный голландским живописцем М. ван Мюсхером в 1698 г. свидетельствует о том, что к назначению своему Ф.Я. Лефорт отнесся весьма серьезно. В Новгороде с 1693 г. «воевода и ближний боярин» Б.И. Прозоровский выполнял в то время обширную строительную программу по сооружению нового каменного Гостиного двора на Горюевой стороне, Воеводского и Пушечного дворов – в Новгородском Кремле на Софийской стороне. Это строительство было завершено в 1697–1699 гг., уже при наместничестве Лефорта, а к 1700 г., началу Северной войны, заканчивается создание всего грандиозного каменного комплекса вместе с перестройкой Пречистенской башни на Горюевой стороне, возведением каменного моста с каменными же лавками, часовни и других зданий⁵.

В Новгороде тем самым накануне Северной войны на обоих берегах Волхова в центре города была создана единая оборонительная система, состоявшая из древнего «каменного города» – Кремля и корреспондирующего с ним Гостиного двора – четырехугольного сооружения, западная стена которого вошла в линию береговых укреплений и фактически завершила сложную фортификационную систему города, засвидетельствованную изображением на известной Знаменской иконе конца XVII – начала XVIII в. Безусловно, при определении фортификационных параметров нового новгородского Гостиного двора в первую очередь был использован и развит опыт использования Гостиного двора в Архангельске.

Гостиный двор Новгорода Великого был исследован Северо-западной археологической экспедицией (СЗАЭ) ЛГУ под руководством автора этих строк и по заданию основоположника новгородской архитектурно-реставрационной школы Г.М. Штендера в 1981 г. Раскопки показали, что прибрежный (волховский) западный корпус представлял собою протяженное здание длиной 150 м, разделенное на 13 помещений, составленных в один ряд. 12 из них основаны на модуле со стандартным размером 10x12,5 м, а одно, находившееся в середине корпуса,

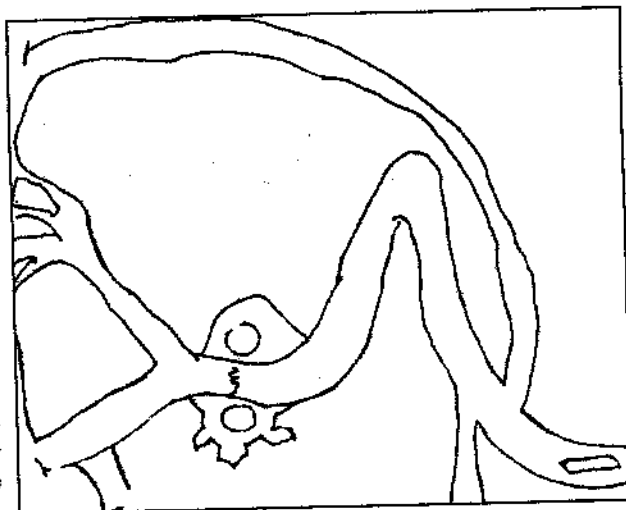
шириною 4 м, служило проездом ворот с берега Волхова во внутреннее пространство Гостиного двора.

Дворовая и внутренние стены корпуса, толщиной 1,3–1,7 м сложены из кирпича. Внешняя стена со стороны Волхова, сложенная из известняковой плиты и гранитных валунов, достигала почти 4-метровой толщины, имела мощные вертикальные выступы жесткости – пилоны, амбразуры шириною 1,75 м со скошенными гранями – в каждом из двенадцати помещений, что свидетельствует о ее несомненно крепостном характере. Стену с воротным проемом фланкировали две квадратные в плане башни на северо-западном и юго-западном углу Гостиного двора. Третья башня, т.н. Гридница, сохранившаяся до наших дней, располагалась посредине противоположного, восточного корпуса над обращенными к Торговой стороне главными воротами Гостиного двора

Строители Гостиного двора, воевода Борис Иванович Прозоровский, зодчие Гурий Варфоломеев, Семен Елфимов, подрядчики – московский стрелец Семен Потапов и ярославец Сергей Билибин, многочисленные мастера, одновременно возводившие и Воеводский и Пупечный дворы, рршили весьма ответственную задачу, если вспомнить о роли Новгорода в первые годы Северной войны после нарвского поражения в октябре 1700 г. По существу, они обеспечили прочный тыл русской армии, надежные условия для ее восстановления после понесенных потерь, для сосредоточения пополнений – драгунских полков князя Н.И. Репнина, новооплченной артиллерии, продовольствия и боеприпасов, обеспечивших в конечном счете успех кампании 1702–1703 гг., взятие Нотебурга и Ниеншанца и основание Санкт-Петербурга. Франц Лефорт по праву должен быть назван в ряду этих имен, и, как новгородский наместник, он, безусловно, отвечал именно на заключительном, решающем этапе работ 1698–1699 гг. за сооружение этого нового мощного военно-оборонительного узла на северо-западном рубеже России накануне Северной войны.

Новгородский Гостиный двор в сочетании с Детинцем (Кремлем) и другими фортификационными сооружениями важен и как градостроительный предшественник «Первоначального Петербурга». Систему взаимоперекрывающего огня береговых укреплений водной артерии Петр оценил на собственном боевом опыте и Первого и Второго Азовских походов. В Рукописном отделе библиотеки Академии наук сохранился его рисунок, сделанный в Амстердаме в 1697 г., во время Великого посольства⁴. Рисунок, сделанный, видимо, для кого-то из голландских собеседников (может быть, Николаса Витзена, амстердамского бургомистра и главного союзника России в Голландии) белю и точно передает очертания дельты Дона и расположение укреплений Азова, даже со схемой артиллерийского огня.

Поразительным образом этот рисунок совпадает с контурами «Первоначального Петербурга» даже в пропорциях речных протоков и масштабе береговых крепостей, шестибашенной Петропавловской крепости на Заячьем острове у правого берега Невы и четырехбашенного Адмиралтейства на противоположном, левом ее берегу, фланкирующими реку так же, как фортификация и артиллерия Азова фланкировала Дон⁵. Словно эскиз еще не заложенного будущего Санкт-Петербурга, это – еще одна крупница совместного опыта, объединявшего Петра с Лефортом. Помня об этом, слова о верности другу, которую «буду хранить по смерти и понесу с собою в гроб» воспринимаешь как сохранившие силу на полную четверть века, до январских ночей 1725 г., когда Петр умирал своей мучительной смертью в Зимнем дворце на берегу Невы. Приближаясь к юбилею 300-летия основания Санкт-Петербурга, мы должны огнести Франца Яковлевича Лефорта к ряду его создателей, тех, кто выпестовал этот замысел, пусть и не дожив до его воплощения «в начале славных дел Петра».

Осада Азова. С рисунка Петра I. Амстердам, 1697

⁴ Франц Лефорт, ближайший сподвижник Петра Великого: Международная выставка 17–30 ноября 1999 г. (Михайловский замок). СПб., 1999, с. 6.

² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 14. М., 1962. С. 525

³ Там же. С. 472, 525.

⁴ Там же. 532–540.

⁵ Булкин В.А., Лебедев Г.С., Сивак С.И., Штендер Г.М. Гостиный двор в Новгороде // Новгородский край: Материалы научной конференции «Новгород древний – Новгород социалистический. Археология, история, искусство» (13–15 октября 1982 г.), посвященной 50-летию археологических раскопок в Новгороде. Л., 1984, С. 230–235.

⁶ Петр I и Голландия. Русско-голландские художественные и научные связи. К 300-летию Великого посольства. СПб., 1997. С. 62. № 55.

⁷ Лебедев Г.С. Первоначальный Петербург. Проект археолого-архитектурного заповедника в Историческом центре Санкт-Петербурга // Археология Петербурга, III/1998, СПб. 1999, С. 5–7.

ОТВЕРГНУТЫЕ УСПЕХИ И УТРАЧЕННЫЕ НАДЕЖДЫ

25 декабря 1761 г., по старому стилю, скончалась Елизавета Петровна, и на престол возшел Петр III. 33-летний монарх за 186 дней, отпущенных ему судьбой на правление и оставшуюся жизнь, обнародовал 192 государственных акта. Некоторые из них были значительны для судеб России. В числе важнейших – указ о даровании вольности и свободы всему российскому дворянству. Дворяне освобождались от телесных наказаний и были вольны выбирать род службы. Допускалась немыслимая до этого, как, впрочем, и долгое время после, возможность службы за границей, в европейских союзных державах. Петр III ликвидировал ненавистную Канцелярию тайных розыскных дел и всем, под страхом наказания, запрещалось домогаться «слова и дела государева». Было издано множество ценных и взвешенных указов, способствующих укреплению законности, развитию торговли, строительству армии и флота. Однако по поводу выхода из войны с Пруссией, внешней политики и военных реформ до сих пор существует отрицательное мнение, сформированное еще при Екатерине. Этим вопросам и посвящена данная статья

Судьба Щелкунчика

Очевидно, что указы, посыпавшиеся как из рога изобилия в дни правления Петра III, не могли быть результатом тех нескольких часов, которые в среднем составляли разницу между одним и следующим указом. Подготовка их была, конечно, следствием давних разработок, а их настоятельность подтверждается неизбежной реализацией указов при правлении Екатерины. Для создания видимости политической обоснованности и законности свержения с престола Петра III Екатериной было сделано многое, чтобы оболгать Петра Федоровича. И в значительной степени это удалось сделать. Надев дурацкий колпак, его выставили в жалком и смешном свете и обвинили в предательстве. В анекдотах сквозит мысль, что это был скудоумный, капризный алкоголик и солдафон. Множество документов, как водится на Руси, при Екатерине было уничтожено или сфабриковано, написаны льстивые мемуары о перевороте. Немало неглупых людей по тем или иным причинам поучаствовали в создании негативного образа монарха. Так, родная сестра амбициозной Екатерины Дашковой Елизавета была любовницей Петра Федоровича и имела надежды вскоре стать императрицей. Екатерина Дашкова решила посоперничать с ней, сделал иную ставку. С теми же, кто был просто верен присяге или не согласен с официальной оценкой правления Петра Федоровича, Екатерина нещадно расправлялась. И таких в России было не так уж мало. Так попал в опалу дед А.С.Пушкина Лев Александрович. Поэт так пишет об этом в «Моей родословной»:

«Мой дед, когда мятеж поднялся
Средь Петергофского двора,
Как Миних, верен оставался
Паденью третьего Петра.
Попали в честь тогда Орловы
А дед мой -- в крепость, в карантин...».

Дерево без корней

Причины свержения Петра Федоровича с престола надо искать, не в общественном движении и даже не в шатких настроениях сколько-нибудь широких слоев дворянства или армии. В России того времени общественная жизнь почти ограничивалась столицей, а в ней, по сути, – императорским двором. Поэтому те или иные движения в политике и экономике России были теснейшим образом связаны с личностью властителя и ситуацией, окружавшей его при дворе. Эта особенность российского самодержавия XVIII в. давала императору как свободу действий, с одной стороны, так и не слишком высокую обеспеченность прочности своей власти, так как отсутствовала поддержка широких слоев населения. В этих обстоятельствах те или иные сколь угодно насущные и дальновидные решения могли быть легко торпедированы обыкновенной дворцовой склокой или интригами. Именно такая примитивная в своей основе борьба за власть, далекая даже от опоры на нужды дворянства, замыкающаяся в дворцовой среде, и лишила престола Петра III.

Широкое участие дворцовых лакеев и гвардии в перевороте объяснялось тем, что политика Петра III в войне с Пруссией и военные реформы, продолжающие «онемечивать» русскую армию, стали стержнем возмущения. В дворцовых кругах переворот усиленно декорировали под восстание и называли революцией. Хотя сейчас действия Екатерины можно было бы назвать популизмом, а спровоцированный переворот – угаром шовинизма, близкого к погромам футбольных фанатов.

Обе причины недовольства с поверхности, казалось бы, подкрепляются фактами: Петром Федоровичем заключен мир с Пруссией в финале победоносной войны и начато внедрение в армии новой формы одежды по прусским образцам. А если прибавить к этому не скрываемые Петром Федоровичем симпатии к Фридриху II (свидетелей этому было более чем достаточно), то их зачисляли в качестве причин предательства.

Эти подозрения и обвинения, порочащие Петра Федоровича как государственного деятеля, как императора, настолько распространились при воцарении Екатерины, что даже те, кто был сам свидетелем эпохи и составлял собственное мнение о личности императора, умолкали под их давлением. Позднее под внимательными взглядами исследователей многое из того, что изображалось в качестве доказательств бытовой несостоятельности Петра Федоровича как императора (инфантильность, пьянство, легковесность, вздорность и тому подобное) в основном оказалось анекдотами, легендами и умелой дезинформацией. Однако все эти поправки теряли всякую весомость на фоне главного обвинения – обвинения в предательстве интересов России, пусть даже и не умышленного. Более того, если монарх не был слабоумным и недальновидным шутком, то что же, как не пренебрежение интересами России, заставило его заключить мир с противником, дни которого, судя по успехам русского оружия, были уже сочтены?

Попытки объяснить весь комплекс действий и указов Петра III глупостью и недальновидностью входят в противоречие с очевидной их необходимостью и взвешенностью. Единственным решением этой задачи оказывается не только отрицание неполноценности монарха, но и утверждение глубокой осмысленности его действий. Тогда следует понять, что заставило Петра Федоровича принять эти решения.

Жертва коварства

В совокупности факты дают нам образ слабого монарха, который по недомыслию и неспособности к волевым решениям прошляпил вначале свой триумф, а затем трон и жизнь. Эта распространенная мысль соблазняет простотой объяснения событий. Это версия, в которую удобно вкладывается вся нелепость его судьбы. При этом мало кого смущает, что именно этого взгляда и добивалась Екатерина! Она создала глубоко эшелонированную защиту своего права на власть, желая добиться самого главного – признания того, что Петр Федорович не должен править. Но для того чтобы оспорить права на власть, ей нужны были высшие аргументы – государственные. Поэтому вопрос о степени необходимости и обоснованности мирного договора с Пруссией для Екатерины практически становился вопросом о власти. Оценка решения Петра III о немедленном выходе из войны как политически самого выгодного шага для России в сложившейся в Европе ситуации являлась равносильной признанию дееспособности и мудрости монарха. И напротив, обвинение в том, что заключение мира с Пруссией является предательством государственных интересов, давало право на его смещение. Поэтому первая оценка означала для Екатерины окончательную утрату возможности захватить трон, а вторая давала хорошие шансы на успех.

Как неоднократно обсуждалось историками, основным обстоятельством, способствующим возможности дворцовых переворотов в России XVIII столетия, было отсутствие четких нормативов наследования трона. После Петра Великого престолонаследие, прежде всего, осуществлялось по выбору монарха. Следовательно, достаточно было последнему умереть без завешания или его признают недееспособным, как любой близкий, кому больше повезет, мог претендовать на трон. После смерти Петра I трон заняла его жена Екатерина. Отсюда вполне логично, что после смерти Петра III трон также может занять его жена. Другой прецедент – обвинение царевича-наследника Алексея в измене и его казнь. И решение об этом принималось не царем, а Сенатом. И, наконец, Петр Федорович еще не был коронован по русским обычаям в Москве, оставаясь, в сущности, наследником. Таким образом, от законного престола Екатерину отделяли два необходимых шага: первый – сместить супруга, второй – убить его. Эта шахматная комбинация была выстроена ею вполне по прецедентам тогдашней российской истории.

Таким образом, оценка правильности заключения мирного договора с Пруссией является ключевой оценкой для оценки всего правления Петра III. Нас интересует, прежде всего, совпадает ли легенда, на основании которой Екатерина выстроила переворот 1762 г., с реальным положением дел? **Конкретно вопрос можно задать так: было ли решение Петра Федоровича о скорейшем выходе из Семилетней войны и сепаратном мире с Пруссией обоснованным и соблюдавшим государственные интересы России?** От решения этого вопроса зависит оценка многих моментов отечественной истории.

Обстоятельства требуют разобраться в военной политике Петра III и его реформах.

Идеалист

Петр Федорович (Карл-Петер) родился в 1728 г. и доводится племянником Елизавете Петровне, так как был сыном ее сестры Анны Петровны и голштинского герцога Карла Фридриха. Мальчик рано осиротел. Мать умерла после родов, а отец, Карл Фридрих, умер в 1739 г. Петр Федорович первые 14 лет своей жизни прожил в Киле, а остальные 20 – в Петербурге. В России он прожил безвыездно всю сознательную жизнь. Таким образом, по сути, он не был ни немцем, ни русским и ему, очевидно, как никому другому были свойственны пацифистские настроения. Говорят, что он плохо говорил по-русски, предпочитая говорить на иностранных языках и, прежде всего по-немецки. Пример эффектный, но не убедительный. Ведь и Екатерина II плохо говорила по-русски до конца

своих дней. Позже многие дворяне в России предпочитали говорить по-французски, в том числе и М.И. Кутузов, но это не являлось поводом для обвинений их в непатриотичности. С акцентом говорил на русском И.С. Тургенев!

Пацифистский идеализм Петра III, позднее обнаружившийся в его взглядах, был бы уместен для философа, ученого или писателя того времени, но оказался особенно несвоевременным для политика и тем более монарха. Его выходы на торжественных выходах и приемах воспринимались при дворе не как озорство молодого насмешливого ума, а как нечто враждебное всему русскому. Хотя, скорее всего, они бы считались опасным умонастроением на любом престоле. Судите сами, как многие отмечают – характернейшей чертой Петра Федоровича было то,

что он являлся «врагом всякой представительности и утонченности», сознательно нарушал и высмеивал этикет, придворный церемониал, субординацию и правила поведения, находя удовольствие в том, чтобы этим шокировать знать. «Непонятно, как принц его лет может вести себя так ребячески», – писал прусский посланник.

Внешне Петр Федорович был среднего роста (не ниже 175 см), но тонок в кости, узковат в плечах и с небольшим животиком. Он был белокур, лицо имел круглое, приятное, с голубыми смеющимися глазами. Его худоба и раскованная веселость в то время не были модными качествами, особенно в России, где дородность и степенность оставались эталоном вельможи. Фрейлина Н.К. Загряжская так говорила о нем А.С. Пушкину: «Я была очень смешлива; государь, который часто приезжал к матушке, бывало, нарочно меня смешил разными гримасами; он не похож был на государя». Петр III мог, скорчив гримасу, показать язык неприятному вельможе, допустить бесцеремонный жест. Протокольное поведение его забавляло как ребяческая игра. Несоответствие образу русского царя сыграло для него печальную роль. Если к этому добавить самостоятельность политических взглядов, отрицательное отношение к втягиванию России в Семилетнюю войну, то в обстановке интриг названные качества представлялись как слабоумие, непредсказуемость и слабость самодержца. Он заявлял, что Россия бу-

Неизвестный художник.
Портрет императора Петра III XVIII в.

дет со временем сожалеть о том, что вошла в союз с Австрией и Францией, так как ей отводилась роль резерва союзников и не полагалось играть самостоятельную роль. Иностранные посланники Австрии, Франции, Швеции и Саксонии при дворе Елизаветы подогревали страсти анекдотами и ложью, подавая Петра III «северным тираном», «деспотом» и сумасбродом.

В психологии есть понятие суггестии, или внушения. Это не гипноз, а то свойство, по которому «новый сосуд долго пахнет тем, чем наполнили его впервые». Для того чтобы воспринять что-то новенькое, не нужны аргументы, но для того чтобы отказаться от полученной информации, требуются серьезные усилия. Легко навязать первое мнение, но требуются уже сильные аргументы, чтобы заменить его. Главным источником навязанного мнения о Петре Федоровиче является Екатерина, однако стоит ли преступнице верить на слово? К тому же люди особенно склонны верить в проявление человеческих слабостей. Сложность и неоднозначность человеческой личности позволяют легко вместить великое и смешное. И почему-то в последнее люди верят охотнее, чем в первое. Умелая подача фактов позволяет манипулировать сознанием людей. Вот пример сопоставления фактов: да, Петр Федорович охотно при свидетелях философствовал о необходимости казней и жестокости власти. Однако, анализируя указы или порядки, введенные Петром III, ни один объективный историк не сможет упрекнуть его в практике употребления насилия и подтвердить фактами распространяемое мнение о нем как о тиране и самодуре. Напротив, ряд его указов посвящался требованиям гуманного отношения начальствующих к крепостным и солдатам. Несколько помещиков были наказаны лишением прав на имение или пострижением в монастырь за попытки дворовых и разорение крестьянства. В именном указе от 9 марта 1762 г. предписывалось «солдат, матросов и других нижних чинов... не штрафовать отныне бесчестными наказаниями, как-то батожем и кошками, но токмо шпагою или тростью». Преображенцы говорили наследнику: «Дай бо; чтобы Вы скорее были нашим государем, чтобы не быть нам под владычеством женщины». Постоянное движение в сторону либерализации жизни народа, ослабление крепостной неволи произвели сильное впечатление на всех, кого они касались, – крестьян, казачества, однодворцев. Фактически же многие из законов не успели вступить в силу и были ликвидированы после убийства монарха. Пробудившиеся надежды дали основу народным легендам, представлявшим его освободителем народа и пострадавшим за это. Недаром Пугачев выдавал себя за спасшегося Петра III.

Позже Рюльер напишет, что Петр Федорович с детства «страстно привязался к... благородным идеям, но, мешая великое с малым, подражая героям – своим предкам, по слабости своих дарований оставался в детской

мечтательности». Даже эта осторожная характеристика изворотливого иностранца совсем не сходится с образом взбалмошного тирана и предателя, рисуемого Екатериной и ее придворными. Кстати, Петр I влюбленный в Голландию, пытался копировать ее государственные порядки, хотел построить Петербург весь в каналах, на голландский манер. Он не желал замечать ни разницы в социальном устройстве буржуазной Голландии, ни разницы в климате и расположении своей столицы. Ну а жестокость Петра I общеизвестна. На его фоне обвинения в тиранстве Петра Федоровича просто смешны. Неужели на наш окончательный вердикт влияет не истина, а только успешность или неуспешность судьбы исторического лица? Свергли и убили – значит, слаб и неправ?

Либерал на троне

Елизавета имела многочисленные причины поскорее женить князя и дожидаться внука-наследника. Хитрый прусский король Фридрих II (1712-1786), который унаследовал трон в 28 лет, в 1740 г., почти одновременно с Елизаветой, сосватал свою «протезе» – Анхальт-Цербстскую принцессу Софию Фредерику Августу. По его мнению, именно будущая Екатерина «более всех годилась для России и соответствовала прусским интересам». У лукавой невесты были планы собственной роли при дворе, чем она немедленно и занялась. При этом навсегда осталась тайным корреспондентом своего свата. А предоставленный в значительной степени самому себе, Петр Федорович, получив в 1743 г. Ораниенбаум в свое распоряжение, держался в нем подальше от теткинго двора с его ночными гуляньями и бездельем. «Когда я буду нужен, пусть только пришлют конюха; потому что жизнь в Петергофе для меня невыносима», – писал он И.И. Шувалову. Соорудив в парке «потешную» крепостицу Петерштадт, с «карманным» дворцом в центре, он создал себе замкнутый уютный мирок. В своей частной жизни вовсе не был столь пуст, раздут и ограничен, как это обычно представляется с подачи Екатерины. Ни о какой влюбленности только в одно прусское нет и речи. Петр Федорович знал несколько европейских языков, увлекался чтением французских романов, сам выучился играть на скрипке и, даже будучи уже императором, любил садиться в оркестровую яму в качестве простого скрипача на театральных представлениях, что тоже рассматривалось знатью как неприличное чудачество. В музыке, как, впрочем, и в изобразительном искусстве, он был поклонником итальянской школы. Хорошо разбирался в живописи и архитектуре (Антонио Ринальди являлся его придворным архитектором). Коллекционировал скрипки, монеты. «Как только выходил каталог новых книг, он его прочитывал и отмечал множество книг, которые составили порядочную библиотеку», – писал академик Штелин, заведовавший этой библиотекой. Среди книг были и сочинения Вольтера. Легкий, жизнерадостный, шумный, Петр Федорович буквально не мог усидеть на месте и, размышляя, любил расхаживать взад и вперед, что-то напевая. Некоторые отмечают его вспыльчивость, но ее скорее можно было бы назвать юношеской запальчивостью, чем злобностью. Наследник любил поспорить горячо, но был отходчив и добр. Обычай собираться в тесной кампании друзей, дурачиться без чинов, курить и пить спиртное вызывала осуждение у придворных, соблюдавших чопорную дистанцию в иерархии. Будучи императором, он часто ходил по городу пешком, один и без охраны, и общался с окружающими его людьми. «Я один пешком гуляю по улицам Петербурга; если бы кто-нибудь хотел мне причинить зло, то давно бы мог исполнить свой замысел», – писал Петр Федорович. 2 апреля побывал на Шпалерной фабрике, затем зашел в Летний сад, а по пути во дворец посетил своего бывшего камердинера... нет, не немца, а Петра Герасимова. Вскоре после этого разрешил «гулять всякого звания людям» в Летнем саду.

Кумир Петра III

Петр Федорович наивно восхищался Фридрихом II, но нам легко оценить эту наивность, когда мы уже знаем весь жизненный путь прусского короля. А что мог оценить Петр Федорович? При нем прошла только первая, лучшая половина жизни Фридриха II. Тогда не только Петру Федоровичу, наблюдавшему издали, казалось, что Фридрих всерьез может воплотить мечту века Просвещения – дать пример справедливого, сильного и просвещенного монарха. И поводов к тому было предостаточно: Фридрих молод и деятелен, он покровительствует искусствам, сам играет на флейте, полемизирует с Макиавелли в своих литературно-философских сочинениях, ведет переписку со многими философами и учеными, строит дворцы в пригороде Берлина, на манер французских. С 1750 по 1753 г. у него живет сам Вольтер! Сразу же по восшествии на престол он уничтожает пытку, провозглашает религиозную веротерпимость, создает новое, более совершенное уложение законов и, наконец, – лучшую в Европе армию! Начал Семилетнюю войну еще достаточно яркий, цветущий 45-летний человек, хотя вроничный и жесткий, бросивший смелый вызов половине Европы и небезуспешно с ней сражающийся. Это много позже он окончательно сбросит с себя весь этот флер, и обнажится желчный, скупой и мелочный человек, который цинично заявит соотечественникам, что дураками надо править только палкой безо всяких затей.

Но копировал ли внешность и поведение «короля-солдата» Петр Федорович? Нет, он даже выглядел его противоположностью. Судя по описаниям Станислава Понятовского, польского короля, Фридрих Прусский производил впечатление стесняющегося, чуждающегося шумного общества человека. «Он смотрит угрюмо, блуждающим взглядом; в нем нет уверенности в себе; он одет грязно и в его осанке нет благородства», – свидетельствует польский король. Но в России-то об отсутствии реального сходства между монархами мало кто знал.

Петр Федорович и военное дело в России

Практика частых войн в Европе первой половины XVIII в. показала: решающая роль для проведения независимой государственной политики заключается в создании регулярной профессиональной, хорошо обученной и технически оснащенной армейской машины. Собственно, можно считать, что это была первая военная гонка в мире. Внимание монархов Европы обратилось к совершенствованию своей военной машины не только из честолюбивых планов, но и из-за опасения быть слабым и пасть жертвой других. Кстати, именно в это время безусловное превосходство кавалерии было поколеблено успехами организованной пехоты. У всех на глазах были примеры Карла XII, Петра I, Морица Саксонского, Вильгельма Фридриха и Фридриха II и других, успешно решавших свои проблемы с помощью оружия. Наполеон говорил, что сила всегда воспринимается серьезно. Среди дворянства стало выгодно и модно заниматься военными науками. Не избежал этого увлечения и Петр Федорович. Но многие из вельмож и генералов России после Петра I любили только время от времени полкочиваться разноцветным военным шоу и большей частью были увлечены интригами в залах дворцов. В отличие от них Петра Федоровича действительно увлекали фортификация, артиллерия и методика учебных тренировок армии. Будучи выключенным своими интересами из лустой жизни елизаветинского двора, наполненного еженощными балами и фейерверками, он занимался практикой армейских проблем на примере своего маленького гарнизона в Ораниенбауме. Старался перевести характер службы офицеров и генералов из области почетной оказии в область регулярных практических занятий с вверенным подразделением. В своих поисках он сблизился с офицерами, которые в дальнейшем оказались среди выдающихся талантов России того времени.

Если поговорка «скажи мне, кто твой друг, – и я скажу тебе, кто ты», справедлива, то круг общения лучшим образом проясняет личность Петра Федоровича. В числе его ближайших друзей и единомышленников мы видим Мельгунова, Румянцева, Мордвиновых, Спиридонова, Шуваловых, Воронцовых, Бестужева, Ломоносова и многих других. Знаменательно, что через 2 недели после убийства Петра III Ломоносов пишет Екатерине прошение об отставке. Любимцем Петра Федоровича был Петр Александрович Румянцев, на которого в Пруссии с восхищением взирал молодой офицер А.В. Суворов. В это же время в кадетских корпусах, в жизни которых Петр Федорович принимал наиболее деятельное участие, учились Кутузов и Ушаков. И если Петр Федорович, как свидетельствуют, знал всех кадет в лицо и поименно, то уж любимца своего лучшего друга П.И. Шувалова, отличника учебы М.И. Голенищева-Кутузова он не мог не знать. Да и случайно ли такие черты личности Петра Федоровича, как подвижность, вспыльчивость, шутка, демократичность, оказались характерны для многих лучших военачальников той эпохи и наиболее нам знакомы по поведению все тех же Суворова, Ушакова, Кутузова. Роднящей частью этого духа был и искренний интерес к рассмотрению армейских проблем, где важнейшими становились выучка солдата, его одесда, быт и настроения. Вот этот интерес к службе нижних чинов и называли «капральством» при дворе. Припомним, что даже много позже за это же внимание к нижним чинам при дворе подвергали насмешкам Суворова, Ушакова и даже Потемкина. Ни о каком панибратстве с солдатами речи не идет! Существует даже указ Петра Федоровича, который требует «штаб- и обер-офицерам с унтер-офицерами и другими нижними чинами фамильярно не обходиться, дабы оные к ним почтения не теряли».

12 Февраля 1759 г. Петр Федорович был назначен Главнокомандующим Сухопутным шляхетским кадетским корпусом. Корпус, как одно из первых военных учебных заведений в России, играл заметную роль в подготовке офицерских кадров, и до открытия университета в значительной степени выполнял его роль, являясь одним из немногочисленных учебных заведений с высокой образовательной подготовкой.

Но надо отметить и то, что за годы царствования Елизаветы это учебное заведение стало приобретать славу, подобную Смольному институту во времена Николая I, и было чем-то вроде Пажеского корпуса. Так, в 1751 г. там играли трагедию Сумарокова, где главную роль исполнял молодой кадет Н.Н. Бекетов. Он понравился Елизавете и в ближайшие дни взлетел до майора. Его начала протаскивать в фавориты целая партия придворных во главе с Бестужевым, другая же партия, с И.И. Шуваловым, противоборствовала. Не прошло и месяца, как альковный полковник уже жил в петергофском дворце. Но взлет Бекетова в 1751 г. был кратким и анекдотичным: тем же летом интриганы сумели его удалить от двора, распуслав слухи о непристойной болезни. Вообще ходило множество историй и анекдотов, связанных с похождениями кадет. Придворный уклон требовал развития не столько военных дисциплин, сколько общего образования, манер, литературных и музыкальных талантов, языков и прочее. Недаром среди выдающихся литераторов XVIII в. мы видим большое число выпускников кадетского корпуса елизаветинского времени.

Своеобразный альковный перекоc привел к тому, что подготовка по основному профилю корпуса ослабла и ее следовало укрепить. Петр Федорович сразу энергично включился в эту работу. Но начал наш «солдафон» вовсе не с плаца и шпицрутенов, а прежде всего расширив круг преподаваемых предметов и улучшив библиотеку, параллельно создавая базу для практических учений в Красном Селе. Что касается наказаний, то «батожье» и «кошки» были запрещены, а шпицрутены почти выведены из практики. Петр Федорович тут же начинает требовать недоплаченные ранее корпусу деньги на материальное обеспечение занятий, быта и здоровья кадет, на устройство типографии. В многочисленных обращениях к Сенату он указывает причину своей обеспокоенности – «чтоб армию достойными офицерами наполнить». В кадетском корпусе стали печатать книги, организовывать переводы, проводить исследования с помощью анкет.

Впрочем, в смотрах и вахтпарадах Петр Федорович тоже оказался среди родоначальников, но эта мера в его время носила элементы рационального замысла – остановить наметившееся разложение армии. Став императором, он повелел всем офицерам и генералам лично проводить строевые занятия и при том в любую погоду! Конечно, персонам, прибывшим в гвардию на ловлю чинов, этот указ не понравился. Распространено мнение, что Петр Федорович в военной сфере копировал только Пруссию. Это ложное мнение. Образцом для подражания во флоте он считал Англию. «Равномерное попечение начал было иметь сей государь и о поправлении и приведении в лучшее состояние нашего флота», – пишет Болотов. А побеспокоиться было о чем.

Упадок флота

За время, прошедшее после славных побед Петра I, российский флот пришел в бедственное состояние, которое не укрылось и от иностранцев. Так, д'Аллион в 1749 г. писал, что половина Балтийского флота не выдержит серьезного плавания, а Арденфельд доносил, что «флот так плох», что на маневрах для показа императрице адмиралы смогли поставить в порту лишь 8 лучших судов. В 1749 г. Адмиралтейство представило девятый доклад, за последние пять лет, с одной и той же темой – положение российского флота угнетающе плохое. Иностранцы отмечали, что в Кронштадте «постройки со времен Петра I обветшали и мало населенные», что они уже разрушаются. Но мольбы о помощи флоту не находили отклика у Елизаветы. И хотя штаты 1733 г. и штаты 1757 г. имеют примерно одинаковое число и пропорции боевых кораблей (32 корабля), Семилетняя война наглядно показала их действительное состояние. Преддверие скорой войны требовало перемен. В 1752 г. был учрежден Морской шляхетский кадетский корпус, однако подготовка хозяйства, подбор администрации и штатов продолжались до 1756 г. и начавшаяся война подвела черту под таким отношением к флоту. Расстановка сил на море к началу Семилетней войны была не в пользу России. Англия владела сильным, современного оснащения, флотом, насчитывавшим 169 кораблей. Союзная Франция имела 63 корабля, а у России на Балтике было 32 корабля и 42 галеры, наличный состав Балтфлота составлял 25 тысяч человек, большинство из которых не плавали дальше Кронштадта и были плохо обучены. Красноречив тот факт, что из 27 посланных к осажденному Кольбергу транспортных судна 11 пошло ко дну вместе с экипажами от открывшихся течей, не достигнув места назначения. Корабли обветшали и не выдерживали обыкновенного свежего ветра, а набранные из крестьян команды просто не умели плавать. Да и прибыв на место, флотилия сильно пострадала от... собственных залпов, отрывавших борта и создающих течи.

Петровский флот, в силу обстоятельств торопливо сделанный из сырого, невыдержанного леса мастерами, не имевшими векового опыта и набора секретов, был несовершенен и недолговечен. Впрочем, и срок их службы (12–15 лет) давно истек. Неоднократно капитально отремонтированный, он был просто жалок. К этому надо добавить, что флот укомплектовали ненадежными командами, так как (по докладам Адмиралтейства) во флоте налицо была только половина штатных офицеров, а большинство матросов набраны из пехоты: они понятия не имели о море. Положение с офицерскими кадрами флота усугублялось полным небрежением к подготовке смены. Число учащихся в школе гардемарин при Петре I было около 300, к 1739 г. сократилось до 66, а к началу Семилетней войны стало 100–120 человек. Но самое смешное, что в это число входили те, что были набраны еще Петром I. Система производства по службе, принятая первоначально, вообще не служила популярности флота у дворян. В петровском Уставе Морском было сказано, что гардемарина ранее 7 лет службы в мичманы не производить. Но на практике их вообще перестали продвигать по службе. В 1737 г. около трети гардемарин (24 человека) имели от роду от 32 до 45 лет, к тому же «были в низших науках». Так, гардемарин Иван Трубников в 1744 г. был уволен после 30-летней службы, в возрасте 54 лет, «по болезням и старости и как к обучению наук находится уже не надежен». Завелись уже отец и сын – гардемарины. Впрочем, с 1737 г. и офицеров флота уже лет десять-двенадцать не продвигали в чинах. В 1748 г. Коллегия Адмиралтейств писала о «запустении флотов и портов». Соответственно падению интереса государства к флоту падала и дисциплина в нем. Командиры портов часто доносили, что гардемарины «содержат себя невоздержанно и во многих предрозостях, пьянстве и шалостях, за что хотя наказываемы, токмо то чинить не перестают и к обучению непонятны ...». «Шалости» же гардемарин, судя по их описанию, вполне подходили бы под статьи современного уголовного кодекса из разделов воровства, грабежа и разбойных нападений с тяжкими телесными повреждениями.

Обстоятельства войны пощадили флот России, и серьезных сражений на море он не имел, но урок должно было усвоить. Надо было срочно наверстывать упущенное. Перед Петром III обозначились две настоятельные задачи – срочное приглашение специалистов из-за границы для наведения порядка в существующем флоте (тактическая) и строительство новых кораблей с усиленной подготовкой отечественных кадров флота (стратегическая). Обе эти задачи начали выполнять немедленно. С момента появления на престоле Петра III и за полгода его правления было сделано удивительно много в этом направлении. 16 февраля 1762 г. следует указ об учреждении особой Комиссии для приведения в лучшее состояние флотов. 22 марта появляется примечательный указ о запрещении производства топорных досок и организации ветряных и водяных лесопилен. **Ведь до этого из одного ствола топором вытесывалась одна доска!** «Топорные доски, к сохранению лесов, вовсе пресечь» – требовалось в указе. Категорически заявлялось, чтобы весной 1763 г. ни одной барки не было сделано из топорной доски. Лесопилы резко повысили производительность труда, дав в короткий срок необходимый для стро-

ительства флота материал. 26 марта был дан указ «о дозволении Адмиралтейств Коллегии увольнять морских чиновников от службы за пьянство» не представляя запросов в Сенат. За полгода спустили на воду несколько судов и многое сделали по наведению порядка в портах и на верфях. Петр III собирался послать 20 человек из Морского кадетского корпуса на учебу в Англию. Но пока формировали команду и вели переговоры, Петр Федорович был убит. Указ выходит уже 13 августа, и в конце 1762 г. команда отправляется в Англию. Российский император предполагал брать на службу английских морских офицеров для организации отечественного флота по наилучшим стандартам. Вопрос был поставлен вместе с восстановлением отношений с Англией, что и произошло в июне месяце, но первая группа английских моряков прибывает на службу в Россию в начале 1763 г., при Екатерине. В числе прибывших был и 28-летний лейтенант английского флота С.К. Грейг, в будущем герой Чесмы и прославленный адмирал, отец знаменитого русского флотоводца А.С. Грейга. В Комиссиях флота при Петре III идут работы по рассмотрению нового морского регламента.

Знаменательна последняя попытка Петра Федоровича овладеть положением во время переворота – намерение закрепиться у моряков в Кронштадте, но заговорщики сумели этого не допустить. Говорят, что после переворота моряки в кабаках плевали в лица гвардейцев, говоря, что те за пару рублей продали своего императора.

Служить по Уставу или «по понятиям»?

Указы Петра III и факты достаточно красноречиво характеризуют положение в армии по пунктам, вынесенным в заголовок. При Елизавете для офицеров были возможны длительные отпуска и отъезды по личным делам, да и те, что находились при частях, редко заходили к солдатам, редко надевали форму. Отцы-командиры на кораблях нередко являлись к команде в шлафроках и ночных колпаках, а сухопутные навещали своих «сынков», только узнав о криминале. Полковые командиры держали при себе команды разных умельцев и денщиков и использовали их по своим надобностям. Солдаты и унтер-офицеры подрабатывали на разных работах, учений не было никаких, и никто их не тревожил. Смотры собирали редко и в хорошую погоду. Широко было развито взяточничество. Как следует из материалов, за взятку полковому писарю солдату можно было уйти в годичный отпуск по благовидной причине. В полках царили унтер-офицеры и капралы, которые чувствовали себя там хозяевами и разгуливали в партикулярном (гражданском) платье. Все решалось келейно и «по совести» (или как сейчас бы сказали «по понятиям»). Солдаты же за «доброту» обещали, как водится на Руси, «если что», «живота не пожалеть и костями лечь». Плоды подобной организации в армии сказались в Семилетнюю войну, которая, как всегда, обошлась России очень дорого. В каждом полку по усмотрению полковых командиров были какие-то свои обычаи и выдуманные привилегии, которые доходили до своеобразия в форме одежды. Каждый полковой командир импровизировал на свой лад, лишь отдаленно следуя принятым образцам.

В елизаветинской гвардии, и в особенности в Лейб-кампании, служба и дисциплина носили еще более условный характер, заключааясь, в основном, только в несении караульной службы. Практически не выходя из дворца, они разгуливали по его залам, галереям, слонялись между высокопоставленными особами и играли в карты. Содержание Лейб-кампании (150 человек) стоило двору до 2 млн рублей ежегодно. Петр Федорович называл их «янычарами» и как только взойшел на престол всех уволил, пополнив за счет них ряды недовольных при дворе.

Понимая, что дисциплина солдат зависит от требовательности командиров и повседневного поддержания строгого порядка, Петр III издает указы, требующие постоянного присутствия офицеров при части и устройства ежедневных вахтпарадов, на которых осуществляются проверки: наличия личного состава, строевой подготовки, знания приемов владения оружием, перестроения и маневрирования подразделений. Указом от 7 февраля 1762 г. запрещалось унтер-офицерам и капралам носить партикулярное платье, а все командиры обязаны были следить за отпущками солдат с мест постоя. С 26 февраля Петр III вводит вновь, как при Петре I, принесение присяги всеми поступающими на военную службу по форме военного устава. Разумеется, ни один из этих указов не пришелся по душе ни разленившимся солдатам гвардии, ни офицерам, давно привыкшим жить вольно и по-домашнему.

В перспективе Петр III хотел перевести солдат на казарменное положение, но первые начинания в этом сделали уже лишь Екатерина. Все эти меры, впоследствии окончательно выродившиеся в муштру, были совершенно необходимы в тот момент, но оценены придворными и войсками как тиранство и посягательство на их права и свободы, чем во многом объясняется активное участие гвардии в перевороте.

В сетях европейской дипломатии

Война, первоначально казавшаяся коалиции быстрой и успешной, затянулась, да и дележ предполагаемой добычи становился сомнительным. К 1760 г. коалиция выдохлась и в ее странах началась тайная дипломатическая кампания по торговле сферами влияния в случае заключения сепаратного мира. Но именно к этому моменту Россия стала предпринимать наиболее решительные военные действия, и ей сопутствовал успех.

Справедливости ради надо сказать, что елизаветинская Россия еще не выработала последовательных связей и целей в европейской политике, и ее пытались склонить на свою сторону дипломаты разных стран. На свою сторону перетягивали одеяло то Франция, то Англия, то Австрия. Неустойчивость «симпатий» России давала ей невысокий рейтинг доверия даже со стороны тех, чья дипломатия увенчивалась успехом. Так, 19 сентября 1755 г. Россия подписала договор с Англией, по которому обязалась помочь ей армией в 75 000 человек в войне против

Франции и Пруссии. Но затем Англия подписывает договор с Фридрихом, и в феврале 1756 г. Елизавета разрывает с ней прежний договор, считая Англию союзником Пруссии. Но чувствуя в России недожимную силу, многие дипломаты продолжали возлагать надежды на использование этой силы для решения проблем своих стран. 29 ноября 1760 г. агент секретной дипломатии барон Бретейль писал герцогу Шуазелю, военному министру Франции: «Я был далек от того, чтобы укреплять непосредственный союз с русской империей, пока я считал возможным покопчить наше дело о мире с Англией без ее помощи, но теперь... я убежден более сильно, чем кто-либо другой, что мы ничем не должны пренебрегать, чтобы обеспечить нашу связь с этой империей...». В своих планах дальновидный дипломат советовал идти на любые жертвы ради такого контакта. С 1800 г. Наполеон, реально оценивший истинное значение России в Европе, тоже вовлекал Россию через Павла I в войну против Англии в союзе с Францией, но решительному взаимодействию помешало убийство российского императора.

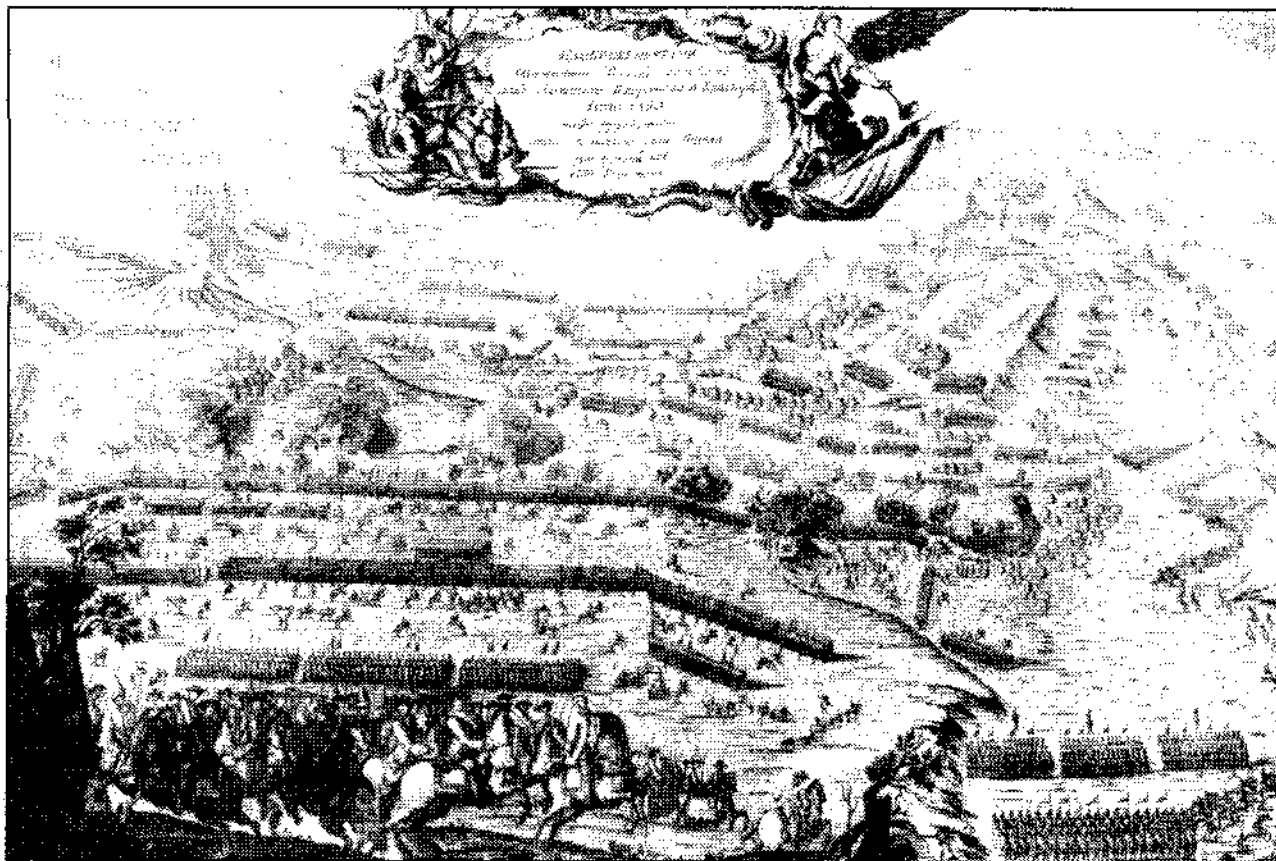
Ошибочные альянсы

На основании симпатий и восторгов еще нельзя считать, что Петр Федорович, беря за пример для подражания Фридриха, собирался сделать из России прусскую провинцию, как инкриминировали ему интриганы. У него были собственные честолюбивые планы. Но предшествующие годы, наводнившие Россию немецкими авантюристами, затем страшноватые годы бироновщины были дурным фоном для реализации прусской модели голштинским принцем. Особенно некстати эта модель стала после начала войны с Пруссией. Правда, понимая, куда приведет ориентировка в международных делах на Австрию, а не, например, на Англию, молодой Петр Федорович открыто заявлял: Россия со временем будет сожалеть, что вошла в союз с Австрией и Францией. Он, росший в одном из городов Ганзейского торгового союза, вообще пропагандировал переход от методов конфронтации к сотрудничеству и соревнованию с соседними государствами в торговле. Впрочем, был не одинок в своих взглядах. Еще ранее канцлер Елизаветы Бестужев в самом начале ее правления противился союзу с Австрией, ясно ведущему к конфронтации с Пруссией. Однако такой союз был заключен в 1746 г. Это был стратегически неверный шаг. Россия нуждалась в торговле с Западной Европой, в частности с Англией и Голландией, торговые отношения с которыми с трудом налаживались в течение всей предыдущей истории. По мере того как Европа выходила на «тропу войны», Россия все больше оказывалась заложницей обстоятельств своей же непоследовательной политики, попав в коалицию малоперспективных для ее развития стран со слабой экономикой и загнывающими абсолютистскими режимами. А торговавшая с нами многие годы Англия оказалась на стороне Пруссии. К тому же в условиях, когда страны антипрусской коалиции, такие, как Австрия, Франция, Швеция, Испания, некоторые германские государства, вошли в войну при своих условиях дележа добычи (в случае победы). По разным договорам между союзниками тщательно оговаривались предполагаемые вознаграждения, территориальные претензии и сферы влияния, но в русско-австрийском договоре от 8 февраля 1757 г. о будущем вознаграждении союзной России ничего не говорится, зато оговорена ежегодная военная субсидия Австрии со стороны России в 1 млн рублей и поставка 80 000 армий. При этом, кроме прямых военных расходов, Россия, вступив в войну, теряла морскую торговлю, как с самой Англией (как союзницей Пруссии с 1757 г.), так и с другими государствами, ввиду военного положения в морях Северной Европы. Всякий взглянувший на карту может видеть, что сухопутная торговля также осложнилась театром войны, так как Пруссия отгораживала Россию от Европы на самых торных сухопутных торговых дорогах. Россия еще даже не вышла к Черному морю. На юге Европы, на Кавказе, в балканских странах, Греции, на Ближнем Востоке и совсем рядом – в Крыму и на юге Украины – всюду господствовала Турция, которая с каждым новым дипломатическим шагом склонялась к союзу с Пруссией. Пути через Сибирь на Восток или торговля со Средней Азией были еще в самом зародыше.

Что же выигрывала Россия в случае ее близкой и полной победы над Пруссией? Неужели Петр Федорович совсем не думал об этом? Все плоды этой победы оказались бы добычей, прежде всего, коалиции, где каждая союзная сторона потребовала бы свою долю пирога согласно договорам, в то время как Россия ничего вразумительного не оговаривала. Ее завоевания и права никем не санкционировались. После такой победы натянутые отношения с Англией и разоренной Пруссией надолго стали бы неблагоприятным фоном для торговых отношений с ними. На поддержку недавних союзников рассчитывать тоже не приходилось. Соединившись по своим интересам в антипрусском союзе, они при этом вовсе не испытывали дружеских чувств к России. Австрия в конце войны уже вела закулисные переговоры с Францией и Швецией и тайно от всех – с Пруссией. Они лелеяли планы отеснения России от европейского пирога, осложнив ее отношения с коалицией постановкой вопросов о Польше, Восточной Пруссии, Шлезвиге и о некоторых других районах Балтийского моря, где влияние России стало уже фактом. В случае победы над Пруссией Россия определенно была бы втянута в новую войну, теперь уже со странами бывшей коалиции и с Турцией, и без надежд на чью-либо поддержку. Между тем финансово-экономическое положение России к тому моменту стало кризисным. К нему быстро привели особенности российского бюджета.

Война и особенности феодального абсолютизма

Дело в том, что Россия была еще глубоко феодальной страной с третьестепенным по масштабам европейских стран бюджетом. Бюджет России при Елизавете был около 20 млн рублей, в то время как Англии – около 600! Но

Битва при Пальциге 12 июня 1759 г. Гравюра середины XVIII в.

будучи третьестепенным по сумме, он являлся одним из немногих в европейских странах по свободе обращения с ним, так как был не столько оборотным капиталом, сколько, подобно сливкам, составлен из налогов. При этом многое из того, на что в Европе правительства тратили деньги, в России взималось бесплатно как обязанность. В частности, обеспечение армии на территории России практически исчерпывалось поставками оружия и обмундирования, в то время как ее содержание и передвижение входили в обязанность населения, которое давало кров, еду, транспорт и т. д. Поэтому российская администрация позволяла себе роскошь платить за службу нерегулярно не только солдатам, но и офицерам, спокойно полагая, что и те и другие найдут при необходимости деньги работой или поборами. Считалось, что быть командиром полка не менее прибыльно, чем иметь несколько тысяч крепостных. В этих условиях российские финансы могли быть безболезненно направлены на роскошь дворцов и парков, на балы и фейерверки. Но это преимущество, подобное силе Антея, обратилось в недостаток с началом войны в Пруссии. К финансовым потерям от упадка торговли, от ухода рабочей силы в армию, от повышенных расходов на вооружение добавились расходы на содержание армии. С одной стороны, воюющий солдат уже не мог подработать, а с другой, существование армии на территории иностранных государств уже не было бесплатным. «Два фунта хлеба ежедневно без всякой другой пищи...» – вот и все, что получал рядовой в этой войне. Резко возросшие платежи легли тяжким бременем на Россию. Казна была пуста, страна нищала, армия роптала. «В 1762 г. при вступлении моем на престол, я нашла сухопутную армию в Пруссии за две трети (года. – В.М.) жалования не получавшую», – пишет Екатерина. И это была правда, которую она лукаво отнесла на счет Петра III. Стало абсолютно ясно, что как с экономико-финансовой, так и со стратегической политической стороны продолжение войны для России стало бесперспективно.

На чужом пиру похмелье

Помимо прочего, в ходе войны выявилась масса недостатков в организации армии, ее отсталость от передового опыта. Требовалась военная реформа. На антипруссских и националистических настроениях Россия начинала войну легко. Энтузиазм обеспечил, несмотря на предательства и просчеты, ряд великолепных успехов, таких, как полная оккупация Восточной Пруссии, с попытками подвести ее под русскую корону, взятие Берлина и значительной территории Пруссии. Терпя усугубляющиеся экономические и финансовые тяготы, многие тешили себя мыслью, что победа совсем близка. Поэтому, когда Петр III неожиданно вывел Россию из войны, недалекие люди, не понимая глубоких причин этого, заподозрили простое предательство. По свидетельству современников, простые солдаты были рады окончанию непонятной им войны, но некоторые офицеры имели другое мнение.

Логика при этом была предельно примитивна: монарх – немец, нас предали и победу украли! Тем более, что подозрения в предательстве руководства не были беспочвенны. За время ведения кампании несколько военачальников были обоснованно изобличены в этом. А так как Петр Федорович открыто восхищался Фридрихом и даже вел с ним переписку, все подозрения в предательстве после заключения мира с Пруссией, прежде всего, ложились на него. Но материалы расследования измены генерала Тотлебена позволяют считать главным осведомителем пруссаков Екатерину, тихо помалкивающую о своих старых и прочных связях с прусским монархом. Именно она, взойдя на престол, помиловала и амнистировала Тотлебена, приговоренного елизаветинским судом к смертной казни за измену, а не Петр III, который мог бы это сделать раньше, имея он к предательству какое-то отношение. Заключив мир, император не спешил с выводом войск с территории Пруссии. И, наконец, главное: используя популистские патриотические лозунги во время переворота, Екатерина, тем не менее, не продолжила войну с Пруссией до победного конца, оконченной Петром III всего месяц назад. Ведь войска еще не были выведены, а лишь остановлены военные действия! И хотя вскоре после переворота, в июле, были получены распоряжения «для возобновления враждебных действий» против Фридриха, уже к 20 июля войска, находящиеся в Пруссии и Померании, получили приказ о выводе. Екатерина поспешила вывести все войска и в дальнейшем заключила союзный договор с Фридрихом в 1764 г. Впрочем, из вышеизложенного уже ясно, что эти ее решения были совершенно правильны, даже если бы ее с Фридрихом ничего не связывало.

Соломоново решение

Историки любят повторять, что история не терпит сослагательного наклонения, однако они лукавят, потому что дают оценки именно исходя из сослагательного наклонения. Намечают пунктиром гипотетическое продолжение и сравнивают с реальностью. Например, К. Валишевский считает, что, если бы не смерть Елизаветы, «прошло бы еще несколько месяцев – и оружие Апраксина, Салтыкова и Румянцева, храбрость их солдат и мужество Елизаветы изменили бы ход европейской истории на несколько веков», а Фридрих был бы не Великим, а «виновником гибели своего государства». Исходя из этого желанного мажорного финала, вся ответственность за лишение России гипотетического триумфа возлагается на одного Петра Федоровича. Этот «просчет» ложится тенью на всю оценку его деятельности, подвергая сомнению разумность и обоснованность всех его начинаний.

Меж тем своим решением Петр III достиг максимальных могло только затушевать ее роль. Очевидная способность с которыми победное завершение войны в толпе союзников могло только затушевать ее роль. Очевидная способность как справиться с Пруссией своими силами, так и самостоятельно выйти из войны продемонстрировала Европе как силу России, так и независимость ее политики. Быстро восстановив отношения с Пруссией и Англией, Россия обеспечила необходимые ей торговлю и мир. Дальнейший ход событий не только подтвердил правильность решения, но и усилил эффект от него. По выходе из конфликта России вся война на Восточном фронте быстро затухла. Австрия не собиралась (или была неспособна) самостоятельно одолеть Пруссию на Восточном фронте и свернула военные действия, сепаратно замирившись с Пруссией. На Западе коалиция также выдохлась. В самом начале 1763 г. Англия «помирилась» с Францией и Испанией. Англичане выторговали у Франции и Испании себе во владение Канаду, Кубу и Флориду в Америке. Франция расширила владения в Африке. Так завершилась война и на Западном фронте.

Итогом Семилетней войны в Европе посвящено много работ, которые анализировали ее с разных сторон. Некоторые ее рассматривали как последний отголосок европейских религиозных войн, находя много любопытных аспектов (ведь, обобщенно говоря, католики воевали с протестантами). Это была первая война мирового масштаба, и она унесла жизни более миллиона солдат. В ней видят первый прообраз будущих «экономических» мировых войн за передел мира. Так, Франция и Испания боролись с Англией за ряд заморских территорий, прежде всего в Америке, а также в Индии.

Безуспешность войны усугубила политические и экономические проблемы внутри стран антипрусской коалиции, что привело в скором будущем к революционным событиям в них (Испания, Франция). Историк Р. Светлов считает, что «события Великой Французской Революции были «запрограммированы» именно в эти годы». Австрия, боролась с Пруссией за гегемонию среди германоязычных стран в Европе, а также за влияние на соседние славянские страны. После этой войны ее влияние явно стало отходить на второй план. Морально Пруссия выиграла войну, и в атмосфере эмоционального подъема начался взлет в немецкой науке, искусстве, философии, давший плоды уже к концу XVIII в. Территориально она не уступила ни одной деревни. Но самое знаменательное в том, что итоги Семилетней войны впервые заставили Европу взглянуть на Россию как на решающий аргумент в европейских делах. Как ни велик был Петр I для судеб России, но в успешных войнах со Швецией и Османской империей он лишь заявил о появлении России на европейской арене. **В итоге же Семилетней войны европейские страны с удивлением увидели, что Россия стала той гирей на международных весах Европы, положение которой решает вопрос в пользу той стороны, на которой она находится.** Многим непонятно, зачем Наполеон вторгся в российский пределы, держа в руках всю Европу. Но незадолго до вторжения он заявлял, что пора покончить с полувековым диктатом России в Европе. На что же намекал Наполеон в 1812 г.? Именно тогда, 50 лет назад, в середине XVIII столетия, Петр III драматизировал ситуацию в европейской войне, доведя ее до сознания политиков в самой яркой форме. Именно с этого момента стало ясно, что никакой вопрос

в Европе нельзя считать решенным, если на противоположной стороне стоит Россия. Позднее это положение было многократно подтверждено ходом истории от Наполеона до Гитлера, которые вторгались в пределы России именно для того, чтобы поставить точку в мировых делах. Да и сами вторжения происходили уже при полном понимании этого положения.

В рамках статьи невозможно привести все аргументы, говорящие о том, что мир с Пруссией не был предательством или легкомыслием, а был продиктован политической необходимостью. И главное, заключен именно тогда, когда это принесло максимальную политическую выгоду национальным интересам России.

Готовясь к войне с Турцией

Но, как уже говорилось, России эта война показала множество ее слабых сторон. Положение с выходом только к северным морям делало ее очень уязвимой в любой европейской войне. А когда в марте 1761 г. Фридрих подписал с Портой дружественный и торговый договор, стало совершенно ясно, что борьба на Юге за Черное море стала неизбежна и настоятельна. В этой борьбе необходимы были искренние союзники, понадежнее европейской коалиции. Поэтому впервые вопросы заступничества в отношении славянского и православного зарубежья в правительственной политике России были подняты именно при Петре III, а не при Екатерине. Вырисовывались планы координированной борьбы с Османской империей. Ввиду этого император резко сменил отношение России к запорожскому казачеству, которое было то натянутым, то враждебным после измен в петровское время. На второй день после прихода к власти, уже 27 декабря, Петр Федорович указал: «войску Запорожскому обиды не чинить». В дальнейшем подтвердил особый статус казачества.

Военные действия прошедшей войны показали, что российская армия нуждается в серьезных реформах и реорганизации. Военский устав, принятый перед войной, продемонстрировал свои сковывающие пороки. Требовалось дать больше свободы командирам частей, в пределах поставленной им задачи. Большинство неудач прошедшей войны было связано именно с пассивностью войск, ожидающих указаний по любому поводу. Оперативные штабы следовало приблизить к войскам и освободить их от мелочной опеки. В ходе войны появился новый вид боевых действий пехоты – рассыпной строй – с новой тактикой и прицельной стрельбой. Возросшая активность боевых действий породила проблемы встречного боя, боя с марша и т.д. Все это требовало изменения подготовки солдат, схемы ведения боя. Возросли требования к хорошей инженерной подготовке, например для работ по форсированию водных преград и организации временных укреплений. Это поставило на повестку дня подготовку кадров офицеров-инженеров. Развитие артиллерии, ее роли, единообразия и специализации потребовало подготовки своих кадров. Под руководством П.И. Шувалова был создан новый шляхетский кадетский корпус – инженерно-артиллерийский. Необходимость в такого рода офицерах настолько обострилась во время войны, что с 1760 г. воспитанников школы положено было выпускать офицерскими чинами, «хотя бы в артиллерийском и инженерном корпусе не было вакансий, и хотя бы ученики не достигали узаконенных для такового производства лет». Петр III, намеревавшийся основать на базе трех кадетских корпусов Военную академию, свел их указом вместе, однако Екатерина раздробила их вновь. При этом она руководствовалась вовсе не рациональными соображениями, ей просто хотелось иметь побольше теплых мест для размещения преданных генералов. С этой же целью для них вдвое были увеличены штаты.

В 1761 г. Румянцев составил «Учреждение» (своего рода проект устава), в котором рассматривал вопросы полевой службы. Прежде всего, он обратил внимание на необходимость унификации в армии, введения единообразия порядков во всех должностях, при всех полевых полках. Работа над новым уставом и рассмотрение всех больших проблем армии начались сразу же по восшествии на престол Петра Федоровича. В марте 1762 г. создаются военные Комиссии, собирается материал, но нового устава Петр III не увидел. Он появился в следующем году, уже при Екатерине. Новый устав был значительно улучшен по сравнению с довоенным. В нем специально отмечалось, что «сила войска состоит не во многом числе оного, но от содержания его в дисциплине, от хорошего его научения, бодрого содержания и верности». В этой цитате чувствуется влияние Румянцева, которого Петр Федорович любил и очень ценил, по сути перечислены болевые точки, положение и состояние которых более всего расстроились за прошедшее после Петра I время.

Зачем была нужна война с Данией?

Второй шаг Петра Федоровича после заключения мира с Пруссией считается совсем неуместной причудой недалекого монарха – подготовка к походу на Данию. Историк А. Каменский пишет, что «к государственным интересам России эта цель никакого отношения не имела...» и «...к счастью, этим планам не суждено было сбыться». Этот поступок кажется настолько причудливым, что в отечественной историографии о нем вспоминают лишь как об анекдоте и практически не обсуждают. И напрасно, так как весной–летом 1762 г. в Европе, узнав об этом, никто не только не смеялся, но, испытав силу русского оружия, многие демонстрировали панические настроения. Дело усугублялось экономическими проблемами, умноженными войной, и серьезными разногласиями в среде союзников.

Как пишет немецкий историк и современник фон Архенгольц, «хотя требования, предъявляемые им (Петром III. – В.М.) Дании, касались только известных областей Голштейна и Шлезвига, но он намеревался завоевать все...». И что же интересовало Петра Федоровича прежде всего? Оказывается, проливы в Балтийское море. Трудно переоценить значение российского контроля над названными проливами, если бы это предприятие совершилось. А были ли шансы на успех?

Итак, население Восточной Пруссии уже три года считает себя подданными России, в германской части Пруссии стоят натренированные войной 30 000 человек Обсервационного корпуса, и к ним вдобавок собирают 30-тысячный корпус под командой Румянцева для похода на Данию. Вопрос: можно ли сомневаться в успехе такого похода? Сумела бы Дания устоять и сохранить голштинские земли за собой? Думается, что без посторонней помощи военное сопротивление было бы не долгим. Как свидетельствует фон Архенгольц, «исход этой войны для самых беспристрастных наций, даже для самих датчан, являлся несомненным».

Так является ли эта затея очередным фактом безумия и глупости Петра Федоровича? С одной стороны, он имел полное право силой вернуть своему герцогству земли, которые 40 лет назад были захвачены Данией. С другой, обязательство России содействовать возвращению Шлезвига было дано еще Петром I. Заключив мирный договор с Пруссией, Петр Федорович обеспечил себе прямой и безболезненный проход к Дании через немецкие земли. Более того, он готовил российский флот, заручился поддержкой армии Фридриха и участием 16 кораблей Швеции. Уже велась тайная переписка о разделе Польши. И, наконец, главное – Россия, еще находясь в союзных отношениях с коалицией европейских стран, вполне могла рассчитывать на торг с некоторыми из них в свою пользу, например для закрепления итогов Семилетней войны. Используя в том числе и отдельные договоры, она могла выставить на торги отказ от намерений присоединить к себе Восточную Пруссию и часть Польши в обмен на содействие в борьбе с Турцией или на помощь в европейском противоборстве. Ведь Семилетняя война еще не закончена! В принципе возможен был бы даже простой «аншлюз» захваченных Данией земель под нажимом России. Трудно даже оценить перемены в положении России и Европы после того, как эти земли оказались бы под протекторатом России. В конечном счете даже сама угроза разгрома Дании могла служить дополнительным аргументом к международным торгам по итогам Семилетней войны.

Кстати, интересен вопрос – на каких правах Голштиния вошла в Российскую империю? И вошла ли? Ясных ответов на это нет. Если это был просто союз двух государств, то где их договор? Если обратить внимание на гербы на бляхах голштинских гренадерок и сум, то можно видеть, что задолго до воцарения на престоле на них изображен не голштинский герб, а двуглавый орел. Но герб ли это Российской империи? На нем нет ни всадника на груди орла, ни Андреевской цепи вокруг нее, ни скипетра, ни державы. Вместо них два щитка с гербами России и Голштинии. Подобное уравнивание вполне в правилах геральдики, если предпринимался равноправный союз, хотя, конечно, вызывало недоумение таким сравнением. А объяснение тут может быть только одно – в планах Петру Федоровичу грезилась более масштабная империя, где Россия являлась ее составной частью. На первых порах ее связующим звеном был сам Петр III. Интересно было бы узнать, что было намечено в этих вопросах Петром III в будущем?

Кто мог бы оказать реальное сопротивление таким планам Петра III? Скорее всего, Англия. Однако завязать с Россией локальный военный конфликт, один на один, у Англии бы не получилось. В коалиции желающих помочь России в войне с Англией было гораздо больше, чем в войне с Пруссией. Ведь именно в споре с гегемонией Англии был основной смысл борьбы европейских держав в Семилетней войне. Совершенно очевидно, что Порта будет вовлечена Англией для борьбы с Россией в любом из вариантов. Итак, Россия, продолжив войну с Пруссией, была бы вовлечена в войну с Турцией на стороне Пруссии, или, оборвав войну, но желая удержать ее результаты, тоже получила бы войну с Турцией, но теперь на стороне Англии. Не следует думать, что, прекратив войну и вернув все завоевания и не устанавливая ни с кем союзнических отношений, можно было избежать войны с Портой. Борьба с Османской империей на юге России шла уже не первое столетие, и продолжение этого противостояния было очевидным для всех как в России, так и в Турции. Где бы ни возникали у первой сложности, они всегда провоцировали надежды Турции на успешную экспансию в сторону России. Выход России из войны без союзников был бы удобным моментом для начала военных действий Турции против нее. Во всех вариантах русско-турецкая война была неизбежна. И худший из них – самим без союзников воевать против Турции, которой помогает Англия. Именно этот вариант пришлось выбрать Екатерине.

Так зачем нужен поход в Данию, если скоро России придется воевать с Турцией? Ведь мы видим, что Петр Федорович понимал ее неизбежность. Однако он знал и другое: часто моральные победы в Европе важнее для политики, чем реальные титанические битвы на краю Вселенной. Если бы Россия резко вошла со своими интересами в центр европейских государств, то их участие в ее делах было бы более тесным. Ведь страны Средиземноморья и Балканы давно изнывали под гнетом турок. Интересы Германии, Австрии, Франции, Испании, стран Апеннинского полуострова тоже вполне могли быть удовлетворены успешной войной с Турцией в союзе с Россией. В частности, у Австрии к осени 1762 г. кончался срок перемирия с Портой. Скорее всего, Россия, интригуя с Данией, смогла бы получить содействие союзников в борьбе с Турцией, а не начинать эту войну, опираясь только на собственные силы. **Итак, поход на Данию мог совершенно изменить итоги Семилетней войны и положение России в Европе.**

Эта часть европейской интриги была попросту утрачена с приходом Екатерины. Россия отказалась от претензий на голштинские владения. Политика Екатерины свела на нет все российские приоритеты по итогам Семилетней войны. Все территориальные приобретения были возвращены, и никакого содействия европейцев в намечающейся борьбе с Турцией не было достигнуто. Напротив, ревность подталкивала их к пособничеству Турции. Россию пытались вновь затолкать на обочину европейской политики. Такова была ее плата за трон.

Все факты убеждают нас в том, что военная политика и армейские реформы Петра III являются в целом последовательными прогрессивными и важными шагами в развитии отечественной государственности, армии и флота, плоды которых, в основном, были присвоены Екатериной, а краткость правления Петра Федоровича создает предпосылки для того чтобы недооценивать сделанное им в этом направлении.

Таким образом, в заключение статьи можно суммировать выводы:

1. Выход России из Семилетней войны заключением мира с Пруссией был (вопреки распространенному мнению) в полном согласии с национальными интересами России и совершен в наиболее подходящий для этого момент.

2. Реформы и реорганизация армии и флота, улучшение их подготовки, снабжения и боеспособности были предприняты вовремя, тактически и стратегически грамотно и без раскачки. В ближайших войнах с Турцией это нашло подтверждение.

Литература

1. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII в. М., 1958.
2. Валицневский К. Дочь Петра Великого. СПб., 1912.
3. Веселаго Ф. Очерк истории морского кадетского корпуса. СПб., 1852.
4. М.В. Ломоносов Документы, письма 1734-65 гг. Т. X. Л., 1957.
5. Мыльников А.С. Испытание чудом. Л., 1991.
6. Мыльников А.С. Он не похож был на государя..., Петр III, повествование в документах и версиях. СПб., 2001.
7. А.В. Суворов //Сборник документов /Под ред. Г.П. Мещерякова. М., 1949.
8. Троицкий С.М. Россия в XVIII веке. М., 1982.
9. В память празднования 175-й годовщины Первого кадетского корпуса//Сост. А. Антонов. СПб., 1907.
10. Исторический очерк 2-го кадетского корпуса 1712-1912 гг. Т.1. /Под ред. А.К. Линдберга. СПб., 1912.
11. Полное собрание законов российской империи. Т. XV-XVI, Книга штатов 1711-1800 гг.
12. Русский быт по воспоминаниям современников. XVIII в. Ч. II. М., 1918.
13. Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989.
14. О. фон Фрейман. Пажи за 185 лет (1711-1896). СПб., 1898.
15. И.В. фон Архенгольд. История Семилетней войны. М., 2001.
16. Кретинин Г.В. Под российской короной, или Русские в Кенигсберге 1758-1762. 1996.
17. Георг фон Гелбиг. Русские избранники М., 1999.
18. Смирнов Д.Н. Очерки жизни и быта нижегородцев XVII-XVIII веков. Горький, 1978.
19. Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии А.И. Герцена и Н.П. Огарева //Справочный том к запискам Е.Р. Дашковой, Екатерины II, И.В. Лопухина. М., 1992.
20. Каменский А. Под сенью Екатерины... СПб., 1992.
21. Анисимов Евг. Россия без Петра 1725-1740. СПб., 1994.
22. Маркиз Де-ла-Шетарди в России 1740-1742 годов. СПб., 1862.
23. Русская старина. Путеводитель по XVIII веку. М.; СПб., 1996.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алтухов Николай Павлович – студент IV курса кафедры истории стран Ближнего Востока Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Бабич Ирина Виленовна – кандидат исторических наук, заведующая сектором Российской государственной библиотеки.

Бабич Марина Виленовна – кандидат исторических наук, главный специалист Российского государственного архива древних актов.

Балакирева Лидия Михайловна – старший преподаватель кафедры философии Ставропольского экономико-юридического института им. В. Д. Чурсина.

Бумай Олег Константинович – кандидат медицинских наук, доцент Военно-медицинской академии.

Бусева-Давыдова Ирина Леонидовна – кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств.

Глазьев Владимир Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Воронежского государственного университета.

Дуров Иван Герасимович – кандидат военных наук, доцент исторического факультета Нижегородского государственного университета.

Ефимов Сергей Владимирович – кандидат исторических наук, заведующий отделом Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи.

Зелов Дмитрий Дмитриевич – кандидат исторических наук, Московский государственный университет.

Калыгин Евгений Андреевич – кандидат технических наук.

Краснов Андрей Александрович – искусствовед, преподаватель мировой художественной культуры.

Кучер Виталий Всеволодович – кандидат исторических наук, кафедра государственно-правовых наук Новосибирской государственной академии экономики и управления.

Лантева Татьяна Александровна – кандидат исторических наук, главный специалист Российского государственного архива древних актов.

Лебедев Глеб Сергеевич – доктор исторических наук, директор Центра региональных исследований и музейных технологий «Петроскандика» НИИ Комплексных социальных исследований Санкт-Петербургского государственного университета.

Мальшев Виктор Николаевич – младший научный сотрудник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Обращение к участникам конференции</i>	3
<i>Н.П. Алтухов. Начало русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Кинбурн-Очаковская операция 1787–1788 гг.: основные дискуссионные проблемы</i>	5
<i>И.В. Бабич. Гигиеническая культура армейского быта эпохи русско-турецкой войны 1735–1739 гг. в приказах графа Б.-Х. Миниха</i>	9
<i>М.В. Бабич. «Мир» на русско-турецкой границе в преддверии войны 1735–1739 гг.</i>	13
<i>Л.М. Балакирева. Военные на службе в Юстиц-коллегии (1718–1719)</i>	17
<i>О.К. Бумай. Роль медицинской службы флота в медицинском обеспечении Семилетней войны 1756–1763 гг.</i>	21
<i>И.Л. Бусева-Давыдова. «Апофеоз меча»: новая концепция войны в русском церковном искусстве петровского времени</i>	30
<i>В.Н. Глазьев. Воронежская служба Ф.М. Апраксина</i>	33
<i>И. Г. Дуров. Провиантское обеспечение русской армии и флота в Персидском походе 1722–1723 гг.</i>	37
<i>С.В. Ефимов. «Здесь мы рабским обычаем жили и сыты были только зрением» (Великое посольство Петра I в Риге)</i>	45
<i>Д.Д. Зелов. «Огненная пропаганда» русских побед: фейерверочное отражение военных событий в царствование Анны Иоанновны</i>	53
<i>Е.А. Калязин, С.В. Ефимов. Дворянские дипломы и гербы Александра Меншикова</i>	58
<i>А.А. Краснов. Военная тема в «знатнейших проспектах» Петербурга Михаила Махаева</i>	64
<i>В.В. Кучер. «Право войны» в период военных действий русской армии 1757–1761 гг.</i>	67
<i>Т.А. Лаптева. А.Д. Меншиков в конце Северной войны</i>	71
<i>Г.С. Лебедев. Франц Лефорт, подготовка Северной войны и военно-градостроительные предпосылки Петербурга (Архангельск, Азов, Новгород)</i>	75
<i>В.Н. Мальшиев. Отвергнутые успехи и утраченные надежды</i>	78
<i>Сведения об авторах</i>	91

Всероссийская научная конференция

КРОВЬ. ПОРОХ. ЛАВРЫ. ВОЙНЫ РОССИИ В ЭПОХУ БАРОККО (1700–1762)

Сборник материалов
Выпуск первый

Художник – Н.Ю. Якубовская
Верстка – О.Е. Цирценс

Отпечатано в ЦОП ГУ ВИМАИВяВС
Санкт-Петербург, Александровский парк, 7.
Тел./факс: (812) 238-07-04
Лицензия ПД № 2-69-528

Подписано в печать 21.08.02. Формат 60х90/8
Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman Суг.
Тираж 200 экз. Зак. № 98.